

ISSN: 2663-6794

ҚАЗАҚСТАН АРХЕОЛОГИЯСЫ

ҚАЗАҚСТАН АРХЕОЛОГИЯСЫ

2
2021

№ 2
2021

Қазақстан Республикасының Білім және ғылым министрлігі
Ғылым комитеті
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты

ҚАЗАҚСТАН АРХЕОЛОГИЯСЫ

№ 2 (12)

2021

Бас редактор

ҚР ҰҒА академигі, тарих ғылымдарының докторы Б.Ә. Байтанаев

Редакциялық кеңес:

А.Г. Ситдиқов – ТР ҰҒА корр.-мүшесі, тарих ғылымдарының докторы (Қазань, Ресей) (төраға)

Ж.Қ. Таймағамбетов – тарих ғылымдарының докторы, профессор, ҚР ҰҒА академигі (Нұр-Сұлтан, Қазақстан)

В.Ф. Зайберт – тарих ғылымдарының докторы, профессор (Алматы, Қазақстан)

М.Е. Елеуов – тарих ғылымдарының докторы, профессор (Алматы, Қазақстан)

З. Самашев – тарих ғылымдарының докторы, профессор (Нұр-Сұлтан, Қазақстан)

С.Е. Әжіғали – тарих ғылымдарының докторы, профессор (Алматы, Қазақстан)

И.Л. Қызыласов – тарих ғылымдарының докторы (Москва, Ресей)

П.М. Кольцов – тарих ғылымдарының докторы, профессор (Элиста, Ресей)

А.А. Тишкин – тарих ғылымдарының докторы, профессор (Барнаул, Ресей)

Н.Ю. Смирнов – тарих ғылымдарының кандидаты (Санкт-Петербург, Ресей)

Р.Х. Сулейманов – тарих ғылымдарының докторы, профессор (Ташкент, Өзбекстан)

В.Б. Панковский – тарих ғылымдарының кандидаты (Киев, Украина)

Н. Бороффка – археология докторы, профессор (Берлин, Германия)

М. Фрачетти – археология докторы (Сент-Луис, АҚШ)

Т. Уильямс – археология докторы, профессор (Лондон, Ұлыбритания)

А. Оутрам – археология докторы, профессор (Эксетер, Ұлыбритания)

Р. Йовита – PhD докторы (Нью-Йорк, АҚШ)

Редакциялық алқасы:

Ә.М. Манапова – тарих ғылымдарының кандидаты (Алматы, Қазақстан)

Т.Б. Мамиров – тарих ғылымдарының кандидаты (Нұр-Сұлтан, Қазақстан)

Ж. Құрманқұлов – тарих ғылымдарының кандидаты (Алматы, Қазақстан)

М.Қ. Хабдулина – тарих ғылымдарының кандидаты (Нұр-Сұлтан, Қазақстан)

А.А. Бисембаев – тарих ғылымдарының кандидаты (Ақтөбе, Қазақстан)

Д.А. Воякин – тарих ғылымдарының кандидаты (Алматы, Қазақстан)

Е. Ақымбек – PhD (Алматы, Қазақстан)

Ж.Р. Утубаев – тарих ғылымдарының кандидаты (Алматы, Қазақстан)

Жауапты хатшылар:

Г.С. Жұмабексова – тарих ғылымдарының кандидаты

Ғ.А. Базарбаева – тарих ғылымдарының кандидаты

Техникалық редакторы

З.М. Толенова – тарих ғылымдарының кандидаты, доцент

Компьютерлік беттеу және дизайн:

О.В. Кузнецова

Редакцияның мекен-жайы:

050010 Алматы қаласы, Достық даңғылы, 44

Телефон: (727) 293 01 43

E-mail: arch.kaz@archaeolog.kz; arheologikazahstana@gmail.com

archeokz.com

Жылына 4 рет шығады

Басылым Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі Ғылым комитетінің 2021–2022 жылдарға арналған бағдарламалық-нысаналы қаржыландыруы шеңберінде жүзеге асырылады.

**Министерство образования и науки Республики Казахстан
Комитет науки
Институт археологии имени А.Х. Маргулана**

АРХЕОЛОГИЯ КАЗАХСТАНА

№ 2 (12)

2021

Главный редактор

академик НАН РК, доктор исторических наук Б.А. Байтанаев

Редакционный совет:

А.Г. Ситдииков – член-корреспондент НАН РТ, доктор исторических наук (Казань, Россия) (председатель)
Ж.К. Таймагамбетов – доктор исторических наук, профессор, академик НАН РК (Нур-Султан, Казахстан)
В.Ф. Зайберт – доктор исторических наук, профессор (Алматы, Казахстан)
М.Е. Елеуов – доктор исторических наук профессор (Алматы, Казахстан)
З. Самашев – доктор исторических наук, профессор (Нур-Султан, Казахстан)
С.Е. Ажигали – доктор исторических наук, профессор (Алматы, Казахстан)
И.Л. Кызласов – доктор исторических наук (Москва, Россия)
П.М. Кольцов – доктор исторических наук, профессор (Элиста, Россия)
А.А. Тишкин – доктор исторических наук, профессор (Барнаул, Россия)
Н.Ю. Смирнов – кандидат исторических наук (Санкт-Петербург, Россия)
Р.Х. Сулейманов – доктор исторических наук, профессор (Ташкент, Узбекистан)
В.Б. Панковский – кандидат исторических наук (Киев, Украина)
Н. Бороффка – доктор археологии, профессор (Берлин, Германия)
М. Фрачетти – доктор археологии (Сент-Луис, США)
Т. Уильямс – доктор археологии, профессор (Лондон, Великобритания)
А. Оутрам – доктор археологии, профессор (Эксетер, Великобритания)
Р. Йовита – PhD (Нью-Йорк, США)

Редакционная коллегия:

А.М. Манапова – кандидат исторических наук (Алматы, Казахстан)
Т.Б. Мамиров – кандидат исторических наук (Нур-Султан, Казахстан)
Ж. Курманкулов – кандидат исторических наук (Алматы, Казахстан)
М.К. Хабдулина – кандидат исторических наук (Нур-Султан, Казахстан)
А.А. Бисембаев – кандидат исторических наук (Актобе, Казахстан)
Д.А. Воякин – кандидат исторических наук (Алматы, Казахстан)
Е. Акымбек – PhD (Алматы, Казахстан)
Ж.Р. Утубаев – кандидат исторических наук (Алматы, Казахстан)

Ответственные секретари:

Г.С. Джумабекова – кандидат исторических наук
Г.А. Базарбаева – кандидат исторических наук

Технический редактор

З.М. Толенова – кандидат исторических наук, доцент

Компьютерная верстка и дизайн:

О.В. Кузнецова

Адрес редакции:

050010 г. Алматы, пр. Достык, 44
Телефон: (727) 293 01 43
E-mail: arch.kaz@archaeolog.kz; arheologikazahstana@gmail.com
archeokz.com

Выходит 4 раза в год

Издание осуществлено в рамках программно-целевого финансирования Комитета науки Министерства образования и науки Республики Казахстан на 2021–2022 гг.

**Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan
Science Committee
A.Kh. Margulan Archeology Institute**

KAZAKHSTAN ARCHEOLOGY

№ 2 (12)

2021

Editor-in-Chief:

Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan,
Doctor of Historical Sciences B.A. Baitanayev

Executive Editors:

A.G. Sitdikov – Corresponding Member of the National Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Doctor of Historical Sciences (Kazan, Russia) (chairman)
Zh.K. Taimagambetov – Doctor of Historical Sciences, Professor, Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan (Nur-Sultan, Kazakhstan)
V.F. Zaibert – Doctor of Historical Sciences, Professor (Almaty, Kazakhstan)
M.E. Eleuov – Doctor of Historical Sciences, Professor (Almaty, Kazakhstan)
Z. Samashev – Doctor of Historical Sciences, Professor (Nur-Sultan, Kazakhstan)
S.E. Ajigali – Doctor of Historical Sciences, Professor (Almaty, Kazakhstan)
I.L. Kyzlasov – Doctor of Historical Sciences (Moscow, Russia)
P.M. Koltsov – Doctor of Historical Sciences, Professor (Elista, Russia)
A.A. Tishkin – Doctor of Historical Sciences, Professor (Barnaul, Russia)
N.Yu. Smirnov – Candidate of Historical Sciences (Saint Petersburg, Russia)
R.H. Suleymanov – Doctor of Historical Sciences, Professor (Tashkent, Uzbekistan)
V.B. Pankowski – Candidate of Historical Sciences (Kyiv, Ukraine)
N. Boroffka – Doctor of Archaeology, Professor (Berlin, Germany)
M. Frachetti – Doctor of Archaeology (St. Louis, USA)
T. Williams – Doctor of Archaeology, Professor (London, UK)
A. Outram – Doctor of Archaeology, Professor (Exeter, UK)
R. Ioviță – PhD (New York, USA)

Editorial Board:

A.M. Manapova – Candidate of Historical Sciences (Almaty, Kazakhstan)
T.B. Mamirov – Candidate of Historical Sciences (Nur-Sultan, Kazakhstan)
Zh. Kurmankulov – Candidate of Historical Sciences (Almaty, Kazakhstan)
M.K. Khabdulina – Candidate of Historical Sciences (Nur-Sultan, Kazakhstan)
A.A. Bisembayev – Candidate of Historical Sciences (Aktobe, Kazakhstan)
D.A. Voyakin – Candidate of historical sciences (Almaty, Kazakhstan)
E.Sh. Akymbek – PhD (Almaty, Kazakhstan)
Zh.R. Utubayev – Candidate of historical sciences (Almaty, Kazakhstan)

Executive Secretaries:

G.S. Jumabekova – Candidate of Historical Sciences
G.A. Bazarbayeva – Candidate of Historical Sciences

Executive Editor:

Z.M. Tolonova – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

Computer layout and design:

O.V. Kuznetsova

Editorial address:

050010 Almaty, Dostyk Ave., 44
Phone: (727) 293 01 43
E-mail: arch.kaz@archaeolog.kz; arheologikazahstana@gmail.com
arheokz.com

The journal is published four times a year

The publication was carried out within the framework of program-targeted financing of the Committee of Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan for 2021-2022.

© A.Kh. Margulan Archeology Institute, 2021

© Journal “Kazakhstan Archeology”, 2021

МАЗМҰНЫ – СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯНЫҢ МӘСЕЛЕЛЕРІ – ВОПРОСЫ АРХЕОЛОГИИ

<i>Волошин В.С. (Нур-Султан, Қазақстан)</i> Жуантобе 1 – галечное местонахождение каменного века в Бетпақдале	9
<i>Талеев Д.Ә. (Алматы, Қазақстан)</i> Қаратаудың теріскей бетіндегі ортағасырлық қалалардың археологиялық зерттелу мәселесі	29
<i>Мухтарова Г.Р. (Есик, Қазақстан), Железняков Б.А. (Алматы, Қазақстан), Жумай Г. (Есик, Қазақстан)</i> Бронзовые зеркала из Тальхира как источник по материальной культуре: исследования И.И. Копылова	43

ҒЫЛЫМ ТАРИХЫНАН – ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ

<i>Сараев В.В. (Алматы, Қазақстан)</i> Каргалинская диадема под флером Юрия Домбровского	61
---	----

ДАЛАЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕР – ПОЛЕВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Горячев А.А., Сараев В.В., Егорова Т.А., Чернов М.А. (Алматы, Қазақстан)</i> Новые материалы древнего археологического комплекса Каргалинского историко-географического микрорайона	87
<i>Подушкин А.Н., Донец А.Г. (Шымкент, Қазақстан)</i> Исследование памятников археологии в урочище Кызылколь	120

ПӘНАРАЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕР –
МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Байтлеу Д.А., Шағирбаев М.С. (Алматы, Қазақстан)</i> Анализ археозоологического материала поселения Тарангул (предварительные данные)	141
--	-----

ХАБАРЛАР – ХРОНИКА

<i>Ақымбек Е.Ш. (Алматы, Қазақстан)</i> Профессор Мадияр Елеуов 75 жаста	152
<i>Бесетаев Б.Б., Нұржанов А.Ә. (Алматы, Қазақстан)</i> Археолог Ғани Қалиханұлы Омаров 60 жаста	159
Қысқартулар тізімі – Список сокращений	166
Авторларға арналған ережелер – Правила для авторов	167

CONTENT

QUESTIONS OF ARCHAEOLOGY

- Voloshin V. (Nur-Sultan, Kazakhstan)*
 Zhuantobe 1 – pebble location of the stone age
 in Betpakdala (in Russian) 9
- Taleev D. (Almaty, Kazakhstan)*
 The problem of archaeological study of medieval cities
 on the northern slopes of Karatau (in Kazakh) 29
- Mukhtarova G. (Esik, Kazakhstan), Zheleznyakov B. (Almaty, Kazakhstan), Zhumai G. (Esik, Kazakhstan)*
 Bronze mirrors from Talhir as a source on material culture:
 research by I.I. Kopylov (in Russian) 43

FROM THE HISTORY OF SCIENCE

- Saraev V. (Almaty, Kazakhstan)*
 Kargaly diadema on a note of Yuri Dombrovskiy (in Russian) ... 61

FIELD STUDIES

- Goryachev A., Saraev V., Egorova T., Chernov M. (Almaty, Kazakhstan)*
 New materials from the ancient archaeological complex
 in Kargaly historical geographical district (in Russian) 87
- Podushkin A., Donets A. (Shymkent, Kazakhstan)*
 Research of archeological monuments
 in the Kyzylkol tract (in Russian) 120

INTERDISCIPLINARY RESEARCH

- Baitileu D., Shagirbayev M. (Almaty, Kazakhstan)*
 Analysis of archaeozoological materials
 from Tarangul settlement (preliminary data) (in Russian) 141

CHRONICLE

- Akymbek Ye. (Almaty, Kazakhstan)*
 Professor Madiyar Yeleuov is 75 years old (in Kazakh) 152
- Besetayev B., Nurzhanov A. (Almaty, Kazakhstan)*
 60th anniversary of archaeologist Gani Omarov (in Kazakh) 159
- List of Abbreviations** 166
- Submissions** 167

ЖУАНТӨБЕ 1 – ГАЛЕЧНОЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ КАМЕННОГО ВЕКА В БЕТПАКДАЛЕ*

© 2021 г. Волошин Валерий Степанович¹

¹старший научный сотрудник, Филиал Института археологии им. А.Х. Маргулана, г. Нур-Султан, Казахстан. E-mail: voloshin49@list.ru

Аннотация. В статье даётся описание нового памятника каменного века Сарыарки – Жуантобе 1, обнаруженного в 2002 г. в северной части пустыни Бетпақдала. Памятник относится к типу открытых галечных местонахождений, подобных памятникам Музбель и Обалысан. По признакам эоловой корразии поверхностей кварцитовых артефактов среди материалов предварительно выделяются четыре хронологические серии, из которых две древние серии относятся к раннему палеолиту, а третья – к среднему палеолиту. В статье даётся подробное описание изделий самой поздней, четвёртой серии – со «свежей» фактурой, которая легче всего отделяется от остального материала. Наиболее частыми изделиями здесь являются нуклеусы. Предполагаемый геологический возраст этого материала достаточно широкий – позднеледниковье–голоцен и, скорее всего, он относится к позднему неолиту–раннему энеолиту (4 тыс. до н.э.).

Ключевые слова: археология, Жуантобе 1, памятник, артефакт, орудие, нуклеус, бифас, кварцит

ЖУАНТӨБЕ 1 – БЕТПАҚДАЛАДАҒЫ ТАС ДӘУІРІНІҢ МАЛТАСТЫ ТҰРАҒЫ

Волошин Валерий Степанович¹

¹аға ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының филиалы, Нұр-сұлтан қ., Қазақстан. E-mail: voloshin49@list.ru

Аннотация. Мақалада 2002 ж. Бетпақдала шөлінің солтүстік бөлігінде табылған Сарыарканың тас ғасырындағы жаңа ескерткіш – Жуантөбе 1-нің сипаттамасы берілген. Ескерткіш Музбель және Обалысан ескерткіштеріне ұқсас ашық тасты жерлерге жатады. Кварцит артефактілері беттерінің эолдық корразияның белгілері бойынша материалдар арасында алдын-ала төрт хронологиялық серия ерекшеленеді, олардың екеуінің ежелгі сериясы ерте палеолит, ал үшінші сериясы орта палеолит. Мақалада ең соңғы, төртінші сериядағы өнімдердің, материалдың қалған бөлігінен оңай бөлінетін «жана» құрылымы барлардың егжей-тегжейлі сипаттамасы берілген. Мұнда нуклеустар ең жиі бұйымдар болып табылады. Бұл материалдың болжамды геологиялық жасы өте кең – кеш мұздықтар – голоцен және, мүмкін, кеш неолит–ерте энеолитке жатады (б.д.д. 4 мыңж.).

Түйін сөздер: археология, Жуантөбе 1, ескерткіш, артефакт, құрал, нуклеус, бифас, кварцит

*Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки МОН РК, программно-целевое финансирование на 2021–2022 гг.

ZHUANTOBE 1 – PEBBLE LOCATION of the STONE AGE
in BETPAKDALA

Voloshin Valery¹

¹Senior Researcher, Branch of the A.Kh. Margulan Archeology Institute,
Nur-Sultan, Kazakhstan. E-mail: voloshin49@list.ru

The article describes a new Stone Age monument of Saryarka – Zhuantobe 1, discovered in 2002 in the northern part of the Betpakdala desert. The monument belongs to the type of open pebble locations, similar to the monuments Muzbel and Obalysan. According to the signs of aeolian corrosion of the surfaces of quartzite artifacts, four chronological series are previously distinguished among the materials, of which two ancient series belong to the Early Paleolithic, and the third one belongs to the Middle Paleolithic. The article gives a detailed description of the products of the latest, fourth series – with a “fresh” texture, which is most easily separated from the rest of the material. The most common products here are lithic cores. The estimated geological age of this material is quite wide – Late Glacial-Holocene and, most likely, it belongs to the Late Neolithic – Early Eneolithic (4 thousand BC).

Keywords: archaeology, Zhuantobe 1, monument, artifact, tool, lithic core, chipper, quartzite

Введение

Местонахождения каменного века с галечным инвентарём ранее были выявлены и обследованы М.Н. Клапчуком и автором в бассейне Сарысу (Музбель 1–3, Обалысан 1–2, Сарысу 5–6, Сюргута, Азат 3, Кога-лайжар, Джаркум). Новый памятник – Жуантобе 1 (Жанааркинский р-н, Карагандинская обл.), обнаруженный в 2002 г., находится несколько в стороне – к востоку от этого района, в северной части пустыни Бетпақдала. Памятник расположен в 40 км к северу от метеостанции Бетпақдала возле полевой дороги, идущей с севера – от Шалгинского на юг – до Камкалы (рис. 1А).

Материалы и методы

Территория вокруг памятника Жуантобе 1 представляет собой слегка всхолмлённую равнину, выработанную в древних породах протерозоя, с отдельными каменистыми сопками и такырами между ними; абсолютные отметки на вершинах сопки немного превышают 400 м, на днищах такыров – приближаются к 400 м. Памятник приурочен к одной из таких камени-

стых сопки, продолговатой по форме с субширотным направлением и абсолютной отметкой на тригопункте в 433,2 м (рис. 1–2). Сопка представляет собой останец древней, плиоценовой поверхности: на её поверхности кое-где сохранились полу-размытые участки залегания хорошо известного нам по Музбелю галечника-валунника, залегающего здесь, как правило, на породах протерозоя, а в местах понижения рельефа – на красноватых глинах верхнего миоцена (павлодарская свита) – породах, сохранившихся здесь почти чудесным образом ввиду доминирующих в плейстоцене процессов эрозии. Плейстоценовая эрозия привела в конце концов к тому, что большая часть галечника, а вместе с ним, вероятно, и самые древние кварцитовые артефакты (серия 1) были здесь переотложены вниз по склону вплоть до основания сопки и края такыра (рис. 1Б). Но гораздо большая часть археологического материала – продуктов обработки кварцитовых галек на памятнике, безусловно, была оставлена древним человеком позже, т. е. уже на склоне и в основании соп-

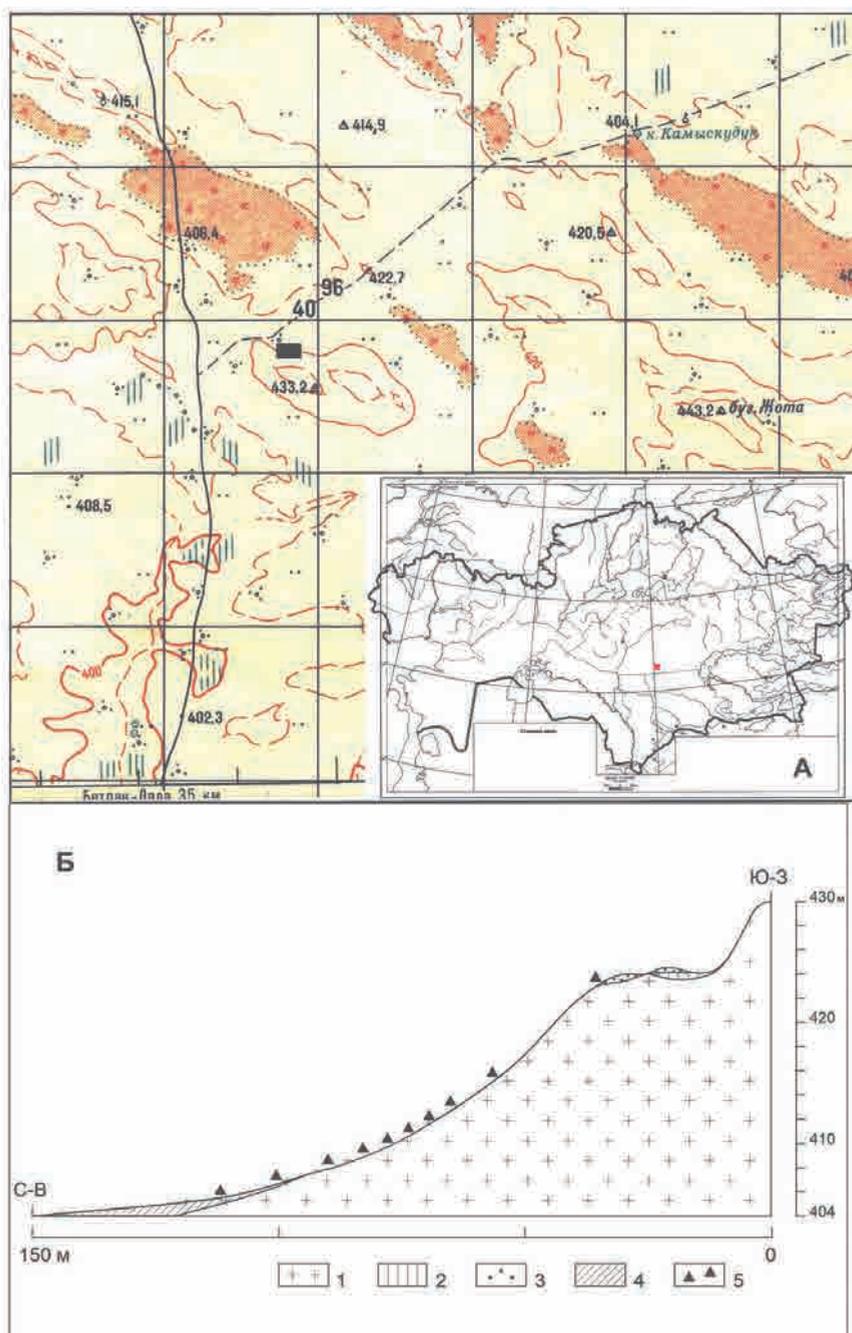

Рис. 1. Памятник Жуантобе-1. А – план памятника. Б – профиль памятника:
 1 – коренные породы; 2 – глины верхнего миоцена; 3 – галечник плиоцена;
 4 – отложения плейстоцена; 5 – каменные артефакты

Fig. 1. Zhuantobe-1. A – plan of the monument. B – profile of the monument:
 1 – native rocks; 2 – clays of the Upper Miocene; 3 – Pliocene pebble;
 4 – Pleistocene deposits; 5 – stone artifacts

*Рис. 2. Галечное местонахождение Жуантобе-1.
Вид с северо-востока*

*Fig. 2. Pebble location of Zhuantobe-1.
View from the northeast*

ки и, скорее всего, это произошло в среднем и верхнем плейстоцене.

Сборы археологического материала в Жуантобе 1 производились в 2002, 2006 и в 2020 гг. Общее число находок в коллекции составляет 369 экз. Сборы охватывали северные и западные склоны сопки от самых её верхов до основания. Каких-либо отчётливых по простиранию скоплений артефактов той или иной серии не было отмечено – наблюдалось только преимущественное залегание артефактов «свежей» фактуры (серия 4) в средней и нижней частях склона сопки, т. е. на месте наибольшего обилия галечного материала (что вполне естественно), в то время как наиболее заглаженные артефакты (серии 1–2) чаще всего находились в основании и нижней части склона (что также естественно).

Спектр сохранности поверхностей кварцитовых артефактов в Жуантобе 1 такой же, как и в Музбеле, т. е. максимально широкий: от почти «свежих» фасов и граней расколов и чётких рёбер (серия 4) до слегка заглаженных (серия 3), заглаженных (се-

рия 2) и сильно заглаженных (серия 1). Многочисленные случаи суперпозиции фасов на артефактах и их разнообразные комбинации позволили с известной долей уверенности расчленить материал на хронологические серии: предварительно здесь были выделены четыре таких серии (нужно отметить – это минимум из возможных вариантов расчленения этого, в общем-то, весьма разнообразного коллекционного материала).

Обсуждение

Данная публикация имеет целью дать подробное описание изделий из серии 4 (с почти «свежей» фактурой), которая легче всего выделяется из общей массы археологического материала Жуантобе 1. Вместе с тем уже сейчас имеется возможность в предварительном порядке и в сравнительных целях дать общий обзор более древнего материала. Здесь, прежде всего, следует отметить, что среди последнего в отличие от серии 4 отсутствуют бифасы – основной элемент ашельского комплекса. Для серии 1 характерны чопперы, зубчатые и выемчатые орудия из целых галек, а также отщепов, грубые остроконечные орудия, изделия с выступами, резце-видные орудия с поперечной кромкой на углу, грубые нуклеусы со снятием отщепов с одной или обеих сторон «от лезвия». В серии 2 к такому набору изделий присоединяются более выразительные нуклеусы с элементами приготовления формы и ударной площадки, ножи с боковым обушком, остроконечники; данная серия имеет

определённое сходство с материалами памятника Улькен-Кундузды в бассейне Нуры [Волошин, 1998]. В серии 3 появляется леваллуазская техника, фасетированные площадки на нуклеусах, грубо-клиновидные и краевые-торцовые нуклеусы для пластин; пластины, часть из которых, по-видимому, снималась, с помощью посредника, а также скрёбла, скребковидные изделия, сечёные изделия из отщепов и пластин. Здесь имеются также галечные орудия – чопперы и струги, что сближает данный комплекс с соаном [Ранов, 1982]. Если исходить из известной традиционалистской схемы по палеолиту [Collins, 1969], то связку палеолитических серий 1–3 в Жуантобе 1 с учётом особенностей этих материалов и условности их расчленения можно было бы достаточно легко обозначить в понятиях: олдован (преашель) – клектон – средний палеолит без бифасов (поздний соан).

Материалы серии 4 демонстрируют гораздо более поздний этап в развитии индустрии каменного века. К ней отнесено 83 артефакта, в том числе из кварцита (75 экз.) и кремня и

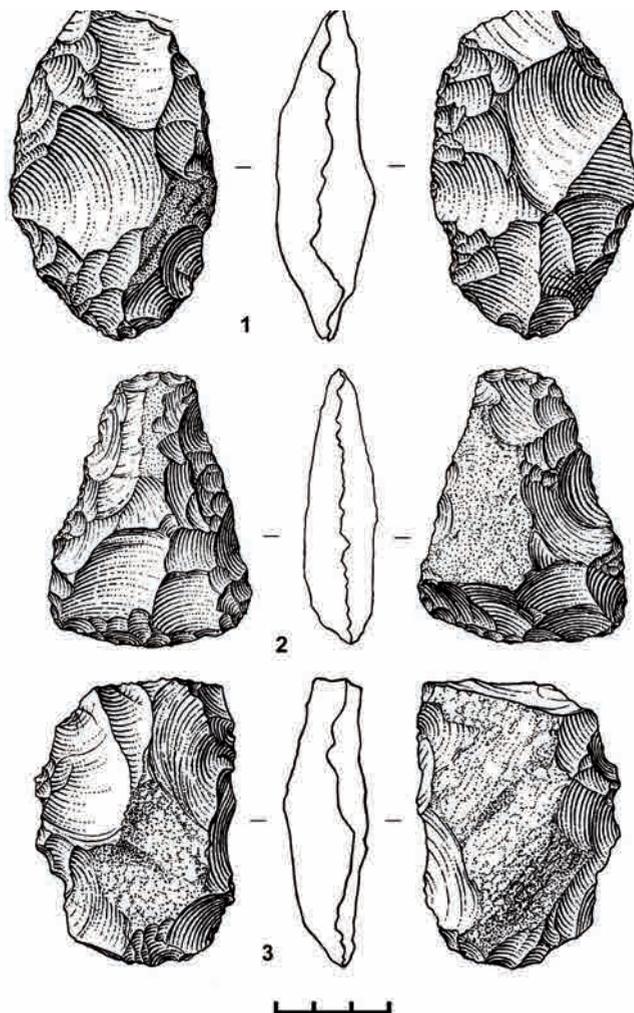

Рис. 3. Жуантобе-1. Каменные артефакты серии 4: 1 – бифас; 2 – мотыга; 3 – нуклеус

Fig. 3. Zhuantobe-1. Stone artifacts of the series 4: 1 – chipper; 2 – hoe; 3 – lithic core

кремнистых пород (8 экз.). Среди последних обращает на себя внимание изготовленный из желвака светло-серого кремня короткий одноплощадочный нуклеус, размерами 8,8×5,9×2,6 см (рис. 3, 3): изделие плоско-выпуклое в сечении и оформлено двухсторонними фасадами по всему периметру, края в профиль слегка изломаны, ударная площадка слегка скошена, на фронте – два негатива снятий от площадки

в целях приготовления поверхности для производства основного отщепа. Ещё один кремнёвый нуклеус отличается небольшими размерами и представляет собой вариант двухстороннего трёхплощадочного продольно-поперечного ядрища для скалывания отщепов. Весьма характерен также небольшой (7,4×5,3×1,9 см) овальный частичный бифас, выполненный из светло-серого кремня: на его верхнем и более толстом окончании лицевой крутой ретушью, нанесённой от небольшого обратного желобчатого фаса, приготовлено лезвие скребка, последнее выделено сбоку выемкой-фасеткой (рис. 4, 1). В коллекции имеется ещё один небольшой частичный бифас из такого же кремня (рис. 4, 2), оформление которого было очень специфично: двухсторонние фасетки ретуши и небольшие сечения намеренно создавали на краю выступы и выемки, которые, скорее всего, имели отдельное функциональное значение; косым лицевым фасом на боковом краю было оформлено лезвие ножа; размеры орудия – 6,4×4,0×1,7 см. Последним орудием из данной группы является выполненная из тёмно-серого окремнённого туфо-песчаника мотыга правильной подтреугольной или лучше сказать высокой трапециевидной формы (рис. 3, 2). Изделие частично-бифасное, в плане и в профиль с ровными боковыми краями, лезвие оформлено двухсторонними фасами, толстое и «забитое»; размеры – 8,3×6,2×2,2 см. Остальные три предмета из данной группы представляют собой отщеп и мелкие сколы.

Среди кварцитовых изделий также имеются бифасы. Великолепный бифас эллипсоидной формы (*limande*) с центрированными и слегка изломанными боковыми краями в профиль имеет размеры – 10,0×6,0×2,6 см;

на его верхнем конце – скошенное и слегка вогнутое долотовидное лезвие, оформленное лицевой чешуйчатой ретушью от плоскости обратного фаса; лезвие выделено с боков нижней выемкой-фасеткой и трёхгранным выступом, формирующим вершину изделия (рис. 3, 1). Другое изделие является частичным бифасом, имеет овально-вытянутую форму, близкую к *limande*. Оно изготовлено из массивного валунчика, на одном боковом краю сохраняет толстый натуральный обушок, а на другом – оформлено глубокими короткими и укороченными, крутыми и полу-крутыми фасами, формирующими здесь резко изломанное лезвие. Оба окончания сохраняют участки необработанной поверхности (рис. 12, 2). Общее впечатление – это не дообработанное изделие, размеры – 11,4×7,9×5,3 см.

Нуклеусы составляют основную группу кварцитовых артефактов (32 экз.). Их можно разделить на несколько подгрупп: типа однодвухстороннего чоппера (6 экз.), площадочные плоскостные для снятия отщепов (16 экз.), леваллуазские (1 экз.), грубо-клиновидные (1 экз.), краевые-торцовые (3 экз.), призматические для снятия пластин (1 экз.), разные нуклеусы (3 экз.).

Нуклеусы типа чоппера включают изделие с двухсторонним боковым изогнутым «лезвием» с 2–3 глубокими фасами с каждой из сторон, размеры – 8,5×6,5×3,5 см (рис. 11, 2); другое изделие внешне напоминает двухсторонний концевой чоппер (рис. 10, 7), однако с плоской стороны здесь наблюдаются три заглаженных негатива серии 2, которые частично перекрыты «свежими» фасами, а с противоположной стороны снимались более крутые фасы, размеры изделия – 11,1×8,9×6,2 см; ещё одно изделие

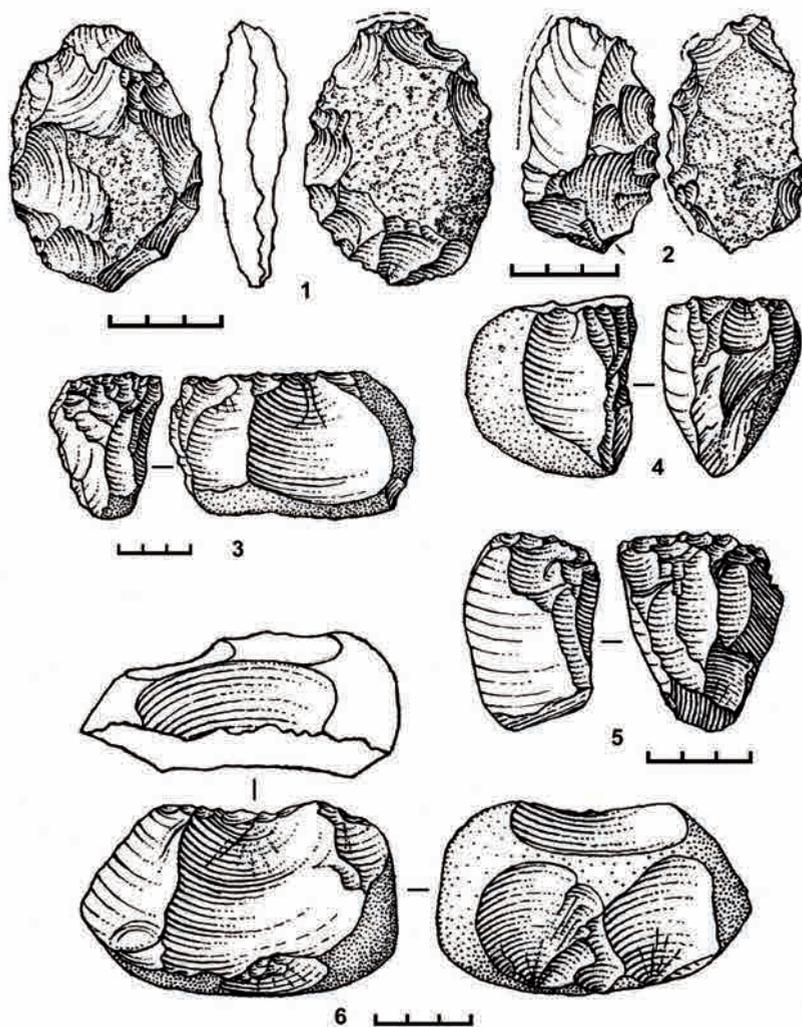

Рис. 4. Жуантобе-1. Каменные артефакты серии 4: 1, 2 – бифасы; 3–6 – нуклеусы
 Fig. 4. Zhuantobe-1. Stone artifacts of the series 4: 1, 2 – chippers; 3–6 – lithic cores

близко к двухстороннему концевому чопперу (рис. 10, 4), однако и здесь сходство лишь внешнее – в начале расщепления 3–4 фасами реализовывался вариант одноплощадочного укороченного ядрища, затем с обратной стороны, используя предыдущие фасы в качестве подготовленной площадки – вариант продольного ядрища, размеры – 11,3×7,6×5,9 см. В коллекции есть ещё одно двухстороннее изделие из массивной гальки, у ко-

торого с каждой из сторон на манер концевой чоппера снимались от 1 до 3 фасов. Имеется также изготовленные из целых галек два нуклеуса типа одностороннего бокового чоппера с 2–3 фасами на краю.

Среди площадочных плоскостных нуклеусов имеются свои подгруппы изделий.

Одноплощадочные односторонние нуклеусы – 7 экз. Здесь следует отметить короткое изделие, не приго-

товленное, с двумя фасадами на плоской стороне гальки (рис. 9, 1) и размерами – 9,5×9,3×3,8 см, а также укороченный нуклеус из усечённой сбоку гальки с серией фронтальных снятий от галечной площадки (рис. 7, 7), размеры – 10,1×7,0×4,8 см. У другого укороченного нуклеуса, изготовленного из поколотого в древности валунчика, снятие крупных отщепов с плоского фронта завершилось переходом расщепления на боковой торец, где была снята серия небольших продолговатых отщепов (рис. 4, 3), размеры – 12,0×7,0×5,3 см. Аналогичная огранка наблюдается также у небольшого, короткого нуклеуса с выпуклым фронтом (рис. 4, 5) и здесь, вероятно, использовался посредник, размеры – 6,6×4,9×4,1 см. Ещё один укороченный нуклеус представлен фрагментом с двумя глубокими фасадами на фронте. В коллекции есть ещё короткий нуклеус с двумя фронтальными фасадами, у которого боковой край усечён и притуплен ретушью, а также грубо приготовленный двухсторонними фасадами продольный нуклеус со скошенной площадкой (рис. 6, 2). Последний напоминает леваллуазские ядрища и отмечен весьма специфическим явлением – на одном из боковых краёв его с помощью серии небольших фасов и фасеток оформлена срединно-выпуклая площадка типа *talon_m charreau de gendarme*, причём она приходится как раз на осевую часть желоба глубокого и укороченного обратного фаса. Основание нуклеуса заострено двухсторонними фасадами. Размеры – 9,4×6,3×4,6 см.

Двухплощадочные односторонние нуклеусы – 2 экз. Один из них продольно-поперечной формы с плоским фронтом, на котором наблюдается три выразительных негатива от снятий отщепов (рис. 7, 4), размеры

– 11,5×7,9×4,3 см. Другой – короткий со встречным снятием двух отщепов (рис. 9, 2), размеры – 9,8×9,2×3,8 см.

Двухплощадочные двухсторонние нуклеусы – 3 экз. Два из них короткие с перекрестным расщеплением. У одного – снятие отщепов на лицевом фронте велось с галечной площадки, на обратном фронте – с лицевого негатива (рис. 6, 1), размеры – 6,9×6,5×3,1 см. У другого – более массивного – обе площадки галечные (рис. 5, 3), размеры – 9,7×7,5×7,1 см. Третий нуклеус имеет укороченную форму со встречным расщеплением (рис. 4, 6): одна из его площадок, расположенная на более тонком краю, грубо оформлена широким скошенным фасом, в то время как другая – на галечном обушке – была слегка подтёсана небольшим фасом и фасетками, но уже после утилизации ядрища; одновременно противоположный угловатый край также был приострён несколькими фасетками. Вероятно, здесь мы имеем случай последующей модификации ядрища для использования в качестве рубящего орудия с боковым галечным обушком, при этом подтёска на обушке имела целью удобство захватывания орудия. Размеры – 11,0×6,5×5,2 см.

Многоплощадочные нуклеусы – 4 экз. Здесь имеется один трёхплощадочный двухсторонний нуклеус, на одной стороне которого наблюдается перекрестное расщепление, на другой – поперечное скалывание, площадки галечные, размеры – 9,8×7,4×4,5 см. Остальные нуклеусы – четырёхплощадочные двухсторонние со встречным, либо перекрестным расщеплением на фронтах. У изделия коротких пропорций (рис. 5, 1) обе концевые площадки оформлены одним глубоким и широким скошенным фасом, формирующим желоб, края которого с обрат-

ной стороны обработаны ретушью (лезвия струга) – приём этот можно считать, наряду с *talon_m chapeau de gendarme* одной из специфических черт данной индустрии, повторённый не единожды на других изделиях. У другого изделия (рис. 5, 2) на краю площадки лицевыми фасетками также оформлено лезвие струга, только уже не по желобу обратного фаса, а по краю гальки. То же самое – у другого нуклеуса, со встречным расщеплением на обеих сторонах (рис. 7, 5).

Леваллуазские нуклеусы – 1 экз. К данной группе отнесено короткое изделие подтреугольной формы, приготовленное двухсторонними фасадами, с горизонтальной галечной площадкой, его основание заострено и утончено фасетками с обеих сторон. На плоском фронте – один широкий негатив отщепа, снятого с площадки. После утилизации изделие, вероятно, было подвергнуто переоформлению под бифас с галечной пяткой в основании (рис. 7, 3). На галечной поверхности наблюдается серия выбоин от ударов отбойником. Размеры – 9,5×7,8×5,1 см.

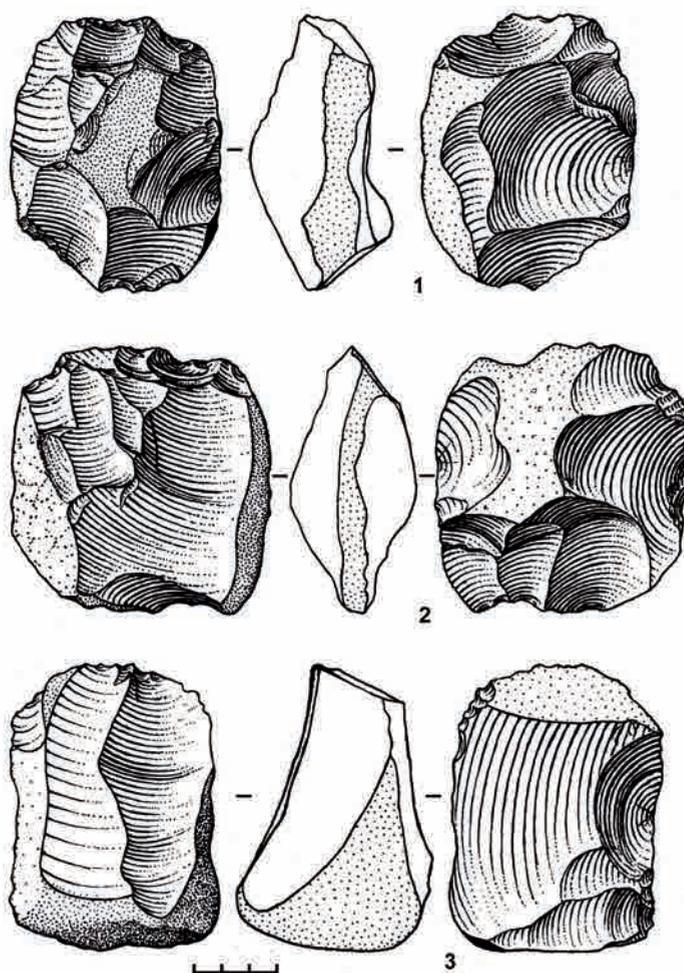

Рис. 5. Жуантобе-1. Каменные артефакты серии 4: 1–3 – нуклеусы

Fig. 5. Zhuantobe-1. Stone artifacts series 4: 1–3 – lithic cores

Грубоклиновидные нуклеусы – 1 экз. Нуклеус грубо изготовлен из массивной гальки плоско-выпуклого сечения. Скошенная площадка приготовлена одним фасом от фронта, клин в основании – тремя крутыми фасадами с выпуклой стороны. Расщепление велось по толстому боковому краю (фронту) с помощью посредника – результатом была серия плоских пластинчатых и заломившихся коротких фасов (рис. 8, 3). Размеры – 9,3×9,5×6,4 см.

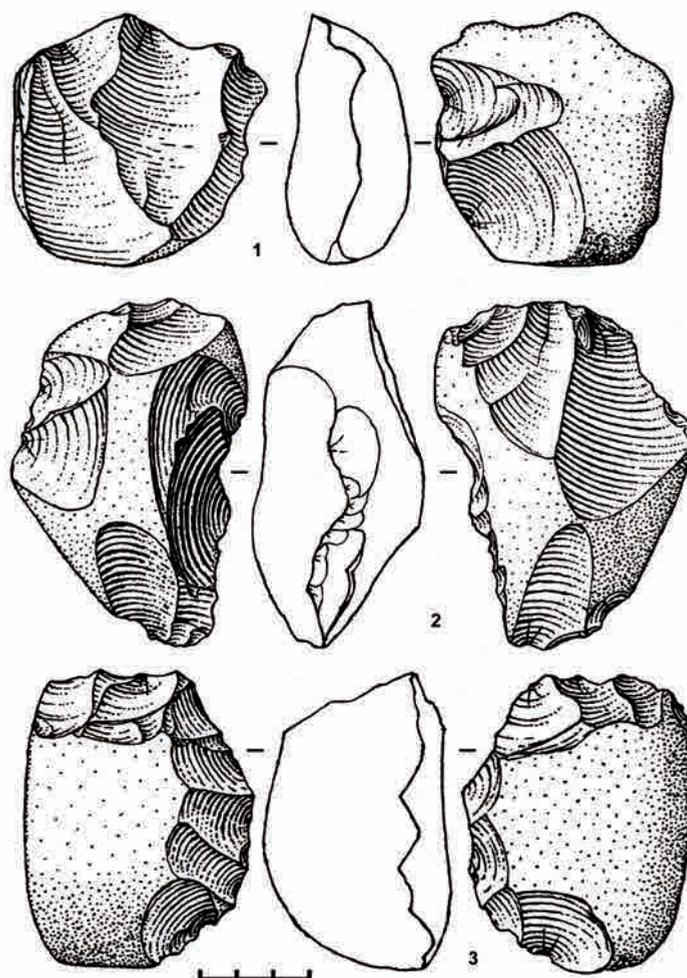

Рис. 6. Жуантобе-1. Каменные артефакты серии 4: 1–3 – нуклеусы

Fig. 6. Zhuantobe-1. Stone artifacts series 4:
1–3 – lithic cores

Краевые-торцевые нуклеусы – 3 экз. Среди них один крупный удлиненный и плоский нуклеус с пластинчатым негативом (10,8×3,5 см) по боковому краю, ударная площадка подготовлена небольшим фасом и сильно скошена; при расщеплении, вероятно, использовался посредник, размеры – 14,2×6,9×3,9 см. Остальные изделия небольших размеров. Одно из них также несёт пластинча-

тый негатив (8,3×3,2 см), частично перекрытый последующими неудачными снятиями – он не подготовлен, размеры – 9,3×7,1×4,3 см. У другого – краевая часть покрыта 3–4 негативами небольших отщепов, снятых с помощью посредника, ударная площадка горизонтальная, оформлена вогнутым широким фасом от лицевой латерали (рис. 4, 4), размеры – 6,3×5,8×4,8 см.

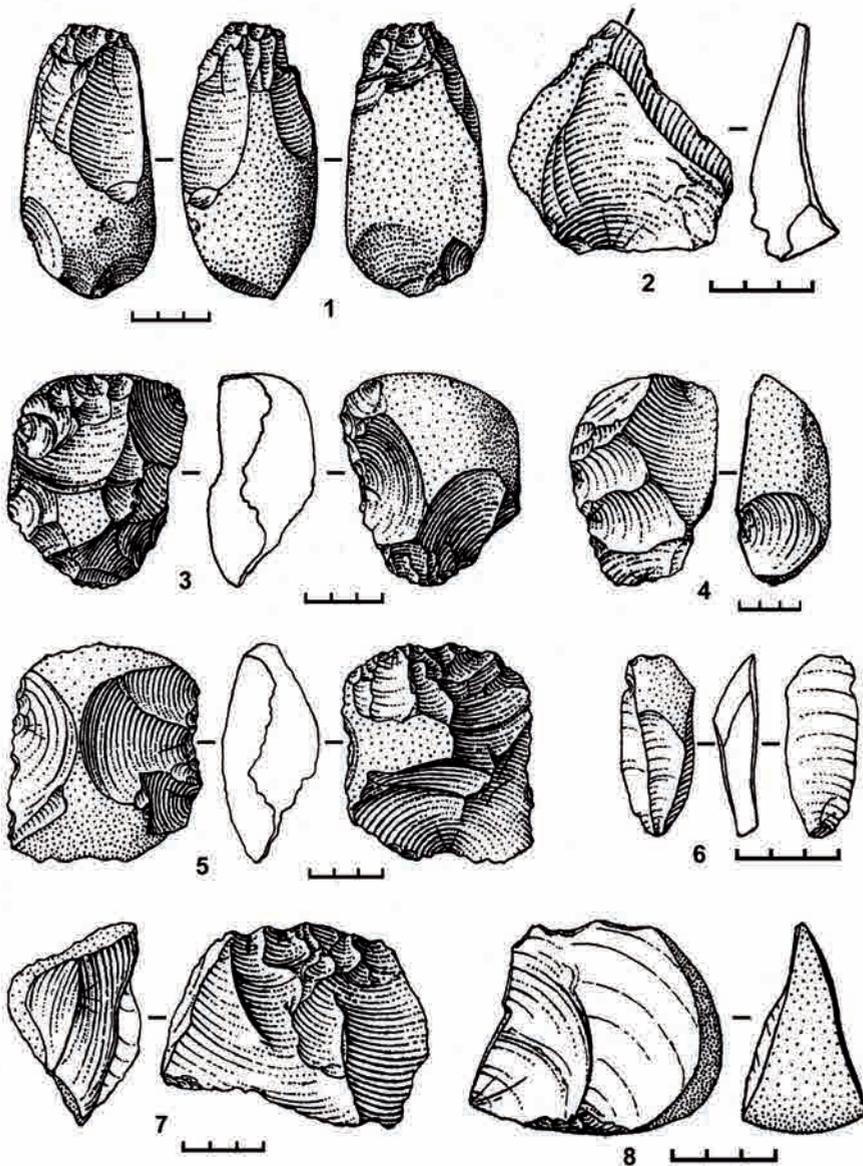

Рис. 7. Жуантобе-1. Каменные артефакты серии 4: 1, 3–5, 7 – нуклеусы; 2, 8 – орудия из отщепов; 6 – пластинка

Fig. 7. Zhuantobe-1. Stone artifacts of the series 4: 1, 3–5, 7 – lithic cores; 2, 8 – tools from flakes; 6 – plate

Призматические нуклеусы – 1 экз. Изделие изготовлено из небольшой удлинённой и массивной гальки, ударная площадка оформлена одним поперечным фасом, расщепление велось по всему периметру с помощью

посредника – фасы чаще всего оказывались неудачными, давали заломы уже немногим ниже края площадки (рис. 7, 1). Размеры – 10,5×6,2×5,2 см.

Разные нуклеусы – 3 экз. Один из них близок к полиэдрическому и

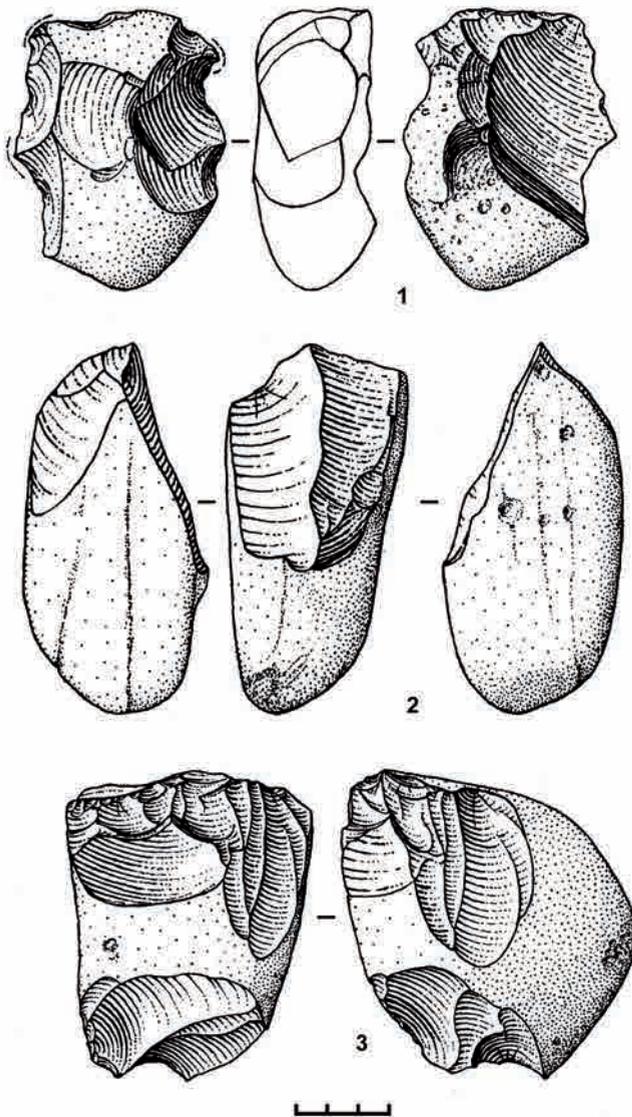

Рис. 8. Жуантобе-1. Каменные артефакты серии 4: 1 – орудие с выступами; 2 – чоппинг; 3 – нуклеус

Fig. 8. Zhuantobe-1. Stone artifacts of the series 4: 1 – a tool with protrusions; 2 – chopping; 3 – lithic core

отчасти напоминает массивный конусовидный нуклеус (рис. 9, 3), однако, здесь можно выделить два выпуклых фронта, каждый с серией негативов продольных отщепов, снятых отчасти с помощью посредника с приготовленных площадок. Разме-

формления одноплощадочного одно-стороннего плоскостного нуклеуса, при расщеплении которого использовался посредник (рис. 9, 4). Изделие имеет два рабочих элемента: лезвие углового резака, приострѐнное небольшими лицевыми фасадами и лезвие

ры – 7,2×7,1×6,6 см. Второй нуклеус – из небольшой плоской гальки с двухсторонними полукруглыми и плоскими фасадами (8,1×7,2×2,3 см). Третий, вероятно, представляет собой преформу продольного краевого ядрища для снятия с помощью посредника пластинчатых заготовок (рис. 6, 3): двухсторонними фасадами здесь тщательно оформлен выпуклый боковой край, ударная площадка скошена фасадами и по одной из латералей начато расщепление – последнее, вследствие заломов, с самого начала получилось неудачным. Размеры – 8,0×6,6×4,4 см.

Среди орудий представлена группа изделий, выполненных из целых галек или их обломков (11 экз.). Она состоит из нескольких подгрупп. Отметим, прежде всего, нуклеоидные орудия (3 экз.). Одно из них – результат перео-

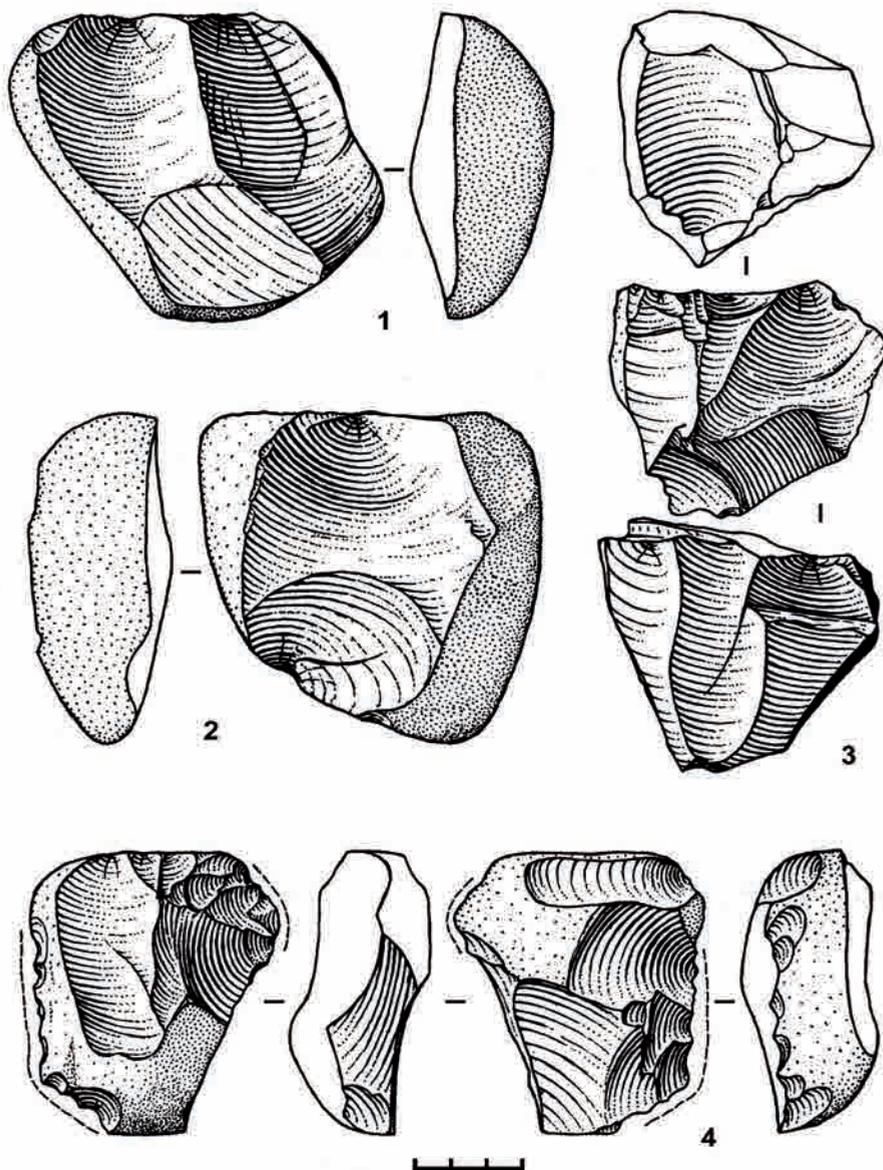

Рис. 9. Жуантобе-1. Каменные артефакты серии 4: 1-3 – нуклеусы; 4 – нуклеовидное орудие

Fig. 9. Zhuantobe-1. Stone artifacts of the series 4: 1-3 – lithic cores; 4 – core-like tool

бокового скребла весьма специфического типа. В своих описаниях подобных форм мы используем термин «гребенчатое скребло», суть которого в том, что лезвие оформляется преимущественно с нижней стороны

и обычно рядом достаточно глубоких (желобчатых) фасов, формирующих для нити лезвия в профиль зубчатый характер (в плане контур лезвия может быть ровным прямым или выпуклым); с верхней стороны лезвие

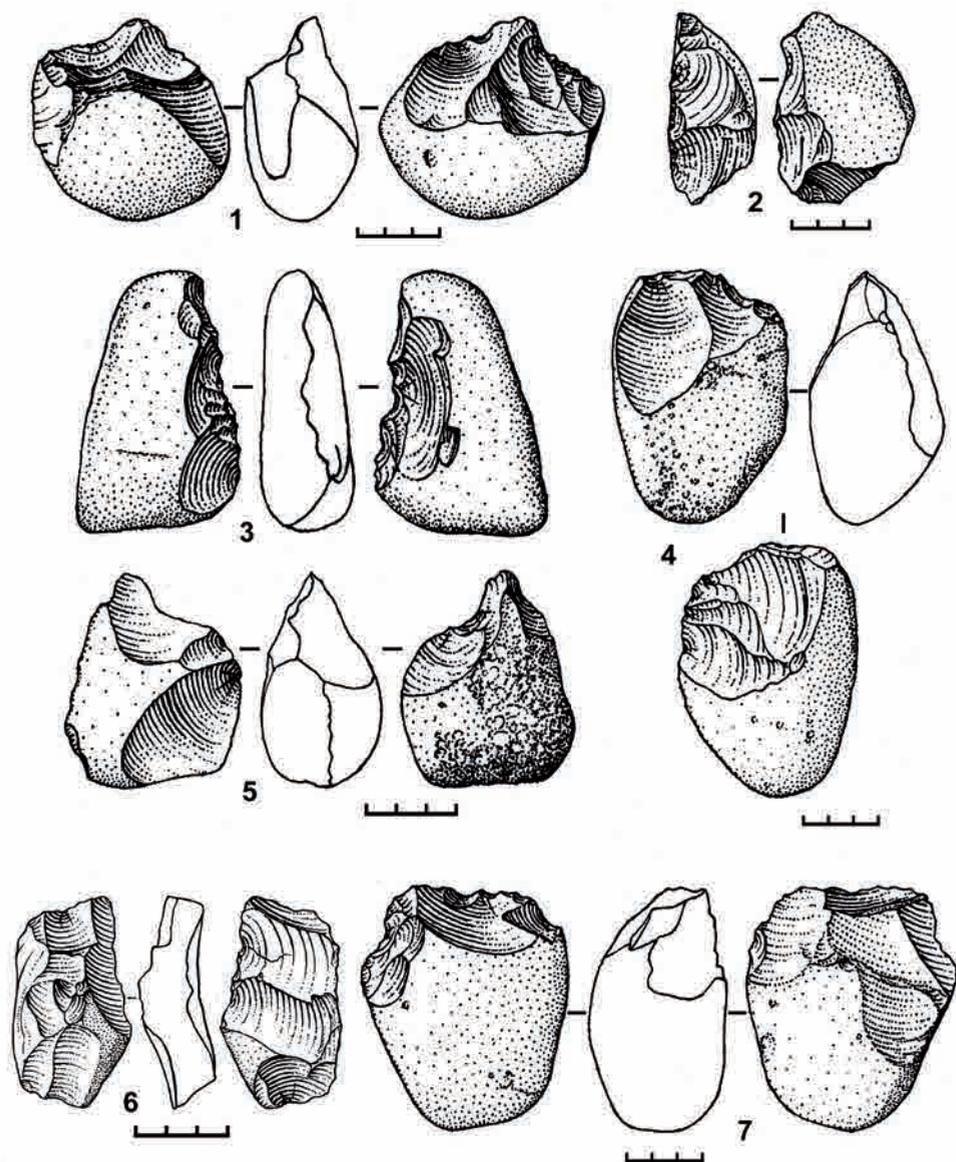

Рис. 10. Жуантобе-1. Каменные орудия серии 4: 1, 3 – чоппинги; 2 – скребло; 4, 6, 7 – нуклеусы; 5 – остроконечник
 Fig. 10. Zhuantobe-1. Stone tools of the series 4: 1, 3 – choppings; 2 – thumb flint; 4, 6, 7 – lithic core; 5 – sharp-pointed tool

может оформляться рядом небольших фасов и фасеток или быть вообще без ретуши. В данном случае гребенчатое лезвие скребла имеет несколько угловатый характер, но выразительно в

своём главном, нижнем оформлении. Размеры орудия – 8,3×7,0×3,4 см. Другое орудие изготовлено из галечного обломка, отличается массивностью, изогнуто в профиль и напоминает

нуклеус-чоппер; оно также имеет два рабочих элемента (рис. 11, 1): лезвие струга на нижнем конце, оформленное рядом крутых фасов и фасеток ретуши, и скребло-видное лезвие, оформленное небольшими крутыми фасадами на боковом краю возле верхнего окончания орудия. Размеры орудия – 9,5×5,9×4,6 см. Третье орудие близко к тому, что часто описывается как двойной боковой чоппер или нуклеус-чоппер – в нашем описании мы обозначили его как нуклеовидное орудие с выступами (рис. 8, 1). Выступы скребущего профиля оформлены здесь грубо, с помощью широких и

глубоких фасов – последние, однако, дополняются фасетками ретуши. Размеры орудия – 8,9×6,6×3,8 см.

Другую подгруппу составляют чопперы (4 экз.). Здесь имеется боковой двухсторонний чоппер, выполненный из переоформленного нуклеуса (рис. 12, 1); лезвие у него выпуклое в плане и изогнутое в профиль, размеры – 8,9×7,5×5,1 см. Близки ему ещё два орудия: боковой

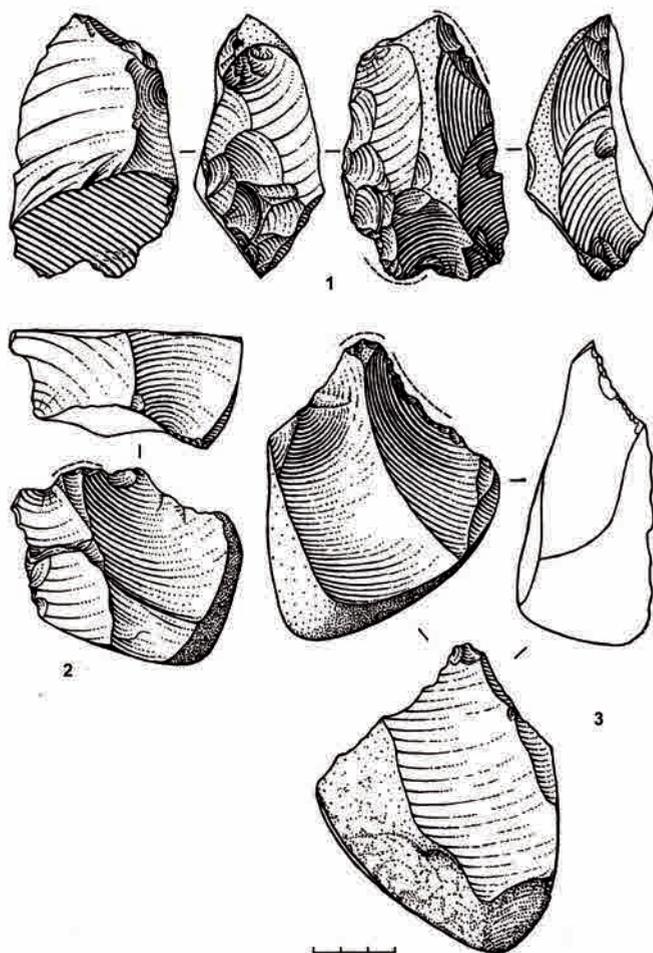

Рис. 11. Жуантобе-1. Каменные артефакты серии 4: 1, 2 – нуклеовидные орудия; 3 – крупное остроконечное орудие

Fig. 11. Zhuantobe-1. Stone artifacts of the series 4: 1, 2 – core-like tools; 3 – large sharp-pointed tool

двухсторонний чоппер с выступом на лезвии, имеющим острую диагональную кромку (рис. 10, 1) – его размеры – 8,6×8,4×4,3 см, а также боковой двухсторонний чоппер с прямым и слегка извилистым в профиль лезвием, оформленным с каждой из сторон 3–4 укороченными фасадами и фасетками (рис. 10, 3), размерами – 9,8×6,3×3,7 см. Ещё одно орудие сходно с продольными-краевыми

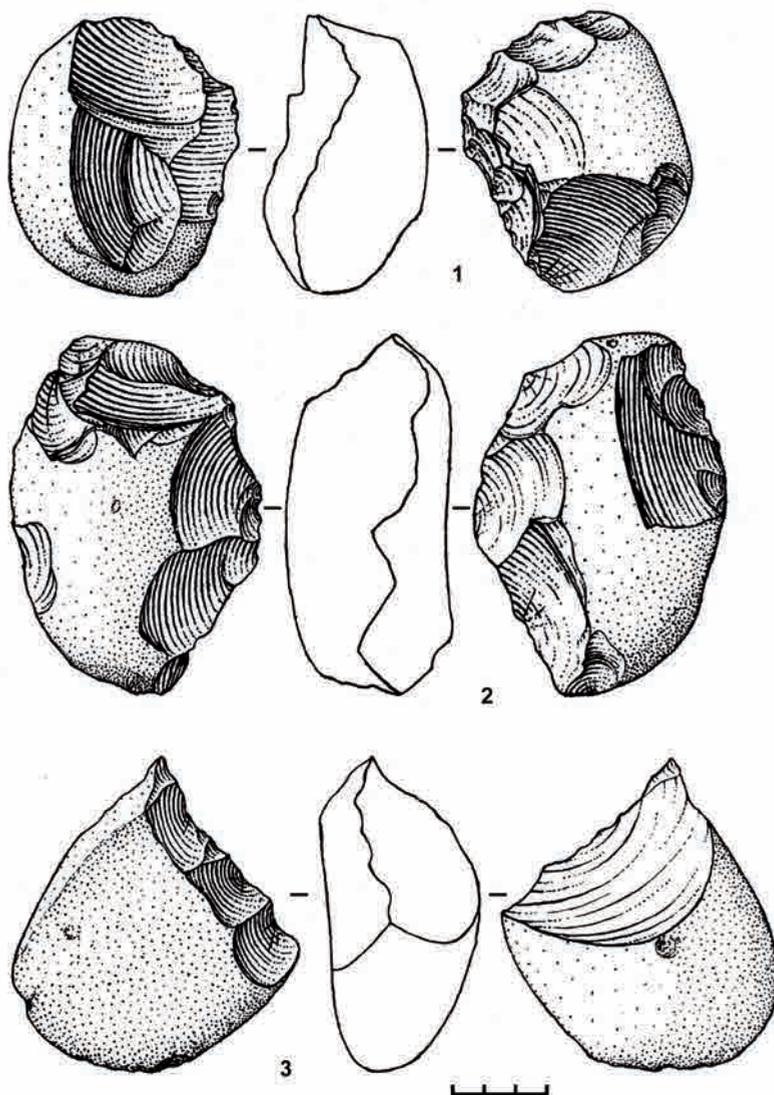

Рис. 12. Жуантобе-1. Каменные артефакты серии 4:
1 – чоппер, 2 – бифас, 3 – крупное остроконечное орудие

Fig. 12. Zhuantobe-1. Stone artifacts of the series 4: 1 – chopper,
2 – chipper, 3 – a large sharp-pointed tool

нуклеусами (рис. 8, 2), однако акцент здесь на острое концевое лезвие не может быть оставлен без внимания. По нашему мнению, это концевой двухсторонний чоппер из удлинённого валунчика и с лезвием, ориентированным поперёк ширины изделия;

лезвие оформлено тремя удлинёнными фасами на боковых краях, размеры – 11,8×6,3×4,7 см.

Ещё одну подгруппу образуют грубые остроконечные орудия (3 экз.). Крупное остроконечное орудие с галечной пяткой в основании

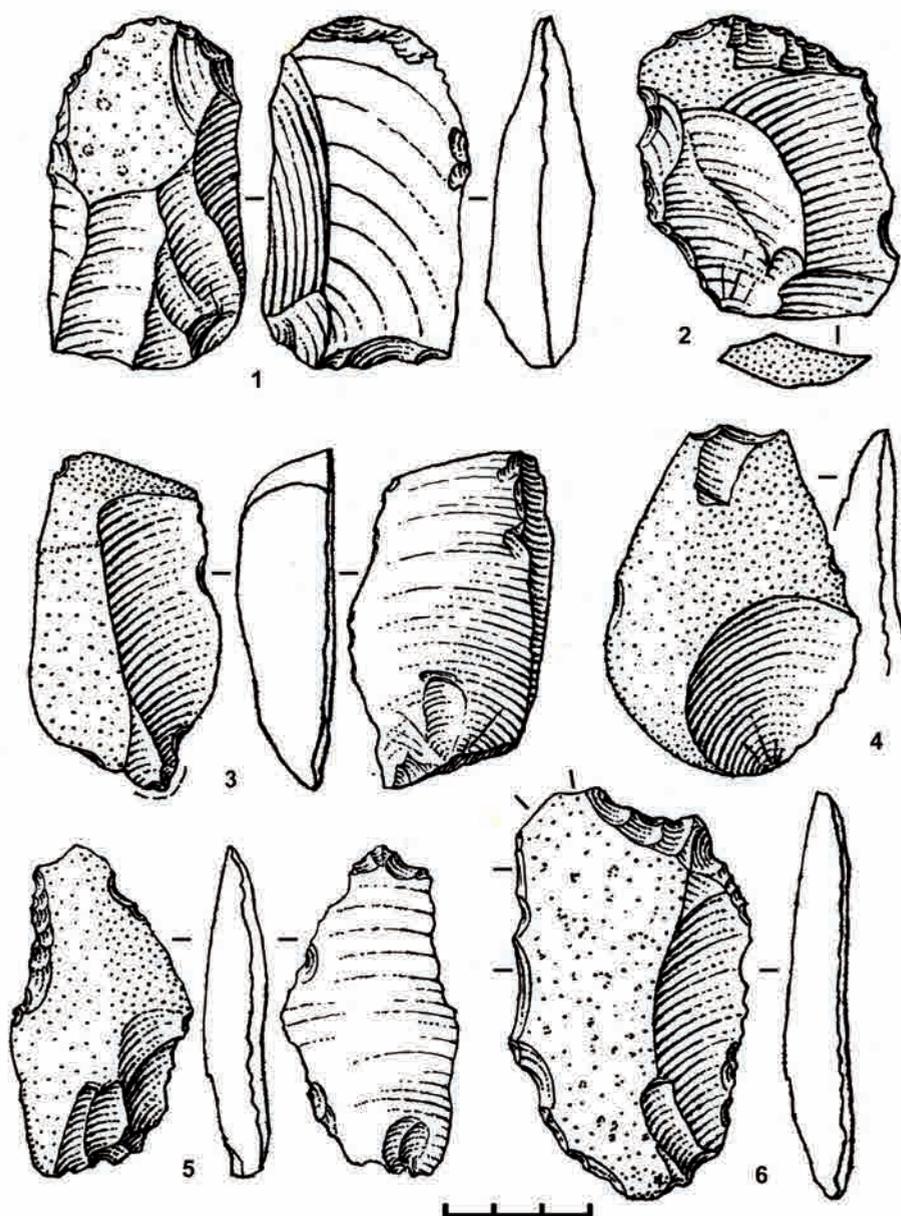

Рис. 13. Жуантобе-1. Каменные артефакты серии 4: 1–6 – орудия из отщепов

Fig. 13. Zhuantobe-1. Stone artifacts of the series 4: 1–6 – tools from flakes

(рис. 11, 3) оформлено широкими фасами с двух сторон и дополнительно ретушью на рабочем конце, размеры – 11,0×8,8×4,9 см. Другое орудие столь же массивное и также оформлено с двух сторон – с нижней стороны ши-

роким желобчатым фасом, с лицевой – рядом небольших фасов на одном боку (рис. 12, 3), размеры – 8,5×8,2×4,8 см. Третье орудие – небольшое и также массивное, оформлено несколькими фасами с обеих сторон, имеет в осно-

вании галечную пятку (рис. 10, 5); остриё оформлено просто – скупыми фасами с двух сторон. Размеры орудия – 8,0×6,4×4,4 см.

Последнее в группе орудие представлено боковым выпуклым скреблом из расколотой гальки (рис. 10, 2): орудие имеет боковой сечёный обушок и массивное лезвие, оформленное крутыми лицевыми фасами и чешуйчатыми фасетками; размеры – 9,2×6,3×4,2 см.

Другую группу составляют орудия из отщепов (15 экз.). Из них три изделия являются ножами с боковым лезвием. Экземпляр (рис. 13, 1) имеет боковой сечёный обушок, оформленный на месте площадки толстого укороченного отщепа; расположенное напротив выпуклое лезвие имеет частичную ретушь, а верхний и нижний концы орудия подтёсаны вентральной фасеткой; размеры – 7,2×4,1×2,0 см. У другого ножа, изготовленного из короткого отщепа, обушок оформлен широким резцовым сколом по боковому краю (рис. 13, 3), а на углу площадки фасетками ретуши выделен выступ с жалом проколки; размеры – 6,4×4,0×1,8 см. Третий нож из отщепа имеет транкированный дистальный конец (дорзальное сечение и крутая ретушь), лезвие в нижней своей части ограничено небольшой вентральной выемкой (рис. 13, 4); размеры – 7,2×5,4×2,1 см.

Среди орудий из отщепов наиболее интересно остроконечное орудие, изготовленное из продолговатого тонкого и прямоосного отщепа (рис. 13, 5): изделие имеет зубчато-выемчатое ретуширование в дистальной части, в том числе на самом окончании, и фасетки утончения в основании (площадка удалена), благодаря

которым могло удобно крепиться к древку рукояти или, что более вероятно, зажиматься в торец метательного оружия – дротика. Размеры его – 6,8×3,8×1,2 см, показатели удлиённости и сечения соответственно – 1,80 и 0,32.

В коллекции есть также один выемчатый скобель из массивного укороченного обушкового отщепа, на рабочем лезвии которого наблюдаются две дорзально-ретушированные выемки (рис. 7, 8); размеры – 7,1×6,1×3,5 см. Имеется также одно зубчатое орудие из подтреугольного сечения плоского отщепа с двумя зубчатыми краями, обработанными альтернативной ретушью, его размеры – 7,6×6,5×1,3 см. Орудия с выступом – 2 экз. Одно из них имеет широкий угловой выступ, оформленный с боков сечениями и дорзальными фасетками (5,9×5,8×1,7 см). У другого – небольшое сечение и крутая ретушь оформляет на боку шиповидный выступ (6,1×5,0×1,1 см).

Имеются также сложные, комбинированные орудия с 2–3 рабочими элементами (3 экз.). Первое из них сочетает в себе отретушированное скребковидное лезвие, боковой выемчато-ретушированный скобель и боковое режущее лезвие с извилистой кромкой от альтернативной ретуши (рис. 13, 2). Второе – боковой нож, выемчатый скобель и выступ с дорзальной чешуйчатой ретушью (рис. 13, 6), характерна серия небольших сечений по краю. Третье орудие из короткого подтреугольного желобчатого отщепа имеет два рабочих элемента – дорзально-ретушированный выемчатый скобель и скребловидное лезвие с краевой ретушью (рис. 7, 2).

Имеются также отщепы с ретушью (4 экз.) и небольшая пластина

(рис. 7, б). Отметим и наличие в коллекции небольшой доли отщепов и сколов (11 экз.) и обломков галек со сколами (3 экз.).

Заклучение

Таков самый поздний археологический материал Жуантобе 1. Как уже было отмечено, особенностью серии 4 является наличие бифасов, в том числе выразительного *limande*; ничего подобного в более древних сериях этого памятника нет. В бассейне Сарысу ряд местонахождений также содержат бифасы. На памятнике Азат 1, где собран материал из сливного песчаника разной степени сохранности – от сильно заглаженного до «свежего», бифасы присутствуют серией среди «свежего» материала, а также среди более древнего выветренного инвентаря, палеолитический возраст которого не вызывает сомнений; однако, их нет в древней серии с сильной степенью эоловой корразии [Волошин, 1998]. В Музбеле 3 бифасы принадлежат серии 4 с инвентарём «свежей» фактуры: здесь имеются в частности плоский листовидный бифас, а также овальный бифас с лезвием струга на окончании [Волошин, 2011]. В Туемойнак 1 порфириновый материал представляет весь спектр степени выветривания, и овальные бифасы здесь также «свежие». Если обратиться к северным районам Сарыарки, то здесь наилучший сравнительный материал дают памятники Вишнёвка 1 и 4. В Вишнёвке 4 древнейшая серия артефактов с сильной степенью эоловой корразии лишена бифасов, в то время как в остальных 2–3 более поздних сериях они присутствуют, в том числе плоские овальные бифасы и *limande*; на некоторых изделиях на

окончании оформлено долотовидное лезвие, скребковое лезвие и лезвие струга. Остальной материал также существенно не отличается от того, что мы имеем в Жуантобе 1. Здесь хорошие параллели с Азатом 1.

В Вишнёвке 1 раскопом установлено наличие двух культурных горизонтов – нижнего, позднего или финальнопалеолитического, приуроченного к верхам верхнеплейстоценового покровного суглинка террасы, и основного, верхнего горизонта, приходящегося на голоценовую почву. В нижнем горизонте, который сохранился фрагментарно ввиду склоновой эрозии в голоцене, находок найдено не много, и бифасов среди них нет (хотя в верхнем горизонте и на подъёме среди бифасов неолитических вполне могут оказаться и переотложенные палеолитические изделия). В верхнем горизонте, который мы относим к позднему неолиту–раннему энеолиту, присутствуют не только бифасы, но и многие другие типы орудий и нуклеусов, а также технические приёмы, которые мы выше описали в серии 4 Жуантобе 1.

Здесь не найдены только *limande*. Но, например, всё разнообразие нуклеусов Жуантобе 1 и Вишнёвки 1, по сути, аналогично. В Вишнёвке 1 среди крупных нуклеусов также встречена и *talon_m chapeau de gendarme*, и приём желобчатых фасов на концах нуклеусов, позволяющих оформлять здесь лезвие долота или струга, и двухсторонне обработанные мотыги, и гребенчатые скрёбла. Подобные технические элементы – важнейшие для понимания культурного стиля этой индустрии. В Вишнёвке 1 грубый материал из местной породы ороговикованного алевролита допол-

няется пластинчатым инвентарём из приносного кварцита, а также кремнёвым двухсторонним листовидным наконечником стрелы с выемкой в основании, есть здесь и выразительный клиновидный нуклеус для широких пластин. Исходя из этих наблюдений, мы склонны считать, что основная часть материала серии 4 Жуантобе 1, если не весь он целиком, соотносится

и по времени и культурно с верхним горизонтом Вишнёвки 1, т. е. относится к концу неолита–раннему энеолиту (4 тыс. до н.э.). Известно, что именно на это время приходится максимальный подъём уровня Аральского моря [Boomer et al., 2000], бесспорно способствовавший улучшению палеоэкологической обстановки в Бетпақдале и расселению человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волошин В.С. Новые палеолитические памятники в бассейне Сарысу // Каменный век Казахстана и сопредельных территорий / Ж.К. Таймагамбетов (отв. ред.). Туркестан: ТОО «Мирас», 1998. С. 70-82
2. Волошин В.С. Новые памятники с галечным инвентарём в бассейне Сарысу // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги, перспективы. М-лы междунар. науч. конф., посвящ. 30-летию независимости РК и 30-летию Института археологии им. А.Х. Маргулана / Б.А. Байтанаев (гл. ред.), А.З. Бейсенов (отв. ред.). Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2011. Т. 1. С. 157-163.
3. Ранов В.А. Соанская культура: миф или действительность // Древняя Индия / Г.М. Бонгард-Левин (ред.). Москва: Наука, 1982. С. 267-296.
4. Boomer I., Aladin N., Plotnikov I., Whatley R. The palaeolimnology of the Aral Sea: a review // Quaternary Science Reviews. 2000. 19. Pp. 1259-1278.
5. Collins D. Culture traditions and environment of early man // Current Anthropology. 1969. October, vol. 10, no. 4. Pp. 267-316.

REFERENCES

1. Voloshin, V. S. 1998. In: Taimagambetov, Zh. K. (ed.). *Kamennyi vek Kazakhstana i sopredelnyh territoriy (Stone Age of Kazakhstan and adjacent territories)*. Turkestan: "Miras" LTD, 70-82 (in Russian).
2. Voloshin, V. S. 2011. In: Baitanayev, B. A., Beisenov, A. Z. (eds.). *Arheologiya Kazakhstana v epohu nezavisimosti: itogi, perspektivy (Archeology of Kazakhstan in the era of independence: results, perspectives)*, 1. Almaty: A.Kh. Margulan Archeology Institute, 157-163 (in Russian).
3. Ranov, V.A. 1982. In: Bongard-Levin, G. M. (ed.). *Drevnyaya Indiya (Ancient India)*. Moscow: "Nauka" Publ., 267-296 (in Russian).
4. Boomer, I., Aladin, N., Plotnikov, I., Whatley, R. 2000. In: *Quaternary Science Reviews*, 19, 1259-1278.
5. Collins, D. 1969. In: *Current Anthropology*, October, vol. 10, no. 4, 267-316.

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 24.05.2021.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 28.05.2021.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 08.06.2021.

ҚАРАТАУДЫҢ ТЕРІСКЕЙ БЕТІНДЕГІ ОРТАҒАСЫРЛЫҚ ҚАЛАЛАРДЫҢ АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ЗЕРТТЕЛУ МӘСЕЛЕСІ*

© 2021 ж. Талеев Докей Әбдікерімұлы¹

¹тарих ғылымдарының кандидаты, жетекші ғылыми қызметкер,
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Алматы қ., Қазақстан. E-mail: doc19_59@mail.ru

Аннотация. Мақалада Қаратаудың теріскей бетіндегі ортағасырлық қалалардың археологиялық зерттелу мәселесі қамтылған. Қарт Қаратаудың теріскей беті ежелден отырықшы-егінші және көшпелі-мал өсіруші мәдениеттердің шекарасы түйіскен аймақ болып келген. Өңір арқылы ұзақ уақыт бойы халықаралық сауда керуен жолының негізгі тармақтарының бірі өткен. Теріскей Қаратаудың бөктерлерін шығыстан батысқа қарай бойлай тізбектеле орналасқан Тамды, Саудакент, Құмкент, Бабаата, Шолақкорған, Созак, Күлтөбе, Раң, Ақсұмбе қалашықтары керуен жолы бойында қалыптасқан үлкенді-кішілі қалалар мен мекендердің орындары. Керуен жолдары арқылы бір замандарда дипломатиялық елшіліктер де өтті. Сол елшіліктердің жазбаларында жоғарыда аталған қалашықтардың орнында болған бірқатар қалалардың аттары сақталған. Мақалада айтылған қалалар жайлы деректер мен олардың орнын анықтау мақсатында жазылған еңбектерге шолу да жасалады. Теріскей ескерткіштерінде жүргізілген археологиялық барлау және қазба жұмыстары өңірде мал шаруашылығымен қатар, егіншілік пен қолөнердің, өзара сауданың дамығандығын көрсететін материалдар берді.

Түйін сөздер: археология, Қаратау, теріскей, ескерткіштер, зерттеу, орта ғасыр, қалалар

ПРОБЛЕМА АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ИЗУЧЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВЫХ ГОРОДОВ НА СЕВЕРНЫХ СКЛОНАХ КАРАТАУ

Талеев Докей Абдикеримович¹

¹кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт археологии им. А.Х. Марғұлана,
г. Алматы, Казахстан. E-mail: doc19_59@mail.ru

Аннотация. В статье освещается проблема археологического изучения средневековых городов, расположенных на северных склонах Каратау. Регион издревле является территорией активных контактов оседло-земледельческой и скотоводческой культур. Здесь на протяжении длительного периода проходило одно из основных направлений международного торгового караванного пути. Городища Тамды, Саудакент, Кумкент, Бабаата, Шолақкорған, Созак, Күлтөбе, Раң, Ақсұмбе, расположенные цепочкой с востока на запад по склонам северного Каратау, являются местами больших и малых городов и населенных пунктов, образованных вдоль пути. Здесь также проходили и дипломатические караваны. В записях «посольств» сохранились названия ряда городов, которые находились на месте вышеупомянутых городов. В статье также дается обзор работ, написанных с целью определения местоположения и данных о городах, о которых говорится в статье. Археологическая разведка и раскопки,

*Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки МОН РК, программно-целевое финансирование на 2021–2022 гг.

проведенные на памятниках, дали материалы, свидетельствующие о развитии в регионе наряду с животноводством земледелием и ремесленным искусством, торговли.

Ключевые слова: археология, Каратау, Терской, памятники, исследование, средневековые города

**THE PROBLEM of ARCHAEOLOGICAL STUDY
of MEDIEVAL CITIES
on the NORTHERN SLOPES OF KARATAU**

Taleev Dokey¹

¹Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher, A.Kh. Margulan Archeology Institute, Almaty, Kazakhstan. E-mail: doc19_59@mail.ru

Abstract. The article highlights the problem of archaeological study of medieval cities on the northern slopes of Karatau. The northern slopes of the old Karatau have since ancient times been a zone of conjugation of sedentary agricultural and nomadic pastoral cultures. One of the main directions of the international trade and caravan route passed through the region for a long time. The settlements of Tamdy, Saudakent, Kumkent, Babaata, Sholakkorgan, Sozak, Kultobe, Ran, Aksumbe, located in a chain from east to west along the slopes of northern Karatau, are the places of large and small cities and settlements formed along the caravan route. At one time, diplomatic embassies also passed through the caravan routes. In the records of those embassies, the names of a number of cities that located on the site of the aforementioned towns were preserved. The article also provides an overview of the works written for the purpose of determining the location and data about the cities mentioned in the article. Archaeological exploration and excavations carried out on the monuments have yielded the materials that indicate the development of mutual trade in the region, along with animal husbandry, agriculture and handicraft arts, trade.

Keywords: archaeology, Karatau, Terskei, monuments, research, the Middle Ages of the city

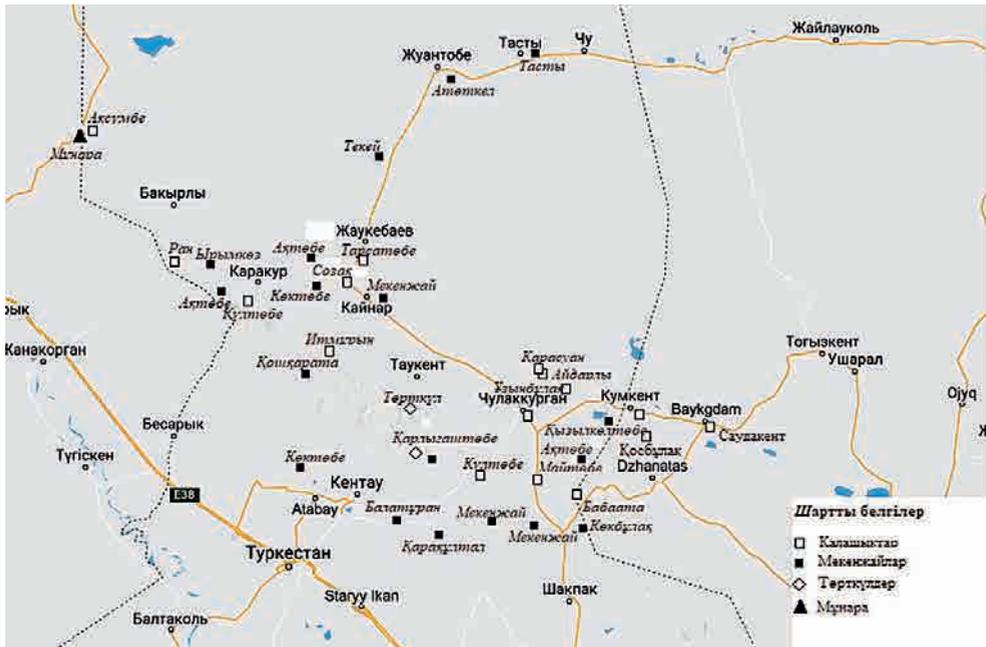
Kіpіcne

Тянь-Шань тауы жүйесінің солтүстік-батысында орналасқан Қаратау жотасы 240 км созылып жатыр. Таудың басым бөлігі Жамбыл облысына қарайды. Тек солтүстік-батыс бөлігі Түркістан облысы аумағында. Ел ішінде Теріскей Қаратау деп, Қарт Қаратаудың солтүстік бетінің Түркістан облысы, Созақ ауданына қарасты бөлігін атау қалыптасқан. Теріскей Ұлы Жібек жолының ішкі тармақтарының бірі өткен тарихи аймақ (сур. 1). Аймақта болған ежелгі және ортағасырлық қалалар жайлы мәліметтер жазба деректерде айтылады. Теріскей арқылы өткен керуен жолымен дипломатиялық елшіліктер де жүрген. Археологиялық зерттеулер Византияның моңғолдың ұлы ханына жіберген елшісі В. Рубрук (1253 ж.)

пен Армения патшасы Гетумның (1254 ж.) елшіліктері керуен жолының Теріскей тармағы арқылы өткендігін анықтады. Олардың жол жазбаларында Теріскейдің бірқатар қалалары да аталған. Сол қалалардың орнын анықтап, археологиялық зерттеу жұмыстары өткен уақыттарда біршама жүргізілді. Дегенмен, өңірдің тарихын жан-жақты ашып көрсететіндей зерттеулер жасалмаған. Мақала келешекте Теріскейде жүргізілетін кешенді зерттеулерге мұрындық болу мақсатында жазылып отыр.

Зерттеу әдістері

Мақалада Қаратаудың теріскей бетінде орналасқан ескерткіштерге әр жылдары жүргізілген археологиялық барлау, оларды сипаттау, құжаттау,

Сур. 1. Қаратаудың теріскей бетінде орналасқан ортағасырлық ескерткіштердің картасы

Fig. 1. Map of medieval sites and monuments located in the Northern Karatau

мерзімдеу секілді зерттеулер нәтижелері жайлы топтастыру, сараптау әрекеттері жасалды. Зерттеу барысында мақалада қамтылып отырған ескерткіштер жайлы археологиялық зерттеулер жайлы есептер, архив материалдары мен ғылыми мақалалардың мәліметтері пайдаланылды.

Талқылау

Қаратаудың теріскей бетіндегі археологиялық ескерткіштердің зерттелуі алғаш Кеңес дәуірінде басталды. Тек XX ғ. басында өңірде болған Түркістан археологиялық үйірмесінің мүшесі В.А. Колосовский Теріскейдегі Баба ата, Құмкент, Саудақент қалашықтарында болып, бір кездері қайнаған тіршіліктің орталығы болған, бұл күнде мүлгіп жатқан қала қирандыларын барынша мұқият сипаттап жаз-

ды. Колосовскийдің жергілікті тұрғындардан естідім деген аңызы бойынша осыдан мың жыл бұрын гүлденген қалаларды сол кездегі күшті халық «қалмақтар» мекендепті. (Осы жерде ескерте кету керек кез келген қираған қаланың немесе мекеннің орнын жат жұрттықтарға тиесілі деп уағыздау алғашында патшалық үкіметтің, кейінен кеңестік кейбір ғалымдарының шовинистік саясатынан туындаған). Бұл қалалардың тұрғындары қалай өмір сүріп, не тіршілік кешкені жайлы тарих ештеңе айтпайды. Ал Мұхаммед пайғамбардың ұрпағы Ысқақ баба Түркістан өңірін жаулап алып, тұрғындарды семсердің күшімен мұсылмандыққа бас идірген. (Бұл жерде де шындықты бұрмалаушылық байқалады. Қазақстан жерінде мұсылман дінін

күштеп енгізілгені жайлы ешқандай тарихи дерек жоқ). Табиғаты тамаша, таулары ағашқа толы теріскей Қаратауды қатты ұнатқан Ысқақ баба осы маңға өзінің сарайын салдырған. Ұзақ уақыт патшалық құрған Ысқақ баба өмірден өткеннен кейін оны сарайының маңына жерлеп, басына кесене орнатқан. Кейіннен ол мазар қасиетті бабаның құрметіне «Баба ата» аталып кеткен [Колосовский, 1901, с. 89–97]. Бұл жерде Колосовский Баба ата қалашығы сол Ысқақ баба салдырған қаланың орны дегенді меңзеп тұр. Бұл пікір шындыққа жанасады, өйткені Баба ата қалашығында жүргізілген қазба жұмыстарының нәтижесі оның VI–X ғғ. аралығында өмір сүргендігін көрсетті. Яғни қаланың қалыптасуы мен өмір сүрген уақыты Қазақстан жеріне исламның таралу уақытымен сәйкес келеді.

Қаратаудың теріскейіндегі Тарсатөбе, Баба ата, Шолаққорған, Созақ, Құмкент, Саудакент, Ақсұмбе, Күлтөбе, Ақтөбе секілді отырықшы мекендердің орнын алғаш 1946 ж. ҚазКСР ҒА Тарих, археология және этнография институтының Ә.Х. Марғұлан басқарған Орталық Қазақстан археологиялық экспедициясы ашып, зерттеуді бастады. Осы жылы айтылған ескерткіштердің орналасқан жері сипатталып жазылып, олардың жобасы түсірілді және ескерткіштердің үстінен ыдыс сынықтары жиналды. Олардың өмір сүрген уақыты шартты түрде болжанды. Созақ қалашығында жүргізілген кішігірім стратиграфиялық қазба XIV–XV ғғ. құрылыс қабатын ашты [Маргулан, 1948, с. 109–115].

Ақсұмбе бекінісінің көзмөлшерлі жобасы түсіріліп, оның маңындағы биік тау қыратының

үстінде орналасқан Ақсұмбе (Ақбикеш) мұнарасы зерттеліп, сипатталды. Ақсақ Темірдің әскери жорығын сипаттаған Шараф-ад-дин-Ийзидидің жазбаларында келтірілген мәлімет бойынша Тоқтамыстың жағына шығып кеткен Ахматшақты ұстап, осы Ақсұмбе мұнарасында жазалағаны жайлы дерекке сүйене отырып Ә.Х. Марғұлан мұнараның салынуын XIII ғ. жатқызған. Тарсатөбеге салынған кішігірім қазбадан алынған материалдар негізінде Ә.Х. Марғұлан алғаш оны монғол дәуіріне дейінгі (X–XII ғғ.) ежелгі Созақтың орны деп болжады [Маргулан, 1950, с. 51]. 1946 ж. ашылған аса маңызды нысандардың бірі бір кезде едәуір қаланың орны болған Құмкент қалашығы. Оның орналасқан орны мен мәдени қабатының бедері сипатталып, жобасы түсірілді. Үстінен жиналған қыш ыдыстар мен төртбұрышты күйдірілген кірпіш сынықтары XIII–XIV ғғ. жататындығын анықтаған. Зерттеу қорытындысы бойынша Құмкент, Созақ, Саудакент және Шолаққорған Қаратау оазисіндегі ірі ежелгі қалалардың орны деп танылды [Маргулан, 1948, с. 109–115]. Сонымен қатар экспедицияның жүргізген зерттеу жұмыстары Отырар өңірінің мәдени ықпалы Қаратаудың теріскей беткейіне дейін таралғандығын байқатты.

1947–1948 жж. А.Н. Бернштам басқарған Оңтүстік Қазақстан археологиялық экспедициясы өңірдегі зерттеу жұмыстарын жалғастырды. Экспедицияның мақсаты Оңтүстік Қазақстан жеріндегі қалалар мен мекендердің қалыптасуы мен даму жолдарын зерттеу болатын. Осы мақсатта Қаратаудың теріскейінде археологиялық барлау

жүргізіліп, бірқатар ескерткіштерге стратиграфиялық қазбалар салынды. Өңірдің археологиялық картасын жасап, Тамды қалашығында археологиялық қазба жүргізді. Қазба барысында қалашықтың мәдени қатпары 7 құрылыс қабатынан түзіліп, VI–XII ғғ. аралығын қамтитыны анықталды [Бернштам, 1949, с. 73].

Келесі 1948 ж. Созақтың маңында орналасқан Ақтөбе (Алтынтаулық) елді мекені мен Тарсатөбе қалашығында қазба жүргізілді. Қазба нәтижелері Ақтөбе мекенжайының б.д.д. I ғ. мен б.д. I ғ., ал Тарсатөбе I–IX ғғ. аралығымен мерзімделетіндігі анықталды. Яғни екі ескерткіштің бір дәуірде тіршілік кешкені мәлім болды [Бернштам, 1951, с. 81–97].

Қаратаудың теріскейінде жүргізілген зерттеулердің нәтижесі бұл ауданның материалдары Отырар, Шаш оазистеріне емес, Талас және Шу-Іле өңірінің материалдарына етене жақын екендігін көрсетті.

Сонымен қатар Оңтүстік Қазақстан археологиялық экспедициясы 1947–1951 жж. аралығында өңірдің тарихи-археологиялық картасын жасау мақсатымен археологиялық барлау жұмыстарын жүргізіп, бірқатар ескерткіштерге стратиграфиялық қазба салды. Экпедицияның бағыты Қаратаудың солтүстік беткейінде, тау бөктерін жағалай Тамды шатқалынан Қаратау жотасының батыс шетіндегі Баласауысқанды асуына дейін және Шу өзенін Бетбақдала шөлі шекарасымен Тасты шатқалынан (батыста) Қызылқорғанға (шығыста) дейінгі аралықты қамтыды [Агеева, Пацевич, 1958, с. 4].

Барлау барысында ашылған жеті қалашықтың алтауының жобасы төртбұрышты немесе төртбұрышқа

жақын. Бабаата қалашығы цитаделі шахристан аумағынан шығыңқы түзу бұрышты жобада. 5 қалашықта (Ақсүмбе, Бабаата, Құмкент, Саудакеңт және Тамды) цитадельдің қалдығы анықталса, 2 қалашықта (Созақ пен Шолаққорғанда) оның іздері табылмады. Рабадтың біршама сақталған қалдықтары (Ақсүмбеден басқа) 6 қалада анықталды. Қорғаныс қабырғаларының орны (Созақ пен Шолаққорғаннан басқа) 5 қалада, қабырғалардың бойындағы мұнаралардың орны 4 қалада (Ақсүмбе, Бабаата, Саудакеңт мен Тамды) және ордың іздері 2 қалада (Құмкент пен Шолаққорған) сақталған. Қалашықтардың сақталу деңгейінің басқа аудандармен салыстырғанда едәуір нашар болуын олардың ұдайы соғатын жел өтінде орналасуынан деп түсіндіруге болады.

Жүргізілген археологиялық зерттеулердің нәтижесі Қаратаудың теріскейіндегі тау бөктерін жағалай орналасқан қалалардағы тіршілік таудың күнгей бетімен салыстырғанда едәуір төмен дамыған және өзінің қалыптасу мен өркендеу уақыты жағынан біршама кейінгі кезеңге сәйкес келетіндігін көрсетті.

Мерзімдеуге негіз беретін материалдардың құрамы өңірдегі қалалық тіршіліктің жанданған уақыты қарлұқ-қарахан және моңғол-темірлік кезеңге тұспа-тұс келетіндігін білдіреді. Қарлұқ-қарахан әулеттері кезеңінде өңірдің қалалары отырықшы мәдениеттің, сауда және қолөнерінің дамуында маңызды роль атқарды [Агеева, Пацевич, 1958, с. 110, 115].

Қаратаудың теріскейіндегі зерттеулер келесі 1953–1954, 1957–1959 жж. да жалғасты. Алғашқы екі жылда Бабаата қалашығында қазба

жұмыстары жүрді. 1957–1958 және 1959 жж. ортағасырлық Бабаата қаласына 15 қазба салынды (қазба 1-цитадельде [Агеева, 1962, с. 114–153], қазба 2, 3, 7, 14–15 шахристанда [Сенигова, 1962б, с. 154–165], қазба 4–6, 8, 9, 11–13 – рабадта) [Агеева, 1962, с. 165–185]. Қазба жұмыстарын Е.И. Агеева, Г.И. Пацевич, Т.Н. Сенигова, А.А. Чариков, Н.П. Подушкин секілді маман-археологтар жүргізді. Зерттеу нәтижелері Бабаата қалашығының орнында VI–XV ғғ. аралығында тамаша дамыған қала болғандығын көрсетті.

1958–1959 жж. Т.Н. Сенигова Бабаата қалашығынан солтүстік-батысқа қарай 7 км жерде Бабаата өзенінің биік жағалауында орналасқан Ақтөбе мекенжайына қазба жүргізді. Дөңгелек келген төбенің бастапқыдағы диаметрі 50 м, биіктігі 3 м болатын. Қазба барысында толық ашылған кезінде, уақытша тұрақтан қалған күл қабатының үстіне тұрғызылған көлемі 35×30 м болатын төртбұрышты мекенжайдың орны ашылды. Мекенжай сырт жағынан қалың дуалмен қоршалған екі бөліктен тұратын кешен екендігі анықталды. Мекенжай екі құрылыс қабатынан тұрған. Зерттеуші төменгі құрылыс қабатының қыш ыдыстарының ұқсас үлгілері Ферғана, Хорезм, Сырдария, Таластың төменгі ағысының б.д.д. III–I ғғ. аралығына жататын материалдарымен сәйкес келетінін келтіреді. Ал жоғарғы құрылыс қабаты VI–VII ғғ. салынған деп тұжырымдайды. Қазақстанда алғаш жүргізілген кең көлемдегі қазба барысында алынған қыш ыдыстар үлгілері, тұрғын үйлердің жобасы мен сәулеткерлік құрылымы, тұрғындардың шаруашылығымен танысу ғылымды жаңа мәліметтермен

байытты [Сенигова, 1962а, с. 57–82]. Ақтөбеге жақын жерде орналасқан зиратта қазба жүргізген М.С. Мершиев қоршау ішінде орналасқан жерлеу шұңқырларының құрылымы Кеңсай мен Қаракұдық зиратының б.д.д. III–I ғғ. жататын жерлеу шұңқырларымен ұқсас екендігін айтады [Мершиев, 1962, с. 84]. Жалпы Ақтөбе мекенжайы мен Бабаата қалашығында жүргізілген қазба жұмыстары қорытындысы бойынша өңірдің I–XIII ғғ. аралығындағы материалдық мәдениетінің дамуы сабақтас жүрген деген тұжырым жасалды.

1946–1959 жж. аралығында Қаратаудың теріскейінде жүргізілген археологиялық зерттеу жұмыстары отырықшылықтың қалыптасуы уақытын, өңірдің өзіндік ерекшелігін анықтап, көшпелі және отырықшы тұрғындардың өзара қарым-қатынасын білуге мүмкіндік берді. Жиналған материалдар негізінде XIII–XVI ғғ. (моңғол-тимуридтік немесе шығыс-қыпшақтық аталатын) аралығындағы қыш ыдыстардың классификациялық кестесін жасау мүмкіндігі туды. Сонымен қатар Қаратаудың теріскейінде қалалық тіршілік XV–XVI ғғ. тоқтаған деген болжам жасалды [Ерзакович, 1966, с. 66].

XX ғ. алғашқы жартысында Қаратаудың теріскей бетінен ашылып, зерттелген ортағасырлық қалалар 1960 ж. жарық көрген «Археологическая карта Казахстана» атты жинаққа барлығы 16 ескерткіш болып енді. Олардың тоғызы – қалашықтар (Ақсүмбе № 3325, Ақтөбе № 3333, Ран № 3331, Тарсатөбе № 3337, Созақ № 3338, Шолаққорған № 3430, Құмкент № 3431, Бабаата № 3453, Саудақент № 3438), алтауы – бекіністі

мекенжай (Күлтөбе № 3328, Төбетөбе № 3337, Ақтөбе № 3339, аты белгісіз бекініс № 3432, Ақтөбе № 3444, Тасты № 2852) және Ақсүмбе күзет мұнарасы № 3327 [АКК, 1960].

1964–1965 жж. Жетісу археологиялық экспедициясының Л.Б. Ерзакович басқарған солтүстік Қаратау тобы бірнеше ортағасырлық ескерткіште зерттеу жүргізді. Созақта үш жерден стратиграфиялық қазба салған. Едәуір жемісті нәтижені 1-ші стратиграфиялық байқау қазбасы берді. Орталық төбенің шығыс шетіне салынған осы қазбаның тереңдігі 5,5 м қамтыды. Құрылыс қалдықтарының қалыптасқан бес құрылыс кезеңі байқалды.

Қалыңдығы 0,8 м тереңдікті қамтыған бірінші құрылыс қабаты балшықпен сыланған еденнің бетінен табылған тиын (1862 ж.) бойынша ХІХ ғ. екінші жартысымен мерзімделді. Қаладағы тіршілік Х–ХХ ғ. басы аралығында болғаны анықталды.

0,8–2,1 м тереңдікті қамтыған екінші құрылыс қабаты сырлы ыдыс сынықтарының үлгісі бойынша болжанды. Ішкі беті көгілдір түспен боялып, толқын тәрізді белдеуше сызықтар мен дақтар арласа безендірілген сырлы ыдыстардың ұқсас үлгілері ХVІІ–ХVІІІ ғғ. Бұқара мен Орта Азия аймағында көп таралған.

Үшінші құрылыс қабаты (2,1–3,8 м) қам қыштардан қабырғалардың қалдықтары мен аса тығыз емес құрылыс қалдықтарынан құралған. Қазбадан кездескен қыш ыдыстардың көпшілігі түбі тегіс, сақина тәріздес, пішіні жарты сфера тәріздес, ернеулері сыртқа қарай аздап шығыңқы саптыаяқтар түрінде. Сырлы ыдыстарда кобальт пен мар-

ганец басым. Өрнек нақыштары – жүзім жапырақтары, ағаш бұтақтары секілді таза табиғи нақышта. Осыған ұқсас ыдыс үлгілері ХV–ХVІ ғғ. жататын ортаазиялық қыш ыдыстарда кездеседі. Сондай-ақ үшінші құрылыс қабаты табылған үш теңге бойынша да негізделді. Олардың біреуі ХV ғ. соңы мен ХVІ ғ. басында, екіншісі ХVІ ғ. және үшіншісі 1428–1429 жж. соғылған.

Төртінші құрылыс қабатының (3,8–4,7 м) оңтүстік қабырғасынан қам кесектен қаланған қабырға іздері анық байқалады. Бұл құрылыс қабатына материалдар алғашқыларына қарағанда анағұрлым аз кездеседі. Дегенмен табылған сырлы ыдыстар формасы мен түсі жағынан едәуір ерекшеленеді. Ыдыстардың басым бөлігі қызғылт-қоңыр ангобпен түссіз шыңылтырмен қапталған. Өсімдік нақышындағы өрнектері сары және жасыл түсті сырмен салынған. Осындай түстес ыдыстар Бабаатаның ХІІІ–ХІV ғғ. жататын қабатынан кездеседі. Табылған сырлы ыдыс бөліктерінің басым көпшілігі өрнексіз және жасыл түспен шыңылтырланған. Алтын түсті шыңылтырлы ыдыс үлгілері Теріскей Қаратау, Шу, Талас өңірлері мен Хорезмнің ХІІІ–ХІV ғғ. жататын ескерткіштерінде көп кездеседі.

Бесінші құрылыс қабаты (4,7–5,5 м) қазба шұңқырын тұтастай алып жатқан мықты қабырғадан тұрды. Сол себепті де заттай материалдар өте аз табылды. Сырлы ыдыстан ақ түспен сырланып, қоңыр түспен өрнектелген ыдыс сынығын, сондай-ақ сырланбаған ыдыстардан минералды өрнегі бар сынықты келтіруге болады. Осындай керамика үлгілері Бабаата қалашығының Х–ХІІ ғғ. жататын қабатынан табылған.

Салынған үш қазбадан алынған заттай деректер мен құрылыс қалдықтарын сараптау қорытындысы бойынша қаланың ерте кезеңі (X–XII ғғ.) мен моғол кезеңі (XIII–XIV ғғ.) қалашықтың орталық бөлігінен анықталып, қаланың көркейген уақыты XV–XVI ғғ. сәйкес келеді деп тұжырымдалды [Ерзакович, 1966, с. 67].

Қаратаудың теріскейіндегі археологиялық зерттеуді 1971 ж. Оңтүстік Қазақстан кешенді археологиялық экспедициясының Л.Б. Ерзакович басқарған тобы жалғастырды. Зертеу барысында үш ескерткіш (Ақтөбе (Шолаққорғандық)), және Айдарлытөбе мекенжайлары мен Қарасуан қалашығы) жаңадан ашылып, ғылыми айналымға қосылды. Ескерткіштердің жобасы түсіріліп, олардың өмір сүрген уақыты анықталды. Ақтөбе мен Айдарлытөбе мекенжайларын олардың үстінен жиналған қыш ыдыс сынықтарын Отырар оазисі және Арыс өңірінің материалдарымен салыстыра отырып, IV–VI ғғ. мерзімдеді. Қарасуан қалашығын оның жоғарғы қабатынан табылған қыш ыдыстардың сипатына сай XIII–XIV ғғ. жатқызды. Күлтөбе қалашығының материалдары да оны XIII–XVII ғғ. аралығымен мерзімдеуге мүмкіндік берді [Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1972, с. 178–180].

1971–1973 жж. аралығында Қаратаудың теріскейінде зерттеу жүргізген Оңтүстік Қазақстан экспедициясының С. Жолдасбаев басқарған археологиялық тобы ортағасырлық Күлтөбе мен Ран қалашықтарында тұрақты қазба жұмыстарын жүргізді. Алғашқы жылы Күлтөбенің солтүстік-батыс

шетіне 300 м² көлемде салынған қазба барысында қабырғалары тастан қаланған, әртүрлі көлемдегі 10 бөлменің орындары ашылды. 1972 ж. алғашқыда солтүстік-шығыс шетінен жалғастыра салынған қазба барысында сыртқы қорғаныс қабырғасын бойлай қатар жатқан, табанына тас төселген екі көшенің бойында тізбектеліп орналасқан 50-ге жуық бөлмелердің орындары ашылды. Үй орындарының негізі тастан қаланып, қабырғасы қам кесектерден тұрғызылған. Көпшілігінің ішінде тандыр, сыпа, ошақ секілді үй іші құрылыстарының орындары табылды. 1973 ж. қазба барысында төрт және үш бөлмелерден тұратын үш үйдің орындары ашылды. Қазбадан табылған материалдарды Отырар, Түркістан оазистерінің материалдарымен сәйкестендіру барысында Күлтөбеде тіршілік XIII–XVIII ғғ. аралығында жалғасқан деген болжам жасалған [Жолдасбаев, 1973; 2016, с. 13, 22–24, 37–46].

1974 ж. ОҚКАЭ-ның С. Жолдасбаев басқарған археологиялық тобы зерттеулерін Күлтөбенің батыс жағында, Кеңсай шатқалының аузындағы ортағасырлық Ран қалашығында қазбасын жалғастырды. Сол жылы 625 м² көлемде салынған қазбадан алты бөлмеден тұратын тұрғын үй мен екі қойманың орындары ашылды. Бөлме іштерінде ташнау, сыпа, тандыр, ошақ секілді үй іші құрылыстарының қалдықтары табылды. Қазба еденінен табылған мыс теңгелер негізінде қазылған құрылыс қабаты XVI–XVII ғғ. мерзімделді. Бұған қосымша салынған байқау шұңқырының материалдары 6 м тұратын қаланың мәдени қабаты XII–XVIII ғғ. жататындығын көрсетті [Жолдасбаев, 1974, с. 48–66].

1980–1983 жж. аралығында Қаратаудың теріскейінде Шымкент мұғалімдер институтының әкелі-балалы Н.П. және А.Н. Подушкиндер басқарған археологиялық тобы барлау, зерттеу жұмыстарын жүргізді. Зерттеудің мақсаты «Свод памятников истории и культуры Казахстана» атты жинақтың Оңтүстік Қазақстан облысына арналған алғашқы томына материалдар жинақтау болатын. Экспедиция далалық жұмыстарды жақсы атқарып, Қаратаудың теріскей беткейінде бірнеше ескерткіштер ашып, ортағасырлық ескерткіштердің санын 23-ке жеткізді [Свод..., 1994]. Бірақ, барлау барысында кәсіби келеңсіз қателіктер жіберді. Жаңадан ашылған 11 ескерткіштің көпшілігі нақты атауы жоқ, «мекенжай» деп берілген. Археологияда жаңа табылған ескерткішті жергілікті тұрғындар қалай аталса (Ақтөбе, Күлтөбе, Майтөбе т.т.) солай құжаттау, болмаса жақын маңдағы жер атауымен, немесе мекен атымен

есепке алу қалыптасқан (кесте 1). Мекенжай деп көрсетілген алты бірдей ескерткіштердің кейбіреуі ғылымға сонау 1946–1947 жж. белгілі болған. Олардың ғылыми қауым белгілі екенін экспедицияның бас мамандары білмеген де болуы керек. Өйткені қатысушылар архив материалдарымен шала жұмыс жүргізіп, бұрыннан белгілі бірнеше ескерткіш назардан тыс қалған. Сондықтан жоғарыда айтылған жинаққа 1971 ж. Л.Б. Ерзакович ашқан Ақтөбе, Айдарлытөбе бекініс мекенжайлары мен Қарасуан қалашықтары енбей қалды. Айтылған ескерткіштер «Древний Отрар» кітабының 178–179-шы беттерінде жарияланған [Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1972]. 1946 ж. Орталық Қазақстан археологиялық экспедициясы ашылып, зерттелген Шу өзенінің төменгі ағысындағы Тасты бекініс мекенжайы да түсіп қалған. Бекініс 1960 ж. шыққан жинақтың 196-бетінде 2852-ші санмен тіркелген [АКК, 1960, с. 196].

Кесте 1. Қаратаудың теріскей бетіндегі ортағасырлық қалашықтары мен мекенжайларының тізімі

Table 1. List of medieval towns and settlements in Terskey Karatau

№	Ескерткіштер			
	Қалашық	Мекенжай	Төрткүл	Мұнара
1	Құмкент 10–15 ғғ.	Қызылкөлтөбе 6–10 ғғ.	Қарлығаштөбе 10–15 ғғ.	Ақсұмбе 13–14 ғғ.
2	Қосбұлақ 4–6 ғғ.	Көкбұлақ 6–8 ғғ.	Төрткүл 6–9 ғғ.	
3	Бабата 6–15 ғғ.	Ақтөбе (Бабаата) 1–8 ғғ.		
4	Күлтөбе 1–9 ғғ.	Мекенжай 4–6 ғғ.		
5	Майтөбе 11–16 ғғ.	Қарақұлтал -		
6	Шолаққорған 13–15 ғғ.	Мекенжай 6–8 ғғ.		
7	Қарасуан 13–14 ғғ.	Мекенжай 6–8 ғғ.		
8	Айдарлытөбе 4–6 ғғ.	Балатұрлан -		
9	Итмұрын 1–6 ғғ.	Көктөбе -		
10	Тарсағтөбе б.д. 3–10 ғғ.	Қарлығаштөбе 10–15 ғғ.		
11	Созақ 10–19 ғғ.	Мекенжай 6–10 ғғ.		

12	Күлтөбе 13-17 ғғ.	Ақтөбе (жүзей) 4–6 ғғ.		
13	Ран 12-18 ғғ.	Қошқарата 6–8 ғғ.		
14	Ақсүмбе 10–15 ғғ.	Ырымкөз 4–8 ғғ.		
15	Тасты 6–9 ғғ.	Мекенжай 6–8 ғғ.		
16		Көктөбе 6–7 ғғ.		
17		Текей -		
18		Төбеттөбе 6–8 ғғ.		
19		Ақтөбе (алтынтау) 1–6 ғғ.		
20		Сарыжазтөбе -		
21		Атөткел -		

Ескерту: Кейбір ескерткіштерден кейін қойылған сызықша оның мерзімделуі анықталмағандығын білдіреді. «Мекенжай» деген атаулардың қайталануы ол ескерткіштердің атаулары археологиялық жинақтарда *солай*, ешқандай атаусыз берілуімен байланысты [Свод..., 1994, с. 230, 232, 261].

1990 ж. әл-Фараби атындағы ҚазМУ университеті археологиялық экспедициясының (У.Х. Шәлекенов) М. Елеуов басқарған Шу археологиялық тобы Шу өзенінің төменгі ағысында барлау жүргізген кезде «Таңбалытас» ескерткішінде болып, оның сақталу барысымен танысты [Елеуов, 1991]. Сарысу өзенінің бойымен жоғары қарай 20 км шамасында, қызыл жыңғыл орманына қарама-қарсы, Биік Нұраның іргесінде орналасқан Таңбалытас жартасы қазақтар жүз болып, басы қосылған киелі жер саналады. Жартасқа түсірілген таңбалардың ең көнесі шамамен XI ғ. басталып, XIX ғ. дейін жалғасқан. Өкінішке орай бұл ескерткіш қазіргі уақытта жойылып кетті деуге болады.

Ақсүмбе қалашығында зерттеу жұмыстары Оңтүстік Қазақстан университетінің Б.Ә. Байтанаев басқарған археологиялық тобы 2007 ж., облыстық мәдениет басқармасының тарих-мәдениет мұраларын қорғау бөлімінің жетекшісі А.Н. Грищенконың қатысуымен жүргізілді. Сол жылы қалашыққа бір

стратиграфиялық кесік пен үш қазба салынды. Қалашықтың солтүстік-батыс шетіне ені 3 м, ұзындығы 13 м етіп салынған стратиграфиялық кесік ескерткіштің мәдени қыртысы 4,5 м құрайтындығын анықтады. Мұндай стратиграфиялық кесіктердің негізгі мақсаты ескерткіштің жасын анықтауға бағытталатындығына қарамай қазба қорытындысы бойынша жасалған ешқандай тұжырымды байқамадық. Тек қазбадан табылған қыш ыдыс сынықтарын сипаттай келе оларға ұқсас ыдыс үлгілерінің Отырардың X – XII–XIII ғғ. жататын материалдарымен баламалаған. Ал табылған геометриялық өрнектері бар тандыр сынықтарын Бабаатаның XI–XV ғғ. жататын қабатының тандырларымен сәйкестендірген [Байтанаев, Ергешбаев, 2009, с. 146–150]. Бұдан басқа үш қазба (қазба 1 – 15×10 м, қазба 2 – 5×5 м, қазба 3 – 3×3 м) салынған. Олардан алынған материалдар да сол X–XIII ғғ. аралығын көрсетеді.

2008 ж. «Абди Компани» акционерлік қоғамының президенті Ә. Бимендиевтің қаржыландыруымен

Оңтүстік Қазақстан облысы Созақ ауданының археологиялық картасын жасау мақсатында зерттеу жұмыстары жүргізілді. Зерттеуге А. Ясауи атындағы Халықаралық қазақ-түрік университеті құрамындағы Археология ғылыми-зерттеу орталығының «Тұран археологиялық экспедициясы» (М. Елеуов) мен Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының Ж. Құрманқұлов басқарған Созақ тобы және «Археолог» Халықаралық ғылыми-зерттеу орталығының ғылыми қызметкерлері қатысты. Барлау жұмыстары барысында 16 мекенжай жаңадан ашылып, олардың түрі, сипаты, орналасқан жері жайлы құжаттама жасалып, жобасы мен фотосуреттері дайындалды. Сонымен Қаратаудың теріскей бетінде осы күнге дейін жүргізілген археологиялық зерттеулер нәтижесінде ортағасырлық 36 ескерткіш мемлекеттік тіркеуге алынды. Олардың тоғызы едәуір көлемдегі қала орындары, қалғандары түрлі көлемдегі елдімекен орындары мен жеке усадба, төрткүл, бекініс және күзет мұнарасы. Экспедиция Созақ, Құмкент, Тарсатөбе, Күлтөбе, Раң, Қарасуан қалашықтары мен Ақтөбе (Жүзейлік), Ақтөбе (Алтынтаулық), Балатұран, Итмұрын, Күлтөбе, Қарлығаштөбе, Ұзынбұлақ секілді мекенжайлардың үш деңгейлі (3D) топографиялық жобасын түсірді. 2008 ж. зерттеу нәтижелері жайлы ғылыми есеп Археология институтының архивіне өткізілген [Оңтүстік Қазақстан..., 2008].

Экспедицияның Созақ ауданында жүргізген зерттеулерінің материалдары негізінде М. Елеуовтың «Қарақұр ескерткіштері» атты жеке ауылдық округтің ескерткіштерін топтастырған жинағы 2008 ж. жарық көрді. Жинаққа Қарақұр ауылдық

округінен жаңа ашылған 69 ескерткіш енді. Солардың қатарында: 13 жеке оба, 16 обалар тобы, 32 обалар қорымы, бір ортағасырлық елді мекен, бір үңгір, алты тасқа салынған сурет орындары бар [Елеуов, 2008, 11–12-бб.]. Барлау жұмыстарымен қатар Ақтөбе мекенжайына қазба салынды. Қазба барысында VI-X ғғ. аралығына жататын үй құрылыстарының орындары ашылған [Елеуов, 2008, 11–12-бб.].

2009–2010 жж. Оңтүстік Қазақстан кешенді археологиялық экспедициясының Қазақ хандығы қалалары тобы (Д. Талеев) Созақ қаласының орны Өрқақпада қазба жүргізді. Қазбаның мақсаты қаланың Қазақ хандығының қалыптасып дамуындағы Созақтың алатын орнын көрсететін заттай дәйектер жинақтау болды. Жүргізілген қазба жұмыстары жайлы есеп Археология институтының архивінде. Зерттеу жұмыстарының алғашқы тұжырымдары жайлы арнайы ғылыми мақалалар жарияланған [Талеев, 2010, 120–123-бб.]. 2012 ж. Өрқақпаның солтүстік-шығыс шетіндегі қорғаныс қабырғасының Қазы қақпаға тірелген жеріне қазба салынды. Қазбаның мақсаты қаланың мерзімделуі мен қорғаныс құрылыстары элементтері ерекшеліктерін анықтау. Алынған мәліметтерді зертханалық жағдайда саралап, салыстырып, кейбір олжаларды жаратылыстану ғылымдарының әдістері көмегімен жүйелеу, кейінгі ортағасырлық қалалардың қызметін анықтау, қаланың сәулеткерлік, фортификациялық құрылымы мен топографиясын зерттеу. Созақтың Қазақ хандығы тұсындағы тарихи ролін білдіретін деректер мен археологиялық мәліметтер жинау болды. Нәтижесінде Созақ қаласының XII–XX ғғ. аралығында үздіксіз

тіршілік кешкендігін анықтайтын бірқатар мәліметтер алынды. Үш жылдық зерттеу қорытындысы бойынша 2000 жылдық тарихы бар Созақтың Қазақ хандығы тұсындағы орталық қала ретіндегі ролі мен маңызы жайлы арнайы ғылыми мақала жарияланды [Талеев, 2018, 214–215-бб.].

Қорытынды

Осы уақытқа дейін жүргізілген зерттеулер Қаратаудың теріскейіндегі қалалар мен отырықшы мекендердің егінші және көшпелі мәдениеттерді

байланыстырушы міндетін атқарған шекаралық өңір болғандығын көрсетті. Қаратаудың теріскей беті арқылы өткен керуен жол аймақтың материалдық мәдениеті мен рухани дамуда аса маңызды орын алғандығын көрсетеді. Келешекте жүргізіледі деп ниеттеніп отырған кешенді зерттеулеріміз Теріскей өңірінің тарихи-мәдени, саяси-экономикалық даму жолдарын кеңінен және тереңінен ашуға мүмкіндік береді деп ойлаймын.

ӘДЕБИЕТ

1. Агеева Е.И. Цитадель // ТИИАЭ АН КазССР. 1962. Т. 14. С. 117-153.
2. Агеева Е.И., Пацевич Г.И. Из истории оседлых поселений и городов Южного Казахстана // ТИИАЭ АН КазССР. Сер. Археология. 1958. Т. 5. С. 3-215.
3. Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Древний Отрар (топография, стратиграфия, перспективы). Алма-Ата: Наука, 1972. 256 с.
4. АКК. Археологическая карта Казахстана. Реестр / Е.И. Агеева, К.А. Акишев, Г.А. Кушаев и др. (сост.). Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1960. 449 с.
5. Байтанаев Б.А., Ергешибаев А.А. Исследование городища Аксумбе // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2009. № 1. С. 146-156.
6. Бернитам А.Н. Проблемы древней истории и этногенеза Южного Казахстана // Известия АН КазССР. Сер. археол. 1949. Вып. 2. № 67. С. 3-88.
7. Бернитам А.Н. Древний Отрар // Известия АН КазССР. Сер. археол. 1951. Вып. 3. С. 81-97.
8. Елеуов М. Жамбыл, Шымкент және Қызылорда облыстарында жүргізілген барлау жұмыстары. Ғылыми есеп. Шу керуен жолын зерттеу және Жамбыл, Шымкент, Қызылорда облыстарының ортағасырлық ескерткіштердің паспорттау (қолжазба). Алматы, 1991 // Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институтының архиві. Ф. 11, д. 148.
9. Елеуов М. Қарақұр ескерткіштері. Алматы: «АБДИ Компани» АҚ, 2008. 96 б.
10. Ерзакович Л.Б. О позднесредневековом городище Сузак // Известия АН КазССР. Сер. обществ. 1966. № 3. С. 66-69.
11. Жолдасбаев С. Раскопки на укрепленном поселении Жыланды-Қарауыл (XIII–XV вв.) // Известия АН КазССР. Сер. обществ. наук. 1973. № 4. С. 65-68.
12. Жолдасбаев С. Раскопки городища Куль-тобе // АО–1973. 1974. С. 468.
13. Жолдасбаев С. Позднесредневековое городище Ран (XVII–XVIII вв.) // АО–1974. 1975. С. 485-486.
14. Жолдасбаев С. Городище Ран // АО–1975. 1976. С. 519-520.
15. Жолдасбаев С. Қаратаудың солтүстігіндегі соңғы ортағасырлық қалалар. Түркістан: ЖК «Сейт», 2016. 115 б.
16. Колосовский В.А. В Каратавских горах Чимкентского уезда // ПТКЛА. 1901. VI. С. 89-97.
17. Марғұлан А.Х. Оседлые поселения VIII–XIII вв. На северных склонах Каратау (извлечения из археологического отчета) // Известия АН КазССР. Сер. археол. 1948. Вып. 1. С. 109-115.

18. Маргулан А.Х. Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1950. 122 с.
19. Мерциев М.С. Могильник у поселения Актобе // ТИИАЭ АН КазССР. 1962. Т. 14. С. 83-87.
20. Оңтүстік Қазақстан облысының археологиялық картасы. Созақ ауданы // Қаратаудың археологиялық ескерткіштері ғылыми жобаның 2008 жылғы (қорытынды) есебі. / Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институтының архиві. Ф. 11, д. 2904, 192 б.
21. Сенигова Т.Н. Поселение Актобе // ТИИАЭ АН КазССР. 1962а. Т. 14. С. 57-82.
22. Сенигова Т.Н. Шахристан // ТИИАЭ АН КазССР. 1962б. Т. 14. С. 154-165.
23. Свод памятников истории и культуры Казахстана. Южно-Казахстанская область. Алматы: «Қазақ энциклопедиясы», 1994. 367 с.
24. Талеев Д.А. Созақта жүргізілген қазба жұмыстарының алғашқы нәтижелері // Мемлекеттік «Мәдени мұра» бағдарламасы бойынша 2009 ж. археологиялық зерттеулер жайлы есеп. Алматы: Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты, 2010. 120-123-бб.
25. Талеев Д.А. Созақ қаласының орнында 2010 ж. жүргізілген қазбаның нәтижелері // Мемлекеттік «Мәдени мұра» бағдарламасы бойынша 2010 ж. археологиялық зерттеулер жайлы есеп. Алматы: Ә.Х. Марғұлан ат. Археология институты, 2011. 61-64-бб.
26. Талеев Д.А. Созақ қаласы // Түркістан облысының көне қалалары. Ғылыми-танымдық кітап. Алматы: «Қазығұрт» баспасы, 2018. 213-223-бб. (қаз., орыс., ағыл.).
27. Талеев Д.А. Созақ Қазақ хандығының тірек қаласы // Электрондық ғылыми журнал «edu.e-history.kz». 2015. № 2 URL: <https://edu.e-history.kz/kz/publications/view/253>

REFERENCES

1. Ageeva, E. I. 1962. In: *Trudy Instituta istorii, arheologii i etnografii Akademii nauk KazSSR (Proceedings of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR)*, 14, 117-153 (in Russian).
2. Ageeva, E. I., Patsevich, G. I. 1958. In: *Trudy Instituta istorii, arheologii i etnografii Akademii nauk KazSSR (Proceedings of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR)*, 5, 3-215 (in Russian).
3. Akishev, K. A., Baipakov, K. M., Erzakovich, L. B. 1972. *Drevniy Otrar (topografiya, stratigrafiya, perspektivy) (Ancient Otrar (topography, stratigraphy, perspectives))*. Alma-Ata: "Nauka" Publ. (in Russian).
4. Ageeva, E. I., Akishev, K. A., Kushaev, G. A. et al. (compl.). 1960. *Arheologicheskaya karta Kazahstana (Archaeological map of Kazakhstan)*. Register. Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh SSR Publ. (in Russian).
5. Baitanayev, B. A., Ergeshbayev, A. A. 2009. In: *Izvestiya NAN RK. Ser. obshchestv. nauk (News NAS RK. Ser. societies sciences)*, 1, 146-156 (in Russian).
6. Bernshtam, A. N. 1949. In: *Izvestiya AN KazSSR. Ser. arheol. (News of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. Ser. archeol.)*, 2, 67, 3-88 (in Russian).
7. Bernshtam, A. N. 1951. In: *Izvestiya AN KazSSR. Ser. arheol. (News of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. Ser. archeol.)*, 3, 81-97 (in Russian).
8. Eleuov, M. 1991. In: A.Kh. Margulan Archeology Institute archive. F. 11, d. 148 (in Kazakh).
9. Eleuov, M. 2008. *Karakyr eskertkishteri (Karakyr Antiquities)*. Алматы: "ABDI Company" (in Kazakh).
10. Erzakovich, L. B. 1966. In: *Izvestiya AN KazSSR. Ser. obshchestv. nauk (News of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. Ser. societies sciences)*, 3, 66-69 (in Russian).
11. Zholdasbayev, S. 1973. In: *Izvestiya AN KazSSR. Ser. obshchestv. nauk (News of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. Ser. societies sciences)*, 4, 65-68 (in Russian).
12. Zholdasbayev, S. 1974. In: *Arheologicheskie otkrytiya-1973 (Archaeological discoveries-1973)*, 468 (in Russian).
13. Zholdasbayev, S. 1975. In: *Arheologicheskie otkrytiya-1974 (Archaeological discoveries-1974)*, 485-486 (in Russian).

14. Zholdasbayev, S. 1976. In: *Arheologicheskie otkrytiya–1975 (Archaeological discoveries–1975)*, 519-520 (in Russian).
15. Zholdasbayev, S. 2016. *Karataudyn soltustigindegi songy ortagasyrlyk kalalar (The Late medieval towns in the North Karatau)*. Turkestan: “Seyit” (in Kazakh).
16. Kolosovskiy, V. A. 1901. In: *Protokoly Turkestanского kruzha lyubiteley arheologii (The protocols of the Turkestan circle of Archeology amateurs)*, 6, 89-97 (in Russian).
17. Margulan, A. Kh. 1948. In: *Izvestiya AN KazSSR. Ser. arheol. (News of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. Ser. archeol.)*, 1, 109-115 (in Russian).
18. Margulan, A. Kh. 1950. *Iz istorii gorodov i stroitel'nogo iskustva drevnego Kazahstana (From the history of cities and construction art of ancient Kazakhstan)*. Alma-Ata: “Nauka” Publ. (in Russian).
19. Mershchiev, M. S. 1962. In: *Trudy Instituta istorii, arheologii i etnografii Akademii nauk KazSSR (Proceedings of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR)*, 14, 83-87 (in Russian).
20. In: A.Kh. Margulan Archeology Institute archive. F. 11, d. 2904 (in Kazakh).
21. Senigova, T. N. 1962a. In: *Trudy Instituta istorii, arheologii i etnografii Akademii nauk KazSSR (Proceedings of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR)*, 14, 57-82 (in Russian).
22. Senigova, T. N. 1962b. In: *Trudy Instituta istorii, arheologii i etnografii Akademii nauk KazSSR (Proceedings of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR)*, 14, 154-165 (in Russian).
23. *Svod pamyatnikov istorii i kultury Kazahstana. Yuzhno-Kazahstanskaya oblast (The collection of monuments of history and culture of Kazakhstan. South Kazakhstan region)*. 1994. Almaty: “Kazakh enciklopediyasy” (in Russian).
24. Taleev, D. A. 2010. In: *Memlekettik “Madeni mura” bagdarlamasy boiynsha 2009 zh. arheologiyalyk zertteuler zhayly esep (The report on archeological researches in 2009 on the State programmer “Cultural heritage”)*. Almaty: A.Kh. Margulan Archeology Institute, 120-123 (in Kazakh).
25. Taleev, D. A. 2011. In: *Memlekettik «Madeni mura» bagdarlamasy boiynsha 2010 zh. arheologiyalyk zertteuler zhayly esep (The report on archeological researches in 2010 on the State programmer “Cultural heritage”)*. Almaty: A.Kh. Margulan Archeology Institute, 61-64 (in Kazakh).
26. Taleev, D. A. 2018. In: *Turkistan oblysynyn kone kalalary (Ancient cities of the Turkestan)*. Almaty: “Kazygurt” Publ., 213-223 (in Kazakh, Russian, English).
27. Taleev, D. A. 2015. In: *Elektrondyk gylymi zhurnaly «edu.e-history.kz» (E-scientific journal «edu.e-history.kz»)*, 2. URL: <https://edu.e-history.kz/kz/publications/view/253> (in Kazakh).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.
 / Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
 / Disclosure of conflict of interest information. The author claim no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
 Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 15.04.2021.
 Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 05.06.2021.
 Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 08.06.2021.

БРОНЗОВЫЕ ЗЕРКАЛА ИЗ ТАЛЬХИРА КАК ИСТОЧНИК ПО МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЕ: ИССЛЕДОВАНИЯ И.И. КОПЫЛОВА

© 2021 г. Мухтарова Гульмира Раилевна¹,
Железняков Борис Анатольевич², Жұмай Гульмира¹

¹кандидат исторических наук, директор, Государственный историко-культурный заповедник-музей «Иссык», г. Есик, Казахстан. E-mail: railovna@mail.ru

²автор-корреспондент, старший научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Марғулана, г. Алматы, Казахстан. E-mail: boriszheleznyakov@mail.ru

¹старший научный сотрудник, Государственный историко-культурный заповедник-музей «Иссык», г. Есик, Казахстан. E-mail: jboti@mail.ru

Аннотация. Публикация основана на архивных материалах И.И. Копылова о месте и условиях находки бронзовых зеркал, данных анализов о составе металла. Проводится анализ опубликованных ранее данных по бронзовым зеркалам, происходящих из городища Талгар. Тем самым, на основе архивных данных исследователя средневекового памятника, ставится и во многом решается вопрос о местном производстве зеркал на местном же сырье. Ранее опубликованные статьи фактически ставили вопрос только об этнокультурной принадлежности орнаментального сюжета, из которого состоит рельефно-орнаментированная тыльная сторона зеркала, то есть - о культурных истоках, распространенных в то время на Великом Шелковом пути орнаментов. Детали обнаружения зеркал в культурном слое, принадлежности руин построек крайне важны для реконструкции культурных контактов, а главное, для понимания высокого уровня развития ремесла на Талгаре в XI – первой половине XIII в., роли и месте ювелира и торева в ремесленной «табели о рангах» Тальхиза, чьи богатые жилища и развитые производства располагались в центре города. Приводятся некоторые данные о сопровождающих находки зеркал в мастерских: массовых артефактах, орудиях, штампах.

Ключевые слова: археология, городище Талгар, ремесленное производство XII – начала XIII в., бронзовое литье, состав бронз, средневековые зеркала

МАТЕРИАЛДЫҚ МӘДЕНИЕТТІҢ ҚАЙНАР КӨЗІ ТАЛЬХИР ҚОЛА АЙНАЛАРЫ: И.И. КОПЫЛОВ ЗЕРТТЕУЛЕРІ

Мұхтарова Гүлмира Райылқызы¹, Железняков Борис Анатольевич²,
Жұмай Гүлмира¹

¹тарих ғылымдарының кандидаты, директор, «Есік» мемлекеттік тарихи-мәдени қорық-музейі, Есік қ., Қазақстан. E-mail: railovna@mail.ru

²корреспондент авторы, аға ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы қ., Қазақстан. E-mail: boriszheleznyakov@mail.ru

¹аға ғылыми қызметкер, «Есік» мемлекеттік тарихи-мәдени қорық-музейі, Есік қ., Қазақстан. E-mail: jboti@mail.ru

Аннотация. Мақалада И.И. Копыловтың архив деректері негізінде қола айналардың табылған орындары, қоланың құрамына жасалған талдама мәліметтері туралы айтылады. Талғардан табылған қола айналар туралы бұрын жарияланған деректермен қатар аталмыш мәселелерді зерттеушілерге талдау жүргізіледі. Сондай-ақ, ортағасырлық ескерткішті зерттеушілердің мұрағаттық деректері негізінде айнаны

өндіруге жергілікті шикізатты қолдану мәселелері де көтеріледі. Бұрын жарияланған мақалаларда айна бетіндегі өрнектердегі сюжеттің этномәдени байланысы туралы ғана айтылса, мақалада айнаның артқы жағындағы мәдени бастаулар, ою-өрнектер Ұлы Жібек жолында кең таралғандығы туралы да қарастырылады. Мәдени қабаттағы айна бөлшектерінің табылуы ғимарат қирандыларына қатысты мәдени байланыстарды қалпына келтіру, сондай-ақ, XI-XIII ғғ Талғар қалашығындағы колөнердің жоғары деңгейде дамуын түсіну үшін өте маңызды. Талхиздегі зергерлер мен торевтердің колөнердегі «деңгейінің» ролі мен орнын қаланың дәл орталығында орналасқан бай тұрғын үйлер мен дамыған өндірістен көруге болады. Шеберханаларда айналар табылған кезде қосымша кейбір мәліметтер келтірілген: жалпы артефактілер, құралдар және мөртабандар.

Түйін сөздер: археология, Талғар қалашығы, қола құйма, қола құрамы, ортағасырлық айна

BRONZE MIRRORS FROM TALHIR AS A SOURCE ON MATERIAL CULTURE: RESEARCH BY I.I. KOPYLOV

Mukhtarova Gulmira¹, Zheleznyakov Boris², Zhumai Gulmira¹

¹Candidate of historical sciences, director, Issyk State Historical and Cultural Reserve-Museum, Esik, Kazakhstan. E-mail: railovna@mail.ru

²Corresponding author, senior Researcher, A.Kh. Margulan Archeology Institute, Almaty, Kazakhstan. E-mail: boriszheleznyakov@mail.ru

¹Senior Researcher, Issyk State Historical and Cultural Reserve-Museum, Esik, Kazakhstan. E-mail: jboti@mail.ru

Abstract. The publication is based on the archival data of I.I. Kopylov on the place and conditions of finding of bronze mirrors, analysis data on the composition of bronzes. An analysis of previously published data on bronze mirrors originating from the Talgar settlement is being carried out. Thus, based on the archival data of the researcher of the medieval site, the issue of local production of mirrors from local raw materials is raised and resolved. Previously published articles actually raised the question only about the ethnocultural affiliation of the ornate plot, which is depicted on the relief-ornamented rear side of the mirror, that is, in fact about the cultural origins common at that time on the Great Silk Road ornaments. The details of the discovery of mirrors in the cultural layer, the belonging of the ruins of the buildings, are extremely important for the reconstruction of cultural contacts, and most importantly, for understanding the high level of craft development on Talgar in the 11th – the first half of the 13th centuries. Role and place of the jeweler and trower in the craft “table of ranks” of Talhiz city, whose rich dwellings and developed industries were located right in the city center. Some details of the accompanying finds in the workshops are given: other mass artifacts, tools, stamps.

Keywords: archaeology, Talgar site, bronze casting, composition of bronzes, medieval mirrors

Введение

Городище Талгар – уникальный памятник городской культуры Илейской долины VIII–XIII вв., руины средневекового города Тальхира/Тальхиза расположены вблизи крупнейшего мегаполиса Казахстана. Увлажненно-континентальный климат оазиса, который маркирует полосу чернозема у северных склонов Иле Алатау, имеет наибольшую ширину у Талгара. Обилие свежей воды спо-

собствовало тому, что город Тальхир возник на трассе Великого Шелкового пути как узловой пункт на развилке этого «коридора» с запада на северо-восток: до Каялыка и озера Алаколь, а также на юго-восток – в сторону верховьев р. Иле. Помимо отдыха, восполнения запасов продуктов и фуража значительное распространение приобрели производства: керамическое [Кузнецова, 2007], железоделательное

[Савельева и др., 1998], бронзовых и стеклянных изделий [Савельева, 2006]. К моменту начала исследования памятника В.Д. Городецким (20-е гг. XX в.) к городищу с разных сторон подходили цепочки курганов [Городецкий, 1928, с. 49–50].

Упоминание о первых находках на городище Талгар можно найти в работе А.Х. Маргулана и Е.И. Агеевой: «В 1929–1930 гг. на территории городища Талгар при случайных обстоятельствах была найдена глиняная печатка с изображением льва в растительном орнаменте», а также керамика XI–XII вв. Артефакты переданы в ЦГМ РК [Маргулан, Агеева, 1948, с. 125]. И.И. Копылов практически каждый год занимался исследованием курганов (1960–1980-е гг.) в расположенной рядом с городищем Глубокой щели [Копылов, 1987, с. 1–9]. Местность обладала значительным притяжением древнего и средневекового населения: удобна и для земледелия, культивировавшегося с усуньской эпохи. Приток населения к конусу выноса Талгара был связан не только с природно-климатическими условиями, но и с минеральной базой, что неоднократно отмечалось И.И. Копыловым [Копылов, 1987].

Изучение средневекового городища проводилось И.И. Копыловым

с 1955 г. до конца 1980-х гг. С конца 1970-х гг. исследования проводились им параллельно с К.М. Байпаковым и Т.В. Савельевой. Археологические исследования под руководством Т.В. Савельевой проводились до самого последнего времени, один из проектов реализовывался до 2020 г. [Камалдинов, Савельева, 2019; Савельева и др., 2020]. Значительное число зеркал было открыто на раскопах под руководством И.И. Копылова. Результаты

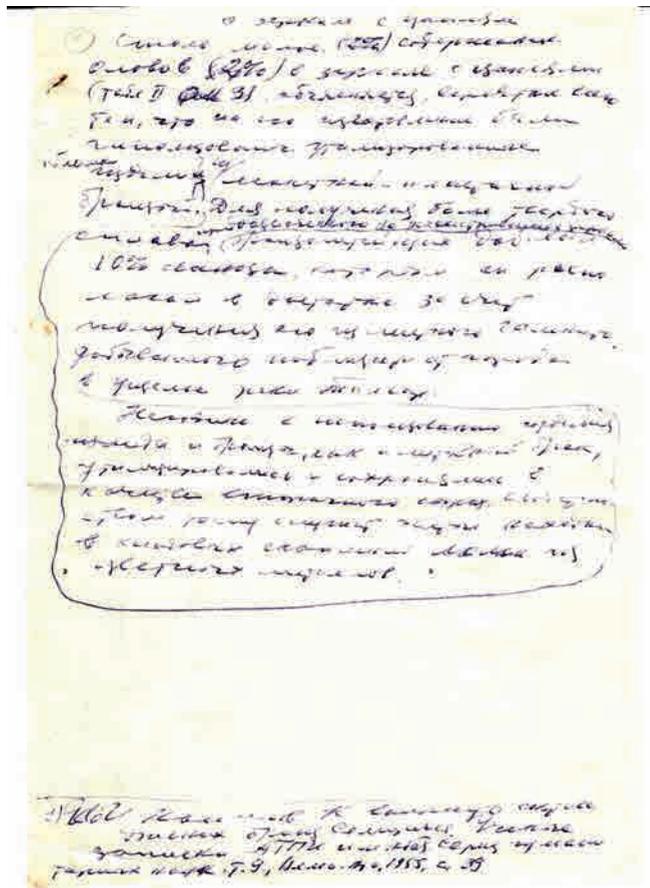

Рис. 1. Лист рукописи И.И. Копылова (о процентном содержании металлов в бронзовом сплаве). Из архива ГИК заповедника-музея «Иссык»

Fig. 1. Sheet of paper from the manuscript by I.I. Kopylov (about the percentage of metals in the bronze alloy). Archive of the State Historical Cultural Reserve-Museum of "Issyk"

анализа состава бронзы зеркал однозначно свидетельствуют, по мнению И.И. Копылова, об их производстве по имевшимся образцам местными ремесленниками [Копылов, 1955] (рис. 1; табл. 1). С 2018 г. менеджмент памятника «Городище Талгар», внесенного в Список всемирного наследия в серийной и транснациональной номинации: «Шелковый путь: сеть маршрутов Чанъань-Тянь-Шанского коридора» (2014), осуществляет заповедник-музей «Иссык».

комплекса материалов, связанных с изучением бронзовых зеркал, найденных, главным образом, при проведении археологических раскопок И.И. Копыловым в 1964–1981 гг. на Талгарском городище, а также случайных находок с территории памятника. Теоретические исследования проводились на основе систематизации с последующей реконструкцией вопросов, связанных с бронзолитейным производством, локализацией горнорудного производства, а также

Таблица 1 - Результаты анализов зеркал Талгарского городища

Table 1 – Results of analysis of mirrors from the Talgar site

№	Предметы	Cu	Sn	Pb	Zn	Bi	Ag	Sb	As	Fe	Mo	Mn	Au	V	Ca
1	Зеркало без орнамента	80	5	0,002	0,002	0,002	0,005	-	-	1,0	-	-	-	-	-
2	Зеркало с цветами	60	15	20	0,02	0,05	0,01	-	0,05	0,1	-	-	-	-	-
3	Зеркало с птицами	80	2	10	0,005	0,05	0,02	-	-	0,5	-	-	-	-	-
4	Фрагмент зеркала без орнамента	59,32	17,97	0,32	0,02	-	0,016	-	0,05	0,3	0,0007	0,038	0,002	1,10	2,05
5	Половинка зеркала с надписью	65	30	0,01	0,005	0,002	0,005	-	0,02	0,05	-	-	-	-	-

Примечание: Анализы зеркал № 1–3, 5 выполнены до начала 1986 г. (заказчик – Копылов И.И.) лазерным локальным спектральным методом в Казахском филиале ВИРГ М.В. Бобровой; зеркала № 4 – рентгенофлюоресцентным методом в химической лаборатории АЗТМ В. Ширяевой.

Мы, при выполнении работы, не располагая самими артефактами для проведения анализов на современном уровне, приводим результаты анализов 1980-х гг. Восстанавливается «карта артефактов» городища Талгар.

Основные методы проведения исследований

В результате исследований выполнено теоретическое осмысление

культурных связей Илейского участка Великого Шелкового пути.

Сличение материалов публикаций К.М. Байпакова [Байпаков и др., 2005; Байпаков, 2012] и К.Ю. Марковой [Маркова, 2013] с данными архива И.И. Копылова [Копылов, 1986], хранящегося в фондах Государственного историко-культурного заповедника-музея (ГИКЗМ) «Иссык», показывает, что И.И. Копыловым было найдено основное число зеркал на городище

(шесть целых зеркал, большинство из которых было найдено в культурном слое). Архивные материалы заполняют пробелы в знаниях об исследованиях памятника: место и время находки зеркал; то обстоятельство, что значительное число зеркал найдено в «доме ювелира» и «доме торевта» может наводить на мысль об их местном производстве по образцам, декор которых соответствует другим культурам. И.И. Копылову на основании проведенных анализов и знаний месторасположения и особенностей ближайших рудных запасов удалось это доказать [Копылов, 1988].

Публикация результатов анализов проб бронзы этих зеркал, проведенных до 1986 г., была осуществлена автором лишь однажды в малоизвестном издании [Копылов, 1988], но не была отражена во многих последующих публикациях К.М. Байпакова. Справедливости ради необходимо отметить, что результаты анализов несколько разнятся по содержанию основного компонента, но не тех компонентов (главным образом – висмута), которые определяют локализацию месторождения в широком диапазоне. К настоящему времени известно местонахождение лишь двух зеркал, находящихся в экспозиции Музея «Центр сближения культур», местонахождение других зеркал нам не известно. Многие (если не большинство) артефакты из коллекции И.И. Копылова «канули» после его смерти в 1993 г.

Описание материалов исследований

Зеркала из Талгарского городища публиковались неоднократно без определенной привязки (как места находки и экспонирования). К.М. Байпаков считал их произведенными в

Иране или Средней Азии, приводя относительно подробное описание [Байпаков и др., 2005, с. 107–108]. В более поздней своей работе три зеркала из коллекции И.И. Копылова он относит к китайским [Байпаков, 2012, с. 65–66, 72, ил. VII]. Изображение (всего) одного зеркала из раскопок И.И. Копылова приводится в каталоге музейной экспозиции Государственного музея «Центр сближения культур» (далее – «Центр», прим. авт.) [«Культура и религия...», 2020, с. 56], где представлено пять зеркал. В экспозиции же Центра два из четырех зеркал представлены артефактами из раскопок И.И. Копылова (в чем удалось убедиться при посещении этого «Центра» в марте 2021 г.).

Наиболее развернутой публикацией зеркал из Талгара является статья К.Ю. Марковой [Маркова, 2013]. В ней реализуется тезис, сформулированный автором: «С помощью выделения ряда особенностей, присущих художественной культуре той или иной страны, предметы импорта удается идентифицировать с их местом производства» [Маркова, 2013, с. 36]. По результатам исследований были выделены четыре зеркала из Китая, два – из Ирана и одно – из Средней Азии [Маркова, 2013, с. 36–40]. Знакомство с публикацией И.И. Копылова [Копылов, 1988], архивными материалами [Копылов, 1986] мы приходим к предварительному заключению о том, что хронология производства зеркал может быть сужена до XII – первой половины XIII в. (возможно с конца XI в. по хронологии горизонта, определенного И.И. Копыловым), но не такой широкий диапазон (конец VIII – начало XIV в.), как это дается у К.Ю. Марковой. Местом производства на основе анализа данных о месте находки

и знаний о бронзолитейном производстве на городище Талгар, а также данные об анализах металла, проведенных И.И. Копыловым в 1980-е гг., можно однозначно судить о производстве зеркал в мастерских Талгара на местном сырье. По-видимому, кроме последнего (импортного) зеркала.

«Дом ювелира». В центре укрепленной части городища И.И. Копыловым были обследованы два достаточно зажиточных и крупных по площади землевладения: «дом ювелира» и «дом торевта». Начало этим раскопкам было положено в 1964 г., когда был заложен раскоп № 7 на правом берегу «поповского» арыка, там, где его пересекает дорога от восточных ворот к западным, мощеная окатанной галькой. При обследовании арыка был найден кусок кричного железа. Сначала была открыта стена из камней на глиняном растворе протяженностью 10 м, сохранившаяся на высоту 60–80 см, шириной 100–120 см. При разрушении она завалила остатки кладовой, где хранились запасы металла и различные орудия и предметы культа. В том числе более 100 кг кричного железа, тигли, сера, 40 целых и 150 фрагментов монет, большое разнообразие бронзовых ювелирных украшений, инструменты ювелира-торевта [Копылов, 1978, с. 40].

Первое зеркало (рис. 2) из «дома ювелира» (диаметр – 118 мм, толщина – 1,5–2,0 мм, вес – 89,4 г) имеет форму не идеально круглого диска, лицевая сторона немного выпуклая. На тыльной стороне в центре расположен держатель полусферической формы, верхняя часть которого отбита. Сквозное отверстие держателя для шнура или ленты имеет диаметр 2,5–3,0 мм. Кромка зеркала имеет утолщение не более 1–1,5 мм. Зеркало лишено

Рис. 2. Зеркало без орнаментации. «Дом ювелира», городище Талгар. XII – начало XIII в. Фото из архива ГИК заповедника-музея «Иссык»

Fig. 2. Mirror without ornamentation. "House of jeweler", Talgar site. 12th – beginning of 13th century. Photo from archive of the State Historical Cultural Reserve-Museum of "Issyk"

какого-либо декоративного убранства. Его поверхность с обеих сторон амальгамирована тонким слоем сплава близкого по цвету к золоту [Копылов, 1988, с. 72]. Но лазерно-спектральный анализ показал отсутствие золота. Отлито зеркало из пластичной-монетной бронзы (табл. 1, ан. I). По покрытию поверхности амальгамой зеркало имеет аналогию с зеркалами конца IX – начала XII в. периода Тан и Сун [Стратанович, 1961, с. 48–51]. Зеркало ранее не публиковалось.

Второе зеркало (рис. 3) из дома ювелира имеет форму плоского диска диаметром 12,4 см, вес 156,4 г. Его бортик-закраина шириной 8–9 мм, слегка утолщен от 1,5 до 3,0 мм. Тыльная сторона богато украшена растительно-геометрическим орнаментом. В центре отлит держатель полусферической формы, верх которого отбит. Сквозное отверстие

Рис. 3. Зеркало с растительным (китайским) орнаментом. «Дом ювелира», городище Талгар. Конец XI – начало XIII в. Экспозиция музея «Центр сближения культур» под эгидой ЮНЕСКО. Фото Б.А. Железнякова

Fig. 3. Mirror with plant (Chinese) ornament. "House of jeweler", Talgar site. 12th – beginning of 13th centuries. Exposition of the "Centre of the Rapprochement of Cultures" under UNESCO. Photo by B.A. Zheleznyakov

для шнура или ленты имеет диаметр 4 мм. Вокруг шишечки держателя помещено стилизованное изображение 14-тилепестковой розетки, на 2 мм выше которой располагается точечный круг диаметром 4,5 см, состоящий из 60 маленьких шишечек, имитирующих зернь. Выше этого внутреннего круга расположен верхний круг-бордюр, состоящий из таких же 102 шишечек-точек. Между этими кругами помещена орнаментальная лента стилизованных веток с листьями и шестью пятилепестковыми розетками, между лепестками каждой из которых помещены шишечки-точки. Внутри цветка изображен круг из семи точек. Каждый лепесток цветка

представлен в виде трех или четырех вертикально поставленных линий, окантованных сверху дугой [Копылов, 1988, с. 73]. Этот рельефный декор не везде исполнен четко. По мнению Л.И. Ремпеля, тип «шести стилизованных цветов» характерен для изделий, изготовленных в Китае [Ремпель, 1978, с. 162].

Отлито зеркало из твердой зеркальной бронзы, в которой более третьей части составляют присадки свинца – 20% и олова 15% (табл. 1, ан. 2). Зеркало с подобным по стилю убранством, датирующимся X–XII вв., представлено в собрании зеркал Минусинского музея [Лубо-Лесниченко, 1975, с. 48].

Третье зеркало из дома ювелира, лицевая сторона которого имеет небольшую выпуклость, диаметром 14,5 см, весом 323,3 г, окантовано массивным бортиком высотой 0,5–0,6 см, шириной 0,9 см, имеющим в разрезе форму треугольника с высотой боковых граней 0,5–0,6 см. Площадь круга внутри бордюрного ободка разделена по вертикали на две части двумя вписанными один в другой кругами, составленными из точек полусфер. В центре малого круга диаметром 4 см, состоящего из 46 шишечек, помещен держатель в виде полусферы высотой 0,8 см, со сквозным отверстием размером 0,5–0,7 см. Пространство между малым и большим бордюрным кругом диаметром 12 см разделено на четыре части прямыми линиями, отходящими от внешней грани малого круга и доходящими во внутренней грани большого круга.

Эти прямые линии-разделители составлены из тех же точек-шишечек. В двух линиях, расположенных на одной прямой, по 14 точек в каждой, в двух других линиях - по 15 точек. В каждом из образованных таким образом сегментов помещены по ветке трилистника и изображенными на них летящему журавлю или аисту с распростертыми крыльями, со схематично показанными на них перьями в виде 8–9 разрезов, расположенных в 2–3 ряда по длине крыльев, и вытянутыми ногами, на которых показаны пальцы в форме трех разрезов [Копылов, 1988, с. 74]. Все четыре птицы летят в одном направлении – направо (рис. 4).

Отлито зеркало из «зеркальной» бронзы, где присадка свинца состав-

ляет 10%, а олова лишь 2% (табл. 1, ан. 3). При отливке зеркала в одном из секторов (на фото – внизу) образовалась раковина, которую мастер залил заплаткой, в результате чего нарушилось изображение конца ног птицы и части трилистника.

Тем самым три зеркала, найденные в доме ювелира, представлены на рис. 5 (фото рисунка художника из архива И.И. Копылова).

Четвертое зеркало найдено в 1975 г. на глиняном полу жилого помещения северной половины «дома торевта», располагавшегося напротив дома ювелира, по северную сторону мостовой улицы. Как и предыдущее зеркало, оно имеет форму диска диаметром 13,2 см, с еле заметной выпуклостью лицевой стороны. Вес его 241,95 г. Внешняя грань диска оконтурена бортиком, имеющим в разрезе форму равнобедренного треугольника с размерами сторон: основание – 0,8 см, внешней грани 0,5–0,6 см. В центре внутренней плоскости помещен держатель полусферической формы высотой 0,8 см со сквозным отверстием размерами 0,4×0,5 см. Вся внутренняя плоскость заполнена рельефно отлитым *нечетким* (выделено нами – прим. авт.) орнаментом. На расстоянии 0,6 см от держателя помещен круг диаметра 3 см, составленный из 40 точек. От него отходят вверх прямые линии длиной 3,5 см, состоящие из 13–15 точек, доходящие до внутренней грани большого бордюрного круга

Рис. 4. Зеркало с растительно-орнитоморфным (китайским свадебным) орнаментом. «Дом ювелира», городище Талгар. XII – начало XIII в. Экспозиция музея «Центр сближения культур» под эгидой ЮНЕСКО. Фото Б.А. Железнякова

Fig. 4. Mirror with plant-ornithomorphic (Chinese wedding) ornament. "House of jeweler", Talgar site. 12th – beginning of 13th centuries. Exposition of the "Centre of the Rapproachment of Cultures" under UNESCO. Photo by B.A. Zheleznyakov

Рис. 5. Три бронзовых зеркала. «Дом ювелира», прорисовка.
Фото из архива ГИК заповедника-музея «Иссык»

Fig. 5. Three bronze mirrors. "House of jeweler", drawing from the archive
of the State Historical Cultural Reserve-Museum of "Issyk"

диаметром 10,5 см. Любопытен факт: некоторые из шишечек своей формой напоминают рисовые зерна. Этими линиями плоскость делится на четыре сектора [Копылов, 1988, с. 74].

В каждом из четырех секторов помещены по три летящие птицы с распростертыми крыльями и вытянутыми ногами как у аистов и у журавлей. Птицы расположены по вертикали в два круга - верхний и нижний. В нижнем ряду изображено по одной птице в каждом секторе. При этом в трех секторах птицы летят одна за другой, и лишь в одном секторе одна летит навстречу первой. В верхнем ряду в каждом секторе помещены по две птицы, разлетающиеся в разные стороны, т. е. к аистам противоположного сектора, что создает картину четырех пар, летящих навстречу друг к другу (рис. 6).

Изготовлено зеркало из твердой-зеркальной бронзы желтого цвета. Лабораторному анализу оно не подвергалось. Сохранность зеркала хорошая, поверхность слегка покрыта благородной патиной. Нечеткость изображения орнамента объясняется тем, что отливалось зеркало в форме многогранного использования. Культурный слой жилого комплекса, в котором найдено зеркало, датируется по нумизматическим материалам от конца XI до первой четверти XIII в. Его потерю/утрату логичнее относить к концу этого периода, хронологию изготовления восстановить сложнее, но также логичным выглядит вторая половина XII – начало XIII в. [Копылов, 1986, с. 5]. Зеркала с изображением двух пар противостоящих птиц относятся к категории свадебных зеркал, а орнамент, состоящий из парных птиц,

Рис. 6. Зеркало с нечетким орнаментом (12 птиц). «Дом торевта», городище Талгар. XII – начало XIII в. Фото из архива ГИК заповедника-музея «Иссык»

Fig. 6. Mirror with fuzzy ornament (12 birds). “House of Torewt”, Talgar site. 12th – beginning of 13th centuries. Archive of the State Historical Cultural Reserve-Museum of “Issyk”

символизирует счастливый брачный союз [Лубо-Лесниченко, 1975, с. 20]. Зеркала XII в. с аналогичным изображением летящих аистов или журавлей представлены в собрании зеркал Минусинской котловины [Лубо-Лесниченко, 1975, с. 27, рис. 72].

Пятое зеркало обнаружено в 1980 г. на полу жилого помещения домостроения, примыкающего с востока к дому торевта и состоящего с ним в одном жилом массиве, расположенном по северную сторону магистральной мостовой. Зеркало (рис. 7) имеет форму плоского диска диаметром 11,7 см, окантованного сверху бортиком высотой 0,3–0,4 см, шириной 0,5–0,6 см. В центре тыльной стороны располагается держатель полусферической формы высотой 0,7 см со сквозным отверстием – ушком диа-

метром 0,3 см. Лицевая плоскость украшена рельефно отлитым орнаментом, скомпанованным в три последовательно расположенных сверху вниз ряда. Верхний ряд, располагающийся ниже бортика на 0,5 см, представляет собой восемь полусфер-шишечек высотой 0,2–0,3 см, шириной 0,5 см, отлитых на равном расстоянии (3,5 см) друг от друга. Второй круг состоит из восьми медальонов, четыре из которых своей формой напоминают височные кольца или серьги, другие четыре медальона – замкнутые круги с вписанными в них квадратами, составленными из четырех рельефных угольников с точками-полусферами в центре каждой грани квадрата. Внутри каждого квадрата расположен рельефный круг из 19 шишечек. Третий, нижний, орнаментальный круг состоит из четырех накрест расположенных колец, составленных из восьми шишечек, отдельные из которых напоминают рисовые зерна [Копылов, 1986, с. 5].

Поверхность тыльной стороны покрыта патиной темного стального цвета. По наблюдениям Е.И. Лубо-Лесниченко, темная патина характерна для зеркал местного производства (Минусинской котловины) [Лубо-Лесниченко, 1975, с. 23]. Сохранность зеркала хорошая, но в одном месте образовалось сквозное отверстие от окисла. Аналитическим исследованиям зеркало не подвергалось [Копылов, 1986, с. 5].

Прямые аналогии зеркал по стилистике орнаментального убранства автору не известны. Хотя деление декора на концентрические зоны [Лубо-Лесниченко, 1975, с. 18] и украшение шишечками широко пред-

Рис. 7. Зеркало «с медальонами» (среднеазиатский орнамент). Соседнее жилище с «домом торевта», городище Талгар. XII – начало XIII в. Фото из архива ГИК заповедника-музея «Иссык»

Fig. 7. Mirror “with medallions” (Central Asian ornament). Neighboring dwelling with the “House of Torewt”, Talgar site. 12th – beginning of 13th centuries. Archive of the State Historical Cultural Reserve-Museum of “Issyk”

ставлены на зеркалах Минусинской котловины [Лубо-Лесниченко, 1975, с. 12, рис. 6], датирующихся большим диапазоном, начиная от II тыс. до н.э. и до XII, XIII веков включительно [Лубо-Лесниченко, 1975, с. 8–34, рис. 6, 12, 16–18, 48, 49, 76, 102, 103]. К.Ю. Маркова считает его зеркалом из Средней Азии [Маркова, 2013, с. 38].

Шестое зеркало, представленное ½ диска, имеет полный размер

11,1 см (рис. 8). Вес половинки – 118 г. Лицевая сторона плоская с некоторым отклонением во внешнюю сторону – на краях утолщенного от 0,2 до 0,4 см бортика шириной 0,7 см. На внутренней плоскости в центре помещен держатель в виде брусочка размерами 0,4×0,8×1,1 см. На расстоянии 1–1,3 см от держателя помещен орнаментальный желобчатый круг диаметром 3,3 см; на расстоянии 1,2 см от закраины выполнен аналогичный круг диаметром 8,5 см. Концентрический пояс между двумя желобчатыми кругами украшен растительным орнаментом, изображающим извивающуюся волнами и кольцами виноградную лозу с листьями [Копылов, 1986, с. 7].

В этот растительный орнамент вплетена благопожелательная надпись, испол-

Рис. 8. Зеркало с арабской надписью: «Славы и успеха, и счастья!». Западный рабад городища Талгар. XII – начало XIII в. Фото из архива ГИК заповедника-музея «Иссык»

Fig. 8. Mirror with the Arabic inscription “Glory and success and happiness!”. Western Rabad of Talgar. 12th – beginning of 13th centuries. Archive of the State Historical Cultural Reserve-Museum of “Issyk”

ненная шрифтом «насх». Л.Т. Гюзельян интерпретировал ее как: «Славы и успеха и счастья!» [Копылов, 1986, с. 8]. Отлито зеркало из высокооловянисто-зеркальной бронзы (табл. I, ан. 5). Найдено зеркало в 1966 г. в западном пригороде в слое, датирующимся концом XI – началом XIII в. (нижняя терраса на подъеме из реки Тополевка, глубина 3–4 яруса, как подписано И.И. Копыловым на обратной стороне фото).

Аналогичные по форме круглые с петелькой зеркала, украшенные геометрически-растительным орнаментом, найдены в кимакско-кыпчакских захоронениях X–XIII веков в Восточном Казахстане [Арсланова, 1968, с. 100, рис. 135, 150, 155].

Седьмое зеркало, размерами 6×5,7 см, содержит изображение четырех антропоморфных фигур (рис. 9). Они размещены по двое композиционно в левой и правой частях орнаментального поля в сидячих позах. Одежда и головные уборы выполнены в дальневосточной традиции. В нижней части изображена коленапреклоненная маленькая фигура с воздетыми к левосторонней (величественно восседающей) фигуре руками. Человек намеренно изображен вдвое меньше фигур, размещенных в левой и правой частях. В верхней части прослеживается нечеткое изображение человека/фигуры, композиционно тяготеющего к правой фигуре и выполненного в уменьшенном масштабе – удаленно, придающего всей композиции глубину и перспективу. Прямых аналогий, по К.М. Байпакову, зеркалу не найдено [Байпаков, 2012, с. 66, 68]. Возможно (если тема религиозная), здесь изображена семейная сцена: двое взрослых и

двое детей. Детали изображений (по фото) – нечетки, несмотря на высокий рельеф. Известная полнотой охвата зеркал северной части Евразии монография Е.И. Лубо-Лесниченко «Привозные зеркала Минусинской котловины» (1975) аналогиями, близкими по стилистике и иконографии антропоморфных сюжетов, не располагает. Местонахождение зеркала в рукописи И.И. Копылова не указано и в результатах проведенных анализов не приводится.

Основываясь на материалах новой монографии по китайским зеркалам Евразии, можно уверенно говорить о том, что зеркало (диаметр 75 мм; Приморский край, РФ) относится к династии Цзинь (1115–1234 гг.). Сюжет: почитание и уважение родителей детьми. На зеркале из Приморья по бортику выбита плохо

Рис. 9. Китайское зеркало, династия Цзинь. Городище Талгар, точное место находки его И.И. Копыловым не известно. Фото из архива ГИК заповедника-музея «Иссык»

Fig. 9. The Chinese mirror, the Jin Dynasty, Talgar site, precise location of the find made by I.I. Kopylov is unknown. Archive of the State Historical Cultural Reserve-Museum of "Issyk"

различимая регистрационная надпись: «в (округе) Дань (проверено и) запротоколировано чиновником, таким-то». Округ находился на территории современной провинции Шэньси – самый центр Китая. Авторами [Оборин, Савостин, 2017, с. 196-197] было также отмечено, что прямой аналог встречен в Талгаре [Байпаков, 2012, с. 72]. В каталоге монографии приведен электронный адрес ресурса, где впервые было опубликовано изображение этого зеркала [Оборин, Савостин, 2017, с. 509]. Монография уникальна своим охватом территории степной зоны Евразии и числом описанных случайных находок – 840 зеркал и их фрагментов. По-видимому, оба зеркала подлинны. Небольшой диаметр и значительная толщина ни в коей мере не способствовали разделению его на части (как известно, значительное число зеркал находится во фрагментированном состоянии).

Следует также отметить, что в последнее время появилась целая серия публикаций, посвященных анализу зеркал, которые отличает комплексный подход [Рогожинский, Джумабекова, 2017; Тишкин, Серегин, 2011; Серегин и др., 2021; и др.].

В связи с распространением религий в Жетысу, как западных, так и восточных, связанных, в том числе, со значительным влиянием киданей и культуры государства Ляо, в предмонгольское время в Талгаре отмечено серьезное скопление сюжетов со всей Азии: Иран, Средняя Азия, Китай и Дальний Восток. Однако все зеркала были изготовлены в Талгаре из местного сырья. Отметим, что лишь последнее зеркало не было подвергнуто анализу материала и есть основания считать, что И.И. Копылов располагал данными анализа, но не представил

ни в рукописи [Копылов, 1986], ни в статье [Копылов, 1988].

О степени совершенства бронзолитейного ремесла в городе свидетельствует высокое качество бронзы и четкость отлитого декора на четырех из пяти зеркалах, лишь зеркало из «дома торевта», «не соответствует» остальным по тому параметру. Результаты анализов компонентного состава сплавов, из которых изготовлены зеркала, свидетельствуют, что отлиты они на высоком по тем временам техническом уровне развития цветной металлургии и бронзолитейного дела в особенности, отвечающим требованиям, предъявленным к отливке зеркал.

Обсуждение результатов

Зеркала древнего Тальхира изготовлены из местного сырья, на что указывает однообразие естественных примесей, характерных для одного или близко расположенных рудных источников, как об этом заключал И.И. Копылов (табл. 1). Наблюдения над компонентным составом бронз показывают, что в абсолютном большинстве подвергнутых анализам изделий из Тальхира, в том числе и в двух зеркалах, присадка свинца содержится в больших размерах, чем олова. Объясняется это, во-первых, тем, что свинец выполняет функцию отвердителя сплава столь же успешно, как и олово. И, во-вторых, и это главное, рудный источник галенита расположен поблизости от города Тальхира – в верховьях реки Талгар, а залежей касситерита здесь нет и олово нужно было где-то приобретать. Обнаруженные на городище куски медного колчедана и галенита, добываемых в верховьях реки Талгар, имеют весьма высокий процент содержания металла. Все это благоприятствовало развитию цвет-

ной металлургии в целом и бронзолитейного ремесла в частности (на местном сырье) [Копылов, 1986, с. 5; 1988, с. 71, 77]. Наиболее характерным признаком бронз Илейской долины является присутствие висмута как сопутствующего компонента в рудах меди, свинца, вольфрама (табл. 1, ан. 1–3,5), которого в бронзах Северного и Восточного Казахстана совершенно нет [Копылов, 1988, с. 77].

Поскольку эти зеркала обнаружены в верхнем горизонте культурного слоя городища, относящегося ко второму периоду жизни города (конец XI – первая половина XIII в.), когда, в частности, имела место экспансия киданей в Семиречье/Жетысу, то можно полагать, что появление в городе Талхир зеркал с аистами-журавлями, считавшимися на Дальнем Востоке символами счастья и долголетия [Лубо-Лесниченко, 1975, с. 26], связано с их военно-политическим господством в городе киданей. Данный факт подтверждается находкой в «доме торевта» аптекарского сосуда из кашина, на донце которого сделана проявляющейся тушью надпись малым киданьским письмом [Копылов, 1988, с. 77].

Описанные выше зеркала интересны не только с точки зрения техники их производства как показатель степени развития бронзолитейного ремесла, но и своим орнаментальным убранством, эпиграфикой, указывающими на существование социально-экономических и культурно-политических связей населения города Талхира на определенные направления в развитии культуры: духовной, художественной. Факты, изложенные в рукописи И.И. Копылова, значительно дополняют наши представления по (длительной) истории изучения Талхира, его ремесла.

Как известно, бронзовые зеркала широко использовались в утилитарных и в сакральных целях в древности и средневековье. Утилитарные их функции очевидны. К «выявленным» сакральным функциям относились, главным образом, хранение «супружеских уз» при вынужденном расставании как при жизни, так и при смерти одного из супругов, тогда половинка зеркала вкладывалась в могилу. В обоих случаях зеркало намеренно ломали, стараясь получить две половины [Баринава, 2012]. В случае вынужденного расставания при жизни, в случае измены, половинка зеркала «превращалась в сороку» и рассказывала второму супругу/любовнику об этом факте. В случае вложения половинки в могилу, второй супруг мог легко найти его в загробном мире, как об этом писал Б.А. Литвинский [Баринава, 2012, с. 60].

Тем самым, по-видимому, благодаря широкому распространению подобных воззрений, во всей Центральной Азии заказы на производство зеркал талгарскими и другими мастерами – ювелирами и торевтами были очень распространены. А вопросы археологов о том, почему так часто находятся «разбитые» зеркала, половинки и меньшие фрагменты – обретают ответы. Кроме того, становится ясным, почему были востребованы зеркала – многократно воспроизведенные в ремесленных мастерских, изображения на которых потеряли изначальную четкость.

Заключение

В начале–середине 1980-х гг. И.И. Копылов сделал современные (на тот момент) анализы состава металла бронзы. К слову, еще ранее и Е.И. Лубо-Лесниченко отмечал

резкую визуальную разницу между местными и привозными зеркалами (для его региона): «Привозные зеркала имеют характерный для танского времени белый металл и тщательно выполненный орнамент с проработанными деталями. Как правило, они массивны. У местных отливок орнамент обычно стёртый или размытый, часто с плохо различимыми деталями. Металл местных зеркал, в отличие от танских, жёлтый и, как правило, покрыт тёмной патиной. Это различие в составе металла подтверждается спектральным анализом, дающим точный критерий для разделения этих двух больших групп» [Лубо-Лесниченко, 1975, с. 23]. Очевидно, что И.И. Копылов пошел тем же путем и выделил местные зеркала по цвету патины и факту «размытости» рельефа. Видимо, состав металла или какие-то другие особенности значительно «роднили» Минусинский и Иле-Алатауский металл и отличали по внешнему виду предметы, из него произведённые, от производителей Китая и Ирана, имевшие значительно больший выбор для формирования состава металла для своих зеркал и делали его белым.

Тем самым помимо вопросов, связанных с этнокультурной принадлежностью орнаментации зеркал, например, к иранским, китайским, среднеазиатским образцам, ранее уже успешно решенных другими исследователями, в статье решаются вопросы, связанные с местным производством обнаруженных на городище зеркал из местного сырья. В последние десятилетия исследований городища Талгар Т.В. Савельевой [Маркова, 2013] было найдено еще несколько бронзовых зеркал, судя по цвету металла также местного производства. Очевидно,

что ремесленники Талхира производили продукцию, востребованную у средневекового потребителя на местном сырье [Рогожинский, Железняков, 2019]. Торевты и ювелиры могли быть наиболее подвижными среди всего цеха ремесленников, передавать секреты мастерства исключительно по династийной линии, судя по результатам исследований И.И. Копылова, быть наиболее приближенными к местной элите на протяжении веков. Бронзолитейное производство в Талгаре, зафиксированное И.И. Копыловым в раскопах № 7, 8 местного торефта и ювелира, развивалось параллельно с другими ремеслами, обслуживавшими значительный спрос этого участка Шелкового пути, в частности, с керамическим [Кузнецова, 2007; Мухтарова и др., 2020].

В настоящее время сотрудниками заповедника-музея «Иссык» проводится подготовка к публикации материалов из поступившего на хранение архива И.И. Копылова. Материалы по бронзовым зеркалам были им опубликованы [Копылов, 1988], но накопившиеся за время публикации материалы, по каким-то причинам, никак не учитывавшим первую публикацию материала, а также значительные детали по последнему зеркалу, сделали данную публикацию актуальной, если не несколько запоздалой. Кроме того, в статье приводится определение мест экспозиции зеркал в настоящее время. Сопоставляются данные относительно местного производства зеркал или их импорта. Тем самым данная статья учитывает все известные публикации и архивные источники по бронзовым зеркалам Талгара, известным на сегодняшний момент.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Арсланова Ф.Х.* Памятники Павлодарского Прииртышья (VII–XII вв.) // Новое в археологии Казахстана / отв. ред. М.К. Кадырбаев. Алма-Ата: Наука, 1968. С. 98-111.
2. *Байпаков К.М.* Казахстан // Художественная культура Центральной Азии и Азербайджана IX–XV вв. Т. III. Торевтика. Самарканд–Ташкент: МИЦАИ, 2012. С. 29-68.
3. *Байпаков К.М., Савельева Т.В., Чанг К.* Средневековые города и поселения Северо-Восточного Жетысу. Алматы: Credo, 2005. 188 с.
4. *Баринаева Е.Б.* Зеркала как источник по истории контактов народов Средней Азии с Китаем в древности и средневековье // Вестник РУДН. Сер. Всеобщ. ист. 2012. № 4. С. 57-92.
5. *Городецкий В.Д.* Талгарское городище // Известия Средазкомстариса. 1928. Вып. 3. С. 49-55.
6. *Камалдинов И.Р., Савельева Т.В.* Направления Великого Шелкового пути в Илийской долине (по археологическим источникам) // Электронный научный журнал «edu.e-history.kz». 2019. № 1 (17). URL: <https://edu.e-history.kz/ru/publications/view/1221> (дата обращения: 19.02.2021).
7. *Копылов И.И.* К вопросу о составе древних бронз Семиречья // Ученые записки АГПИ им. Абая. Сер. гум. наук. 1955. Т. 9. С. 38-51.
8. *Копылов И.И.* Культура древнего Талгара. Алма-Ата, 1978. 49 с. Рукопись. Личный фонд И.И. Копылова // Фонды ГИКЗМ «Есик». КП ЕҚМ ҒКҚ 220.
9. *Копылов И.И.* Зеркала древнего Талхира (Талгара). Рукопись. 1986. 10 с. Личный фонд И.И. Копылова // Фонды ГИКЗМ «Есик». КП ЕҚМ ҒКҚ 220.
10. *Копылов И.И.* Отчет об археологических раскопках на Талгарском городище в 1986 году. Казахский пединститут им. Абая. Алма-Ата, 1987 // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана. Ф. 11, оп. 2, д. 2147, 32 л. + таб.
11. *Копылов И.И.* Зеркала из Талгарского городища (к проблеме этнокультурных контактов) // Материалы по этнокультурным связям народов Дальнего Востока в средние века: сб. ст. / отв. ред. Э.В. Шавкунов. Владивосток: ДВО АН СССР, 1988. С. 70-78.
12. «Культура и религия на Великом Шелковом пути» экспозиция каталогы. Құрастырушы: Халықаралық мәдениеттерді жақындастыру орталығы. Алматы: «Жамбыл», 2020. 160 б.
13. *Күзнецова О.В.* Поливная керамика Талгара // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2007. № 1. С. 102-106.
14. *Лубо-Лесниченко Е.И.* Привозные зеркала Минусинской котловины (К вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири). М.: Наука, 1975. 165 с.
15. *Маргулан А.Х., Агеева Е.И.* Археологические работы и находки на территории Казахской ССР (с 1926 по 1946 гг.) // Известия АН КазССР. Сер. археол. 1948. Вып. 1. С. 125-135.
16. *Маркова К.Ю.* Бронзовые зеркала северо-восточного Семиречья в эпоху развития городской культуры (конец VIII – начало XIV в.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 4 (56). С. 36-40.
17. *Мухтарова Г.Р., Железняков Б.А., Тулегенов Т.* Средневековая керамика поселения Рахат (по материалам исследований 2019–2020 гг.) // Археология Казахстана. 2020. № 3 (9). С. 92-102. DOI 10.52967/akz2020.3.9.92.102
18. *Оборин Ю.В., Савосин С.Л.* Китайские бронзовые зеркала. Корпус случайных находок. Электронное издание. Красноярск–М., 2017. 527 с.
19. *Ремпель Л.И.* Искусство Среднего Востока. Избранные труды по истории и теории искусств. М.: Советский художник, 1978. 286 с.
20. *Рогожинский А.Е., Джумабекова Г.С.* Комплекс уникальных гравюр сакской эпохи из Кулжабасы (культурно-исторические связи и датировка) // Металлические котлы ранних кочевников Жетысу. Коллективная монография / отв. ред. Г.С. Джумабекова, Г.А. Базарбаева. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2017. С. 111-132.

21. Рогожинский А.Е., Железняков Б.А. Клейма и тамги на двух серебряных сосудах из долины Шу и Монголии // Отан тарихы. 2019. № 3 (87). С. 166-182.
22. Савельева Т.В. Исследования средневекового Тальхира в 2005 году (раскопы у восточного въезда) // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2006. № 1 (252). С. 171-176.
23. Савельева Т.В., Зиняков Н.М., Воякин Д.А. Кузнечное ремесло Северо-Восточного Семиречья. Алматы: Гылым, 1998. 128 с.
24. Савельева Т.В., Зиняков Н.М., Камалдинов И.Р. Кузнечное ремесло средневековых городов Илейской долины (историография и датирование чугунных изделий) // Археология Казахстана. 2020. № 3 (9). С. 70–91. DOI 10.52967/akz2020.3.9.70.91
25. Серегин Н.Н., Чистякова А.Н., Монгуш К.М. Редкое металлическое зеркало чжурчжэньского времени из Тувы // Теория и практика археологических исследований. 2021. Т. 33. № 1. С. 172-188. DOI 10.14258/tpai(2021)1(33).-11.
26. Стратанович Г.Г. Китайские бронзовые зеркала: их типы, орнаментация и использование // Восточноазиатский этнографический сборник. Вып. 2. Тр. Института этнографии АН СССР, новая серия. Т. 73. М.: Наука, 1961. С. 47-76.
27. Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Металлические зеркала как источник по древней и средневековой истории Алтая (по материалам Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета). Барнаул: «Азбука», 2011. 144 с.

REFERENCES

1. Arslanova, F. Kh. 1968. In: Kadyrbayev, M. K. (ed.). *Novoe v arheologii Kazahstana (New in archaeology of Kazakhstan)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ., 98-111 (in Russian).
2. Baipakov, K. M. 2012. In: *Hudozhestvennaya kultura Centralnoy Azii i Azerbaidzhana IX–XV vv. (Art culture of Central Asia and Azerbaijan)*. Т. III. Samarkand–Tashkent: International Institute for Central Asian studies, 29-68 (in Russian).
3. Baipakov, K. M., Savelyeva, T. V., Chang C. 2005. *Srednevekovye goroda i poseleniya Severo-Vostochnogo Zhetyisu (Medieval towns and settlements of North-East Zhetyisu)*. Almaty: "Credo" Publ. (in Russian).
4. Barinova, E. B. 2012. In: *RUDN Journal of World History*, 4, 57-92 (in Russian).
5. Gorodetskiy, V. D. 1928. In: *Izvestiya Sredazkomstarisa (News of Sredazkomstaris)*, 3, 49-55 (in Russian).
6. Kamaldinov, I. R., Savelyeva, T. V. 2019. In: *«edu.e-history.kz»*, 1 (17). URL: <https://edu.e-history.kz/ru/publications/view/1221> (in Russian).
7. Kopylov, I. I. 1955. In: *Uchenye zapiski AGPI im. Abaya. Seriya gumanitarnykh nauk. (Scientific notes of the Abay Alma-Ata State Pedagogical Institute. Ser. hum. Sciences)*, 9, 38-51 (in Russian).
8. Kopylov, I. I. 1978. In: Funds Issyk State Historical and Cultural Reserve-Museum, КП ЕҚМ FKK 220 (in Russian).
9. Kopylov, I. I. 1986. In: Funds Issyk State Historical and Cultural Reserve-Museum, КП ЕҚМ FKK 220 (in Russian).
10. Kopylov, I. I. 1987. In: A.Kh. Margulan Archeology Institute Archive. F. 11, op. 2, d. 2147 (in Russian).
11. Kopylov, I. I. 1988. In: Shavkunov, E. V. (ed.). *Materialy po etnokulturnym svyazyam narodov Dalnego Vostoka v srednie veka (Materials on ethnocultural relations of the peoples of the Far East in the Middle Ages)*. Vladivostok: Far East Branch of the USSR Academy of Sciences, 70-78 (in Russian).
12. *«Kultura i religiya na Velikom Shelkovom puti» ekspozitsiya katalogy (Culture and religion on the Great Silk Road)*. 2020. Almaty: "Gylym" (in Russian).
13. Kuznetsova, O. V. 2007. In: *Izvestiya NAN RK. Ser. obshchestv. Nauk (News of the NAS RK. Ser. societies. sciences)*, 1, 102-106 (in Russian).
14. Lubo-Lesnichenko, E. I. 1975. *Privoznye zerkala Minusinskoj kotloviny (K voprosu o vneshnih svyazyah drevnego naseleniya Yuzhnoj Sibiri) (Imported mirrors of Minusa)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

15. Margulan, A. Kh., Ageeva, E. I. 1948. In: *Izvestiya AN Kaz.SSR. Ser. arheol. (News of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. Ser. archeol.)*, 1, 125-135 (in Russian).
16. Markova, K. Yu. 2013. In: *Vestnik Kemerovskogo GU (Bulletin of Kemerovo State University)*, 4 (56), 36-40 (in Russian).
17. Mukhtarova, G. R., Zheleznyakov, B. A., Tulegenov, T. 2020. In: *Kazakhstan Archeology*, 3 (9), 82-92 (in Russian).
18. Oborin, Yu. V., Savosin, S. L. 2017. *Kitayskie bronzovye zerkala. Korpus sluchaynyh nahodok (Chinese bronze mirrors. Corpse of occasion finds)*. Krasnoyarsk–Moscow (in Russian).
19. Rempel, L. I. 1978. *Iskusstvo Srednego Vostoka. Izbrannye trudy po istorii i teorii iskusstv (Art of Middle East. Selected contributions)*. Moscow: “Sovetskiy khudozhnik” Publ. (in Russian).
20. Rogozhinskiy, A. E., Jumabekova, G. S. 2017. In: Jumabekova, G. S., Bazarbayeva, G. A. (eds.). *Metallicheskie kotly rannih kochevnikov Zhetysu (Metal cauldrons of the early nomads of Jetyssu)*. Almaty: A.Kh. Margulan Archeology Institute (in Russian).
21. Rogozhinskiy, A. E., Zheleznyakov, B. A. 2019. In: *Otan tarihy (The homeland history)*, 3 (87), 166-182 (in Russian).
22. Savelyeva, T. V. 2006. In: *Izvestiya NAN RK. Ser. obshchestv. nauk (News of the NAS RK. Ser. societies. sciences)*, 1 (252), 171-176 (in Russian).
23. Savelyeva, T. V., Zinyakov, N. M., Voyakin, D. A. 1998. *Kuznechnoe remeslo Severo-Vostochnogo Semirechiya (The smithcraft of North-East Semirechie)*. Almaty: “Gylym” Publ. (in Russian).
24. Savelyeva, T. V., Zinyakov, N. M., Kamaldinov, I. R. 2020. In: *Kazakhstan Archeology*, 3 (9), 70–91. DOI: 10.52967/akz2020.3.9.70.91 (in Russian).
25. Seregin, N. N., Chistyakova, A. N., Mongush, K. M. 2021. In: *Theory and practice of archaeological research*, vol. 33, № 1, 172-188. DOI 10.14258/tpai(2021)1(33).-11 (in Russian).
26. Stratanovich, G. G. 1961. In: *Vostochnoaziatskiy etnograficheskiy sbornik (East Asian Ethnographic Collection)*, 2, 47-76 (in Russian).
27. Tishkin, A. A., Seregin, N. N. 2011. *Metallicheskie zerkala kak istochnik po drevney i srednevekovoy istorii Altaya (po materialam Muzeya arheologii i etnografii Altaya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta) (Metal Mirror as a Source on the Ancient and Medieval History of Altai (Based on Materials from the Museum of Archaeology and Ethnography of Altai, Altai State University))*. Barnaul: “Azbuka” Publ. (in Russian).

Мүдделер қактығысы туралы ақпаратты ашу. Авторлар мүдделер қактығысының жоқтығын мәлімдейді.
 / Раскрытие информации о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
 / Disclosure of conflict of interest information. The authors claims no conflict of interest.
 Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
 Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 05.04.2021.
 Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 25.05.2021.
 Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 28.05.2021.

КАРГАЛИНСКАЯ ДИАДЕМА ПОД ФЛЕРОМ ЮРИЯ ДОМБРОВСКОГО

© 2021 г. Сараев Владимир Васильевич¹

¹специалист естественных наук, Институт археологии им. А.Х. Марғулана, г. Алматы, Казахстан. E-mail: saraev.53@mail.ru

Аннотация. В статье представлены результаты проведенных исследований, раскрывающих историю обнаружения погребения, известного в литературе как «Шаманское погребение на реке Каргалинке». На основе архивных данных, опроса местных жителей-старожилов автору удалось воссоздать историю обнаружения памятника и его дальнейшую судьбу. Раскрыта роль участников события и дальнейшая судьба как людей, так и предметов погребения. Особое значение имеет обнаружение точного места захоронения, сопровождаемого комплексом золотых предметов. Этот факт имеет большое значение для истории науки, а также для культурно-исторической атрибуции памятника, с учетом памятников археологии, выявленных в районе места Каргалинского захоронения. Представленная статья отличается легкостью изложения, обилием интересных фактов, представляет собой пример настойчивости и системности в изложении вопроса истории науки (данное издание является своеобразным Предисловием к материалам, публикуемых в этом номере, подготовленных под руководством А.А. Горячева об итогах изучения археологического комплекса Каргалинского историко-географического микрорайона в полевом сезоне 2020 г. – прим. ред.).

Ключевые слова: археология, Каргалы, усунь, погребение, клад, история науки

ЮРИЙ ДОМБРОВСКИЙДІҢ ФЛЕР АСТЫНДАҒЫ ҚАРҒАЛЫ ДИАДЕМАСЫ

Сараев Владимир Васильевич¹

¹жаратылыстану ғылымдарының маманы, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы қ., Қазақстан. E-mail: saraev.53@mail.ru

Аннотация. Мақалада әдебиетте «Қарғалы өзеніндегі бақсылық жерлеу» деген атпен танымал жерлеуді анықтау тарихын ашуға жүргізілген зерттеулердің нәтижелері келтірілген. Архив деректері, жергілікті байырғы тұрғындар арасындағы жүргізілген сауалнамалар негізінде автор ескерткіштің табылу тарихын және оның болашақ тағдырын қалпына келтіре алды. Оқиғаға қатысушылардың рөлі және адамдардың да, жерлеу заттарының да тағдыры ашылды. Алтын заттар кешенімен бірге нақты жерлеу орнын табу ерекше маңызды. Бұл факт ғылым тарихы үшін, сондай-ақ Қарғалы жерлеу орны ауданында анықталған археология ескерткіштерін ескере отырып, ескерткіштің мәдени-тарихи атрибуциясы үшін де үлкен маңызға ие. Ұсынылған мақала жеңіл баяндалуымен, қызықты фактілердің көптігімен ерекшеленеді, ғылым тарихы мәселесін ұсынуда табандылық пен жүйеліліктің мысалы болып табылады (Бұл басылым А.А. Горячевтің жетекшілігімен 2020 ж. далалық маусымда Қарғалы тарихи-

географиялық шағын ауданының археологиялық кешенін зерделеу қорытындысы туралы дайындалған осы нөмірде жарияланған материалдарға өзіндік алғы сөз болып табылады – ред.).

Түйін сөздер: археология, Қарғалы, үйсін, жерлеу, көмбе, ғылым тарихы

KARGALY DIADEMA ON A NOTE OF YURI DOMBROVSKIY

Saraev Vladimir¹

¹Specialist in Natural Sciences, A.Kh. Margulan Archeology Institute, Almaty, Kazakhstan. E-mail: saraev.53@mail.ru

Abstract. The article presents the results of studies that reveal the history of the discovery of the burial, known in the literature as “Shaman burial on the Kargalinka River”. Based on archival data, a survey of local long-term residents, the author managed to recreate the history of the discovery of the monument and its future fate. The role of the participants in the event and the further fate of both people and objects of burial was revealed. Of particular importance is the discovery of the exact place of burial, accompanied by a complex of gold objects. This fact is of great importance for the history of science, as well as for the cultural and historical attribution of the monument, taking into account the archaeological monuments identified in the area of the place of the Kargaly burial. The presented article is distinguished by its simplicity of presentation, an abundance of interesting facts, and is an example of perseverance and consistency in the presentation of the question of the history of science (This publication is a kind of preface to the materials published in this issue, prepared under the guidance of A.A. Goryachev on the results of studying the archaeological complex of the Kargaly historical and geographical microdistrict in the 2020 field season – eds.).

Keywords: archaeology, Kargaly, Wusun, burial, treasure, history of science

Вступительное слово

Сегодня, 23 августа 2020 г., я могу взять в руки и внимательно рассмотреть круглые выпуклые золотые бляшки различного диаметра с маленькими отверстиями у края. Это вещи, которые еще не попали в музей, но они – составная часть известного «Каргалинского клада». Они появились в результате работы небольшого археологического отряда под руководством А.А. Горячева (см.: [Горячев и др., 2021] – прим. ред.).

Предваряя рассказ об изысканиях на тему Каргалинской находки, приведших к успешному финалу, хочется высказать благодарность всем людям, причастным к сбору сведений для явления события сегодняшнего дня. Любопытно, но, рассматривая

вещи, найденные археологами, появилась мысль о том, что если бы мне довелось какую-то из этих бляшек увидеть брошенной на дороге, то я не дал бы себе труда нагнуться за ней. Но на то чтобы сегодня подержать в руках эти круглые бляшки у меня ушло 42 года жизни! Это не просто мятые золотые кругляшки. Это составная часть известного «Каргалинского клада». И, вероятно, оно стоило того.

Обращаясь в памяти к прошедшим годам розыска и людям, причастным к поиску места находки клада, понимаю, что ни один человек, так или иначе причастный к сбору фактов и разведке места находки этого клада, не смог бы, каждый в отдельности, найти это место. Парадоксально, но

все решил «Господин Случай». Однако, как много сведений необходимо было собрать в единый эмоциональный клубок, чтобы сработала случайность. Объективно, сегодня никто из людей, причастных к этим поискам, не может сказать, что это место нашел именно он. У меня есть чувство гордости за мой вклад в поиск места уникальной Каргалинской находки.

Зерна от плевел

Недавно, в частной переписке, один из археологов, работающих в настоящее время, сказал, что, по его мнению, никому не нужна никакая статья про Каргалинскую диадему, поскольку под флером Юрия Домбровского «Факультета ненужных вещей» и так все ясно, и не писал на эту тему только ленивый (см. о Ю. Домбровском: [Бейсенов и др., 2017, с. 15–16]). Действительно, на тему Каргалинского клада или Каргалинской диадемы написано много. Даже фильмы есть. Однако многое из написанного на эту тему изобилует домыслами и фантазиями «на тему о...». И чаще всего эти повествования больше напоминают лоскутное одеяло, чем источник достоверной информации. Понятно, что авторы различных произведений имеют право на «авторское видение» и «литературные приемы», но каждое последующее произведение множит несуряцицу сведений о Каргалинской находке. Достаточно часто эти догадки, порой довольно нелепые, касаются обстоятельств, о которых известны факты. Также обыгрываются ситуации и в фильмах о Каргалинской диадеме. Авторы, стараясь быть максимально близко к источнику наиболее достоверной информации, исключая посредников, обращаются к произведениям Юрия Домбровского как

к первоисточнику. При этом они не берут во внимание то, что Домбровский в своих работах, возможно зная истинное положение вещей, искажал известные ему достоверные факты находки предметов Каргалинского клада. На то у него были свои причины. Ю.О. Домбровский, прежде всего, был литератором. Поэтому в его произведениях, таких как «Факультет ненужных вещей», либо в фильме «Шествие золотых зверей» (1978), основной конструкции является творческая фантазия автора.

Порой обстоятельства, связанные с этой находкой, доводятся до абсурда. Однажды в Центральном музее РК экскурсовод, показывая на Каргалинскую диадему, несколько раз назвала ее Карагандинской диадемой. Улучив момент, пришлось сказать женщине, что диадему нашли в Каргалинском ущелье, а не в Караганде. На что она ответила, что Караганду знают все, а кто знает ваши Каргалы? Перебор, конечно, налицо, но существующие официальные источники не дают неоспоримой однозначной информации, связанной с находкой этого исторического материала. Каргалинский комплекс называют то захоронением, то кладом. Тогда как смысл, заложенный в понятиях «клад» и «захоронение», либо «погребение», существенно отличается. Одно дело, когда в земле для сохранения укромно зарыто ранее собранное богатство и иное, когда речь идет о могиле человека в богато украшенной одежде.

В известной работе А.Н. Бернштама, изданной в 1940 г., уже в самом названии статьи «Золотая диадема из шаманского погребения на р. Карагалинке» сказано, что речь идет о захоронении [Бернштам, 1940, с. 23]. На сайте Центрального государственного

музея Республики Казахстан (ЦГМК) сообщается, что обнаруженное погребение жрицы получило название «Каргалинский клад».

В различных источниках по-разному сообщается и об обстоятельствах нахождения этих вещей. Чехарда сведений варьируется от случайных обстоятельств нахождения вещей охотниками до их обнаружения в результате проведения земляных работ либо археологических раскопок. В настоящее время в СМИ встречаются авторы, которые называют людей, нашедших Каргалинский клад, «дружной командой охотников–грабителей». Рассуждая в таком ключе, легко дойти до вывода, что государство поощряло грабителей, поскольку достоверно известно, что люди, нашедшие золото и сдавшие его государству, получили денежное вознаграждение.

Любопытно было бы знать, а как поступил бы автор этого заявления на месте охотников? Как на их месте поступил бы любой человек, много времени походивший по горам и за десяток километров от ближайшего жилья нашедший брошенные кем-то изделия, возможно, из золота? Находки надо было оставить на месте?

Задача историков и археологов сделать возможным необходимое – донести факты. Правда одна. Она не имеет вариантов. Убеждение в том, что тот, кто занимается вопросами истории и археологии, обязан интерпретировать и комментировать сугубо объективный фактический материал и побудили написать все, что известно мне об этой непростой истории находки Каргалинского клада.

Свидетели и документы

Увидеть некоторые моменты под флером (легкая вуалевая накид-

ка), в смысле, познакомиться с фактами событий, связанными с находкой Каргалинского клада, довелось в силу ряда сложившихся обстоятельств. Главным из которых было то, что большую часть своей жизни я прожил в поселке Фабричный (Жамбылский район Алматинской обл.), в котором и происходили события, связанные с этой находкой, и мне довелось жить среди людей, причастных к этим делам.

Впервые сознательно соприкоснуться с вопросом Каргалинской находки случилось в 1978 г. Ко мне, учителю физики Каргалинской СШ № 1, обратилась учитель русского языка и литературы Полина Андреевна Яковенко (рис. 1) и спросила – нет ли у меня каких-либо фотографий пещер наших гор. Помимо работы преподавателя по физике, в этой школе я был руководителем кружка фотолюбителей, школьной киностудии и увлекался туризмом. Таких фотографий у меня не оказалось. Только позже стало понятно, зачем они были ей нужны. Во второй половине лета этого же года Полина Андреевна попросила меня посодействовать ей в записи на магнитофон рассказа одного из старых жителей нашего поселка о том, как они с друзьями на охоте нашел клад золота. Так я оказался в доме Николая Сергеевича Есипова. Запись рассказа Николая Сергеевича проводилась долго, часа 2–3. Его воспоминания событий 1939 г. часто прерывались сильнейшим надрывным кашлем, после которого он просил возможности немного отдохнуть. С Первой мировой войны он носил в легких немецкую пулю. За время его рассказа и ответов на вопросы я понял, что Полина Андреевна по всему поселку у местных охотников и туристов собирала фотографии видов

различных пещер гор у поселка. Она показывала их Николаю Сергеевичу, чтобы он смог показать в какой из них охотники нашли клад. Н.С. Есипов среди показанных ему фотографий не указал ни на одну. Стало ясно, что фотографии пещеры, в которой были найдены золотые вещи, нет. Понять из объяснений Н.С. Есипова, в каком месте находится эта пещера, было крайне трудно. Рассказ Николая Сергеевича, записанный на магнитофон, отредактированный Полиной Андреевной и переложенный на бумагу, выглядит так: «Рассказывает Есипов Николай Сергеевич. 1939 год, конец лета. Каргалинская суконная фабрика. Четверо рабочих фабрики: Есипов Николай Сергеевич – прораб, Назаренко Аркадий Васильевич – токарь, Семин – шеф-монтер из Москвы, а четвертого не помню, в субботний вечер пошли в горы на охоту. В 30 км от поселка прямо по ущелью остановились на ночлег под большим нависающим камнем. Накрапывал дождь. Развели костер, готовили походный ужин. Аркадий Назаренко от нечего делать палочкой ковырял камешки. Выскочила поясная бляха, такие носили казахи, ее кто-то выбросил к речке. Что-то сказали Аркадию, он не унимался и продолжил ковырять. Обнаружились еще предметы: колечко, браслет. Посмотрели – похоже на золото. Чуть рассвело – стали копать, нашли еще несколько пластинок и колец. Утратив интерес к охоте, пошли домой. Показали найденные вещи химику отделочного цеха товарищу Ахметову, тот проверил и оказалось, что золото. Тогда мы опять отправились к заветному камню. Накопали около 2,5 кг украшений женских: диадема с изображением мифического сюжета, пластинки с архарами, орнаментом,

Рис. 1. Яковенко Полина Андреевна, учитель русского языка и литературы Каргалинской СШ № 1. Фото из архива Каргалинской СШ № 1

Fig. 1. Yakovenko Polina, teacher of the Russian language and literature of the Kargaly secondary school no. 1. Photo from the archive of the Kargaly School no. 1

около 300 пуговиц мелких и покрупнее, ими, вероятно, обшито платье, кое-где была видна сетка ткани. Все через Семина сдали в центральный краеведческий музей г. Алма-Ата (ныне Алматы – прим. авт.). Через некоторое время к нам приехал из Ленинграда археолог, фамилию его я не знаю, помню, что это был человек лет под 50, прихрамывал. Я сопровождал его к месту находки.

Ехать на лошади он отказался и просил не показывать места находки. Пошли пешком, во время пути он все присматривался к камням и вдруг закричал: “Нашел!”. А нашел он камень с очень тусклым изображением зверя с рогами и крыльями, бегущего в

горы. Таких камней на своем пути мы встретили несколько, а когда нашли камень с изображением какого-то зверя, бегущего с гор, археолог остановился и сказал: “Где-то здесь, теперь показывайте”. Да, захоронение было здесь. Археолог высказал предположение, что через наше ущелье проходил караванный путь из Китая. Изображение свиньи на камне тоже связано с Китаем. В Китае свинья - священное животное. На другой день я сопровождал его в поездке по окрестностям поселка. Комбинат (Каргалинский суконный комбинат - прим. авт.) выделил ему машину на два дня, двоих рабочих. С левой стороны дороги, ведущей в Узун-Агач (ныне Узун-агаш – прим. авт.), где раньше была карагачевая роща, а позже рабочие комбината посадили огороды, он обратил внимание на камни, лежавшие кольцом, их было семь, с внутренней стороны закопченные, а в середине – большой слой золы. Рабочие раскопали этот жертвенник. Предположение о караванном пути подтверждается этой находкой. После перехода через горы, здесь, на равнине, близко от воды располагался караван на отдых, приносили жертвы, стекались местные кочевники, устраивали большой той.

Рассказал Есипов, записала Яковенко Полина Андреевна. 18.08.78 года».

В данном изложении рассказа Н.С. Есипова говорится, что на охоту они пошли вчетвером. Однако, как я помню и по различным сведениям, собранным за много лет, получается,

что на охоту они ходили втроем. Когда вели запись рассказа Есипова на магнитофон, то произошел спор Николая Сергеевича с супругой по вопросу, сколько человек их было на охоте. Сошлись на том, что их было трое. Во всяком случае, перечислить по фамилиям получалось только так. Невозможность однозначно назвать количество охотников, бывших на охоте, произошла потому, что не все те, кто собирался на охоту, пошли в тот день.

После записи рассказа Н.С. Есипова Полина Андреевна поделилась своими планами на будущее. Как оказалось, она готовилась к уходу из школы на пенсию и собирала материалы для создания музея Каргалинского суконного комбината. Попросила помощи в сборе фактического материала (рис. 2, 3)* Ее усилиями был создан замечательный музей комбината, который в настоящее время не существует.

В последующее время работы по сбору фактов находки Каргалинского клада выяснилось, что Н.С. Есипов в своем рассказе, в силу преклонного возраста и плохого физического самочувствия, некоторые моменты путал, забывал, а местами в чем-то и искренне заблуждался. Например, он сказал, что жертвенник из камней, уложенных кругом, расположен на берегу реки Узун Каргалы в 250 м от русла. На самом деле его удалось найти в указанном направлении на расстоянии более 2 км. В своем рассказе Николай Сергеевич говорит, что в месте, найденном ими, собрали около 2,5 кг

*Небольшое пояснение к рис. 2 и 3 о личности К.П. Бирюкова: Бирюков Кузьма Павлович, в военные годы, рискуя жизнью, сумел подать воду на Комбинат. На суконном комбинате остановилась гидроэлектростанция и все производство, поскольку вся вода на комбинат, идущая по трубам перемерзла. Бирюков К.П. залез внутрь трубы и более 500 метров от выхода нашел ледяную пробку и ломом, прорубил ее. Производство было запущено. (Прим. авт.).

Рис. 2. Полина Андреевна с рабочей группой во дворе старожилы Бирюкова Кузьмы Павловича. Фото из архива Каргалинской СШ № 2

Fig. 2. Yakovenko Polina with a working group in the courtyard of the long-term resident Biryukov Kuzma. Photo from the archive of the Kargaly School no. 2

золотых изделий. В настоящее время такая же информация встречается в некоторых печатных изданиях и Интернете со ссылкой на Н.С. Есипова.

Вместе с тем существует официальный документ, дающий описание вещей Каргалинской находки: «В Центральный государственный музей Казахской ССР за последние годы поступил целый ряд интересных археологических находок. В 1939 г. в правом ответвлении Каргалинского ущелья Алма-Атинской области близ урочища Мынг-Ошакты на высоте 2300 м над уровнем моря случайно были найдены кости человека с набором золотых предметов в количестве около 300 штук. Скелет был найден в расщелине скалы. По определению доктора исторических наук А.Н. Бернштама, вещи принадлежат захоронению шамана и датируются I в. до н.э. – II в. н.э.

Ниже дается общее количественное описание всех предметов коллекции:

1. Два фрагмента золотой диадемы, общим весом 89,59 г;
2. 53 круглые выпуклые золотые пластинки, диаметром 1,5 см, (средний вес одной пластинки – 0,462 г);
3. 85 круглых выпуклых золотых пластинок, полых внутри, из них – 67 диаметром 0,7 см, 16 пластинок, орнаментированных семью выпуклыми точками, диаметром 0,9 см и две неполные пластинки (средний вес одной пластинки 0,131 г);
4. 63 круглых пластинки полых внутри, диаметром 11 см (средний вес отдельной пластинки 0,25 г);
5. Пять листовидных пластинок больших размеров, длиной 2,5 см, шириной 1,8 см (вес отдельной пластинки 1,091 г);

*Рис. 3. Запись рассказа К.П. Бирюкова о прошлом пос. Фабричный.
Фото из архива Каргалинской СШ № 2*

*Fig. 3. Record of the story of K. Biryukov about the village Fabrichny past.
Photo from the archive of the Kargaly School no. 2*

6. 28 листовых пластинок меньших размеров, длиной 2 см, шириной 1,3 см (средний вес отдельной пластинки 0,458 г);

7. 10 рельефных золотых украшений, изображающих тау-теке, шириной 2 см, длиной 2,4 см (вес отдельного украшения от 1,07 до 1,45 г);

8. Два золотых украшения сердцевидной формы, орнаментированных рельефно, одно с поломанным концом. Длина 4 см, ширина 2,8 см (вес отдельного украшения 2,175 г);

9. Пластинка золотая, рельефная, выпуклая, украшенная бирюзой. Длина 2,8 см, ширина 2,8 см (вес 5,35 г);

10. Две золотых выпуклых крестообразных пластинки с пятью би-

рюзовыми камнями каждая, в одной пластинке нет двух камней. Ширина 0,5 см, длина 1,8 см, общий вес 2,65 ;

11. Две плоские и лентообразные золотые пластинки, длиной 7 и 5,8 см, шириной 1 и 1,4 см, общий вес 7,79 г;

12. Два золотых перстня с изображением двугорбых верблюдов, украшенных бирюзой, диаметром 1,5–2,3 см вес 12 г. Высота верблюда 1,4–1,5 см, длина 2–2,5 см;

13. Серьга в виде мыши, поедающей человека (вес 7,25 г), украшенная бирюзовыми камнями в гнездовой конструкции;

14. Четырех- и треугольные золотые рельефные пластинки (средний вес одной пластинки 0,105 г);

15. 11 сердцевидных рельефных золотых пластинок, длина – 1,5 см, ширина – 0,9 см. Одна круглая с крестообразным рельефным украшением, средний ее вес 0,277 г;

16. 23 кусочка тонких золотых пластинок разных видов (общий вес 2,53 г)» [цит. по: Нифонтова, 1948, с. 116-117].

Соответственно этому списку предметов – 292, общим весом 217,417 г. Даже если принять во внимание путаницу, которую вносят пункты 7 и 14 (согласно манере описания), то 2,5 кг совершенно преувеличенное более чем в 10 раз значение веса найденных предметов. Общее количество предметов 292 действительно приближается к 300, а их общий вес – к 250 г, что, вероятно, и послужило ошибкой в воспоминаниях Н.С. Есипова, когда цифра 250 была озвучена как 2,5. А реально большое количество предметов не соответствовало представлению о граммах. В процессе беседы Николай Сергеевич посетовал, что в телевизионной передаче, которую он смотрел год или два назад (1978) сказали, что за сданные вещи охотники получили денежное вознаграждение. Но на самом деле никаких денег он не получал. Действительно, в 1975–1977 гг. по каналу Алма-Атинского телевидения была передача по теме Каргалинского клада. Помню, в студии за столом сидело 4–6 человек, обсуждали какие-то вопросы, связанные с Каргалинским ущельем. У меня интереса эта телепередача не вызвала (о чем сожалею в настоящее время), запомнил только, что кто-то из участников беседы говорил, что людям, сдавшим вещи клада, была выплачена денежная премия. Эту же телепередачу смотрел и Есипов. Он был обижен и возмущен тем, что на самом деле никакой премии

охотникам не выплачивали. Обсуждая с Николаем Сергеевичем вопрос о выплате вознаграждения, пришлось ему напомнить, что он ведь сам сказал, что «все через Семину сдали в центральный краеведческий музей города Алматы», так, возможно, Семин и получил вознаграждение? Есипов согласился с таким предположением и добавил, что Семин буквально через день–два уехал домой в Москву.

Семин (его имя и отчество выяснить не удалось) был прикомандирован на комбинат как специалист по монтажу и наладке оборудования гидроэлектростанции, которая сооружалась в то время на территории комбината. Ко времени похода на охоту он окончил свою работу. Ему (со слов Н.С. Есипова) как москвичу и человеку, не занятому на производстве, и поручили отвезти найденное золото в Алма-Ату. Любопытно, что клад нашел Назаренко, в существующих официальных документах фигурирует фамилия Назаренко как находчика и сдатчика вещей в музей. Однако Николай Сергеевич сказал, что золото сдавать поехал Семин. Более того Николай Сергеевич говорил, что спрашивал Семину, вернувшегося из Алматы, что сказали в музее? Семин ответил, что поблагодарили – сказали «спасибо».

Через 40 лет вдруг обнаружилось несоответствие сведений официальных документов и человека, причастного к этому вопросу. Семин явно солгал Есипову.

Этот факт, воспринятый в 1978 г. эмоционально и Есиповым и мной, сегодня нуждается в более внимательном и детальном рассмотрении. Поскольку сведения, обретенные за прошедшее время, с позиции сегодняшнего дня уже не смотрятся как простое проявление жадности людей.

Таким образом, комплекс золотых вещей, названный «Каргалинским кладом» был случайно найден в горах, далеко от населенных пунктов. Вещи нашли работники Каргалинского суконного комбината, которые пошли в горы на охоту. Это были: Аркадий Васильевич Назаренко – токарь Каргалинского суконного комбината, житель поселка Фабричный; Николай Сергеевич Есипов – сотрудник суконного комбината, занимавший должность прораба по строительству, житель поселка Фабричный; Семин (имя и отчество не установлено) – специалист по электротехнике гидроэлектростанций. Семин на то время был прикомандированным на комбинат для установки и пуска генераторов ГЭС, строящейся на комбинате. Со слов Н.С. Есипова, Семин - житель г. Москва.

Почему в литературном переложении рассказа Н.С. Есипова для музея П.А. Яковенко написала, что их было четверо - непонятно. Во всяком случае, в памяти сестер Назаренко сохранилось, что их было трое: «Вместе с братом был еще Есипов, а другого фамилию я не помню» (из воспоминаний сестер Назаренко – прим. авт.). Сестры не могли вспомнить фамилию Семина, поскольку он не был местным жителем, и они с ним не общались.

Рабочие комбината отправились на охоту осенью 1939 г. Надо полагать, что выход на охоту был 7–8 числа октября месяца. Эти числа наиболее вероятны, поскольку рабочие производства в те годы не могли себе позволить без уважительных причин не появиться на работе. Серьезные последствия рабочих ожидали даже за опоздание на работу. В таких условиях чтобы сходить в горы поохотиться люди «подгадывали» выход в горы

таким образом, чтобы иметь возможность дойти до наиболее отдаленных мест и при необходимости заночевать. В рассматриваемом случае видно, что люди позволили себе остаться ночевать. В 1939 г. 7 и 8 числа октября были субботой и воскресеньем. Возможны и другие варианты. Но в любом другом случае необходимо учитывать, что первый документ по осмотру места находки официальными лицами был подписан 16 октября 1939 г.

Николай Сергеевич Есипов о том дне охоты рассказал, что ухудшение погоды и начинающийся дождь поставили их перед необходимостью вернуться домой. Дорога была дальней, не меньше 20 км. К вечеру они были сильно уставшими и промокшими, до дома оставалось еще более 10 км, под камнем они увидели щель, в которую можно было залезть. Заглянули туда, оказалось сухо. Здесь и решили отдохнуть и переночевать.

«...Аркадий залез подальше внутрь, а мы ближе к входу. Промокли, холодно, решили развести костер. Веточки, палочки и сухую траву нашли тут же. Под камнем было сухо. Но разводить костер было неудобно. Под камнем было очень тесно, сесть невозможно - голова упирается в камень, и дым от костерка сильно щипал глаза. Дырка, через которую мы залезли, была ниже свода, вот дым и собирался над головой. Так, полулежа, стали готовить чем перекусить. Назаренко лежал ногами к нам и ковырялся палочкой в земле. Через некоторое время говорит: “Смотрите, что я нашел”. И показал какую-то бляху от ремня. Мы посмотрели ее и решили, что это потерял какой-то чабан. Выкинули ее к речке. Аркадию сказали, чтобы он прекратил ковыряться, а занялся приготовлением еды. Надо было открыть

консервы, у нас и бутылочка была с собой. Аркадий не унимался и продолжал ковырять. Нашел еще какие-то вещи. Там были истлевшие куски какой-то тряпочки, кости. Утром порылись основательно и нашли много всяких вещей. По дороге домой говорили, кто и что будет делать с этими вещами, если они вдруг окажутся золотыми. Кто-то высказал мысль, что даже если это золото, то, что от этого проку? Отдать их в церковь – пусть там украшаются...».

События этого дня в воспоминаниях сестер Аркадия Назаренко (рис. 4) рассказаны так: «...Каргалинский клад нашел наш брат Аркадий 1913 г.р. (рис. 5). Он работал на Каргалинской суконной фабрике токарем. В довоенное время помогал в установке ГЭС на р. Каргалинка. В 1939 г. он вместе со своими товарищами охотниками пошли в горы на охоту. Вместе с братом был еще Есипов, а другого фамилию я не помню. К вечеру в горах пошел сильный дождь, они стали искать укрытие и заметили небольшую расщелину, которую сверху укрывал большой камень, они спрятались здесь. Это было небольшой пещерой, где они решили отсидеться и развести костер. В пещере сделали ямку и развели огонь. Аркадий увидел - что-то блестит, он разрыл в этом месте и нашел какие-то предметы. Это были небольшие пуговицы, правда, я не знаю, как их можно было пришивать, т. к. в них не было отверстия. Там они также нашли и кости...».

Дополняет и несколько уточняет ситуацию событий этого дня охоты рассказ жены Назаренко Аркадия, пересказанный ее подругой Д.М. Ананьевой. Однажды Мария (жена Аркадия) рассказала ей историю, произошедшую с ее мужем: «...Осенью

*Рис. 4. Сестры А.В. Назаренко:
Надя, Юлия, Тамара.
Фото из архива семьи Назаренко*

*Fig. 4. Sisters of A. Nazarenko:
Nadia, Yulia, Tamara. Photo from
the archive of the Nazarenko family*

1939 г. муж с друзьями-охотниками ушли в горы, очень далеко. Подстрелив большого козла, они повернули домой. По дороге домой их застал дождь и чтобы сократить дорогу, они изменили маршрут. Дождь не переставал. Они сильно промокли, как вдруг увидели отверстие в скале. Заглянув в него, решили, что в этой пещере можно отдохнуть. Разместившись в пещере, стали разводить костер, а Аркадий взяв палочку, стал ковырять в углу и вдруг что-то выкопал. Он решил, что это золото. Стали копать дальше и нашли много золотых вещей. Вернувшись домой, они узнали, что это, действительно, золото и сдали его государству...».

Рис. 5. Аркадий Васильевич Назаренко. Фото из архива семьи Назаренко

Fig. 5. Arkady Nazarenko. Photo from the archive of the Nazarenko family

Рассмотренные свидетельства из трех различных источников дают понимание ряда деталей. Понятно, почему охотники направились домой, имея большой запас времени на возвращение. Охота была удачной – застрелили козла. Стало понятно, почему устали, не доходя до поселка более 10 км. Несли тяжелый груз, да еще и под дождем. Большая усталость, дождь и наличие запаса времени на возвращение побудили потребность присматривать место для отдыха. Так, в силу сложившихся обстоятельств, охотники оказались в месте, где был найден клад.

Еще один момент. Н.С. Есипов упомянул, что по дороге домой обсуждали вопрос о том, что можно сделать, если находки окажутся золотыми. Это

замечание Николая Сергеевича позволяет уверенно полагать, что найденные вещи поделили здесь же в горах. Как и застреленного козла. Разумеется, все делили «на глаз».

Однако ко времени записи рассказа Есипова у меня уже был какой-то опыт горных походов и ночевок. Мне было непонятно, каким образом в горах, где минимум полдня шел дождь, можно было под каким-то камнем найти топливо для костра. Сухое топливо! Осенью в такой ситуации под камнем можно найти несколько пучков сухой травы, если повезет. Это сгодится для розжига. Но для костра нужны дрова. Без палок костра не получится. Под камнем, под который не попадает дождь, ничего расти не будет. Если все-таки в нише будут сухие дрова, то это значит, что их туда кто-то принес. Но коль скоро их туда принесли, то почему не использовали? Я переспросил Николая Сергеевича – где же они брали топливо для костра? Он ответил, что все было тут же под камнем. Для меня этот момент так и остался непонятым.

Вернувшись домой, Н.С. Есипов показал найденные вещи жене. Рассмотрели, подивились. Потом, как сказал Николай Сергеевич, он отнес находки на работу и разложил вещи на столе в кабинете. Показывал их всем интересующимся. Для определения металла, из которого были изготовлены вещи, Есипов обратился к химику отделочного цеха Ахметову. Через некоторое время Ахметов пришел и с удивлением на лице сказал, что это «настоящее червонное золото». Сдать найденные вещи государству Николаю Сергеевичу посоветовал кто-то из администрации комбината. Кто конкретно, Есипов ответить затруднился. Сказал, что уже не помнит. Среди

вещей, доставшихся ему, фрагмента диадемы не было.

Ко времени похода в горы на охоту Аркадий Васильевич Назаренко, со слов старшей сестры Аркадия, З.В. Ключниковой (1906 г.р.), жил с ней. «Аркадий первое время после свадьбы вместе с женой Марией жили у меня по улице Фабричной». Она, Зоя Васильевна, и рассказала, что один раз с охоты брат принес много золотых вещей. Она положила руки на стол и сказала, что вот этими руками она и отмывала их в чистой арычной воде. Почему-то ей особенно запомнилась какая-то квадратная бляха. Что это была за вещь, так и не удалось выяснить. Зоя Васильевна пальцами показала размер приблизительно 5×5 см. Наводящие вопросы не прояснили, о чем она говорила. Об этом предмете она эмоционально говорила как о вещи, понятной всем. Сложилось представление, что речь шла о ременной бляхе. Возможно, той, которая была первой находкой Аркадия и которую выбросили к реке. На время нашего разговора с Ключниковой, Зое Васильевне было около 100 лет, но она все хорошо помнила и вела себя очень активно.

Младшие сестры Аркадия, Юля и Надя, жили с родителями. Они рассказали, что «найденные вещи брат Аркадий решил проверить, из чего они сделаны и бросил их в кислоту. Некоторые предметы из клада мы видели. Сестра Надя мерила перстень, на котором был изображен лежащий верблюд. На его спине сидел пастух, держащий в руках палку, возле верблюда лежала собака. У верблюда глаза были голубые, так как там были вставлены голубые камни». Тогда, в 1939 г., они были подросткового возраста и достаточно эмоционально с ярким во-

ображением восприняли знакомство с предметами клада. Нафантазировали пастуха с палкой и собаку у верблюда на перстне. Племянник Аркадия Назаренко – Аркадий (сын Юлии) рассказывал друзьям, что в приклад ружья дяди был врезан золотой козел. Понятно, что этот «козел» был бляшкой из Каргалинского клада.

Рассмотрение свидетельств от Есипова и родственников Назаренко дает понимание, что Аркадий Васильевич Назаренко и Николай Сергеевич Есипов, будучи жителями одного поселка и работниками одного комбината, не были в близких дружеских отношениях. Одиночный поход в горы потенциально не исключает опасности. Совместный выход в горы среди жителей поселка с детства привычная практика. Коллективный поход на охоту – обычное дело для жителей одного поселка. Это всего лишь временное объединение по интересу (к вопросу о «дружной команде охотников-грабителей»).

В то время, когда Есипов обратился к профессиональному химику для определения - из какого металла были изготовлены вещи, Назаренко бросал их в кислоту. Даже в таком простом вопросе, никого ничем не обязывающем, они не общались. Один отнес находку на работу. Рассказывал где, с кем и что нашли. Другой стал обращаться с найденными вещами как с предметами личной принадлежности. Носил некоторые вещи в кругу семьи, стал украшать приклад ружья. Складывается впечатление, что между находчиками клада не было предварительной договоренности о необходимости хранить молчание о находке и никому ничего не говорить.

К 1940 г. в поселке было около 1500 жителей, причем 1316 из них

проживали в фабричных квартирах. Квартирами обеспечивались только работники комбината. В таких условиях, где практически все люди знали друг друга, любые новости среди населения распространялись быстро. В небольшом рабочем поселке, в котором основная часть жителей состояла из людей трудившихся на суконном комбинате, единственном производстве в селе, новость о находке распространилась быстро.

Этот момент в воспоминаниях сестер озвучен так: «А в это время кто-то из охотников сообщил о найденных вещах». Понятно, что девочки-подростки (сестрам Аркадия Назаренко в то время было 11–16 лет) не знали деталей и тонкостей отношений среди взрослых, но они передали эмоциональное отношение семьи Назаренко к этому факту. Есть основание предполагать, что между находчиками клада произошли расхождения во взглядах на использование вещей еще до момента сдачи золота государству.

При этом, разумеется, и Семин и Аркадий Назаренко знали, что инициировал ситуацию, в которой возникла необходимость сдать золото, Есипов. И оценили они это, похоже, отрицательно. Наиболее вероятно, что размолвка между Назаренко и Есиповым возникла по причине, которую спровоцировал Н.С. Есипов своим отношением к найденным вещам, он никому специально ничего не сообщал, просто он ни от кого ничего не скрывал. По существу дела сработала бытующая социальная обстановка и личное понимание права каждого находчика на обращение с найденными вещами.

Вероятно, по этой причине Назаренко не общался с Есиповым и по-

средником между ними стал Семин. Семин взял у Есипова часть золота, доставшуюся Николаю Сергеевичу после дележа, и сказал, что отвезет в город сдавать. Семин солгал Есипову, сказав ему, что он, как человек окончивший работу на комбинате, отвезет вещи в музей. Семин солгал Есипову, сказав, что в музее только поблагодарили. Семин не сказал Есипову, что за сданное золото выплатили деньги. Более того, в отместку виновнику сложившейся ситуации Семин вместе с Назаренко не дали части полученных денег, причитающуюся за ту долю золота, которую они взяли у Есипова для сдачи в музей. В таком поведении Назаренко и Семин чувствуется не только негативное отношение к Есипову, но и уверенность их в бесконтрольности своих действий.

В сформировавшейся таким образом обстановке можно предположить, что Семин и Назаренко самостоятельно, т. е. столь же бесконтрольно, принимали решение что и в каком количестве сдать в музей. Этот вопрос решали только они. Сложившаяся обстановка содействовала возможности не сдавать в музей все найденные вещи.

Достаточно быстро, со слов Н.С. Есипова, Семин уехал в Москву, а с А.В. Назаренко они больше не общались. Неизвестно, как А.В. Назаренко и Семин поделили между собой полученные деньги. Со слов сестер Назаренко, Аркадий за сданное золото получил 500 рублей: «Брат получил за находку вознаграждение в размере 500 рублей». В 1939 г. сумма в 500 рублей немного больше месячной зарплаты работника среднего уровня, 400 рублей в месяц получал товаровед отдела снабжения на том же суконном комбинате.

Далее, по логике действий, события должны были разворачиваться в определенном порядке. Найденное золото официально сдано государству, на место находки направляется археолог для обследования и далее издается статья, описывающая неординарную находку. События с нахождением клада происходили осенью 1939 г., 17 декабря этого же года вышла статья А.Н. Бернштама «Золотая диадема из шаманского погребения на р. Карагалинке» [Бернштам, 1940].

Тем не менее, многое, в действительности, совершалось не так как представляется логикой происхождения событий. Предметное рассмотрение некоторых деталей дает возможность отдельные моменты увидеть под другим углом зрения, более близким к реальности.

Например, в названии статьи «Золотая диадема из шаманского погребения на р. Карагалинке» А.Н. Бернштам употребил неверное название реки. Речь идет о Каргалинской диадеме, селе Каргалы, Каргалинском ущелье, но ученый пишет о погребении на «р. Карагалинке» (выделено авт.).

Любопытно обратиться к сноске в рассматриваемом тексте. Сноска № 1: «см. газ. “Казахстанская правда” от 27.XI.1939. Найдена датировалась IV–VI вв. н.э. Вещи находятся в Центральном музее Казахстана (Алма-Ата)». Эта сноска свидетельствует о том, что якобы в газете вещи датированы IV–VI вв. н.э. на эту мысль, наталкивает слово из сноски: «датировалась» т.е. речь идет как бы об уже свершенном факте. Надо полагать, что А.Н. Бернштаму эта сноска понадобилась затем, чтобы он в своей статье дал другую датировку. Действительно, в указанном издании на

с. 31 написано: «Все эти явления дают нам основание сузить возможную датировку (I в. до н.э. – II в. н.э.) и считать I в., может быть II в. наиболее вероятной датой». Таким образом, ученый вносит изменение датировки вещи относительно даты, указанной в статье газеты. Но дело интересно тем, что в газете «Казахстанская правда» от 27.XI.1939 г., на которую указывает А.Н. Бернштам в своей сноске, статьи о Каргалинской находке нет! Вся газета с указанными выходными данными посвящена текущим вопросам своего времени и возможной войне с Германией. Нет ни строчки о находке золотых вещей. Нет подобных статей ни в одном номере газет за октябрь, ноябрь и декабрь 1939 г. Работу по поиску этой статьи проделали в разное время и независимо друг от друга три исследователя, результат один – статьи нет.

Некоторые источники сообщают, что А.Н. Бернштам был первым археологом, раскопавшим Каргалинское захоронение шаманки. Так, в фильме «Каргалинская диадема» (KAZAKHTV Reflections on History) сообщают, что «это была очень тяжелая парадная одежда, не для прогулок» (это о 250 г украшений!?). И утверждают, что первым исследователем «клада» был археолог Бернштам. Эта информация не соответствует действительности. А.Н. Бернштам в статье о Каргалинской находке в сноске № 2 пишет: «Фотографии вещей и материалы обследования присланы В.Ф. Шахматовым», в самом тексте статьи встречается фраза: «Судя по письмам, полученным из Алма-Ата...» [Бернштам, 1940, с. 23].

Из чего следует, что статья написана ученым без его личного обследо-

вания места находки и фактического ознакомления с вещами. Материалы обследования с места находки клада и фотографии его вещей были присланы А.Н. Бернштаму В.Ф. Шахматовым. Виктор Федорович Шахматов в то время занимал должность заведующего историческим сектором в Казахском филиале АН СССР (КФАН). В целом руководство работой филиала осуществлялось из центра.

А.Н. Бернштам в 1939 г. проживал в Ленинграде, В.Ф. Шахматов – в Алма-Ате. Первая партия золотых вещей поступила от А.В. Назаренко и, вероятно, Семина. В указанном фильме Назаренко фигурирует как электрик, но Назаренко был токарем, а Семин специалистом по электрооборудованию. На основании этого можно предполагать, что при сдаче вещей в Центральный музей Казахстана все-таки присутствовал Семин. Документ с датой сдачи предметов в настоящее время нам не доступен. Попав в поле зрения исторического сектора КФАН, а, следовательно, и В.Ф. Шахматова, вся работа с этим материалом была под его руководством. Естественно, что отчет об археологической экспедиции, обследовавшей место обнаружения вещей, подписан на имя Шахматова.

По данным из архива Института археологии им. А.Х. Маргулана [Дублицкий, 1939, л. 24–25], документ написан от руки чернильным пером: «КФАН. При этом представляю краткий отчет археологической разведки в окрестностях г. Алма-Аты по заданию Центрального Музея Казахстана, а также ведомости о расходе денег на нее». Документ подписан 16 октября 1939 г. археологом КФАН Дублицким (см. о Б.Н. Дублицком: [Бейсенов и др., 2017, с. 16–17]).

Далее представлено заключение: «КФАН. Представляю заключение по осмотру места залегания костяка человека с золотым инвентарем в долине р. Карагалинка». Документ также подписан археологом КФАН Дублицким, но уже 23 октября 1939 года.

С левой стороны листа документа карандашом наискосок подписано - «Шахматову».

В тексте отчета записано: «Костяк, по заявлению гр. Назаренко, был сильно разрознен и кости, и золотые вещи были разбросаны по всей площади; судя по расположению черепа, направление костяка было с ЮЗ на СВ, головою на СВ. По заявлению тов. Назаренко, кусок черепа лежал совершенно на поверхности, что и натолкнуло его на раскопку.

Во время проверки выбросов земли, найдено 9 золотых пуговиц и пластинка, тождественная сданным в Республиканский музей».

Далее на обороте: «...Во время осмотра присутствовал директор Республиканского музея т. Пронин и сдатчик золотых вещей... (работник, сотрудник) Алматинской суконной фабрики т. Назаренко. О происхождении находки, сдачи ее т. Назаренко в Республиканский музей, необходимости отыскания у других служащих Алматинской суконной фабрики отдельных золотых вещей из этого за... (хоронения (?)) поставлен в известность директор фабрики; желательно весной 1940 г. углубить на 0,30–0,50 дно». Документ подписан археологом КФАН Дублицким, 23 октября 1939 г.

Акт о сдаче золотых вещей, найденных в результате официально проведенного обследования места находки клада охотниками, подписан 21 октября 1939 г.

На основании фактов рассмотренных фрагментов документов можно сделать ряд определенных выводов. Неверное, название реки Каргалинка в названии статьи А.Н. Бернштама написано с подачи археолога Б.Н. Дублицкого. Осмотр места проводился в присутствии А.В. Назаренко. Семин отсутствует, так как он уже уехал.

Существует два акта о сдаче золотых вещей из Каргалинского клада. Первый – акт о приеме золотых вещей, найденных охотниками. Второй – акт о сдаче золотых изделий, найденных в результате работы группы специалистов по истории и археологии. Наличие второго акта сдачи вещей в результате работы археологов и могло послужить причиной вывода, что Каргалинский клад найден в результате археологических раскопок. Как об этом написано в тексте энциклопедии «Алма-Ата»: «Каргалинская диадема, <...> найдена в 1939 году во время археологических раскопок в ур. Мыношакты (Каргалинское ущ.) близ Алма-Аты» [Алма-Ата, 1983, с. 293].

Непонятно, когда и по какой причине возникла мысль, что вещи клада охотниками были сданы не полностью. Но Б.Н. Дублицкий счел необходимым в отчете по осмотру местности записать, что директор фабрики поставлен в известность о «необходимости отыскания у других служащих Алматинской суконной фабрики отдельных золотых вещей» [Дублицкий, 1939, л. 24–25]. Так же в рассматриваемом отчете Дублицкого примечательна запись о том, что «желательно весной 1940 г. углубить на 0,30–0,50 дно» [Дублицкий, 1939, л. 24–25], которая свидетельствует о понимании археолога о недостаточности проведенного обследования

места и планах на будущий год. Осень 1939 г. была дождливой и холодной.

Остается открытым вопрос относительно статьи в газете «Казахстанская правда» от 27.XI.1939 г. А.Н. Бернштам в разных фрагментах своей статьи пишет, что, судя по письмам, полученным из г. Алма-Ата, фотографии вещей и материалы обследования присланы В.Ф. Шахматовым. Кроме того, он полемизирует с автором статьи в газете по вопросу датировки и это позволяет предположить, что он имел перед собой и газету. Как такое возможно? Каким образом В.Ф. Шахматов мог отослать А.Н. Бернштаму фотографии и материалы обследования места находки вещей вместе с газетой, которой не было?

Осмыслению этого, казалось бы, нелепого обстоятельства, может помочь обращение к условиям того времени. В отчете обследования места Б.Н. Дублицкий указал, что во время осмотра присутствовал директор Республиканского музея т. Пронин и сдатчик золотых вещей т. Назаренко. Таким образом, в экспедиции, о которой сестры Назаренко помнят, что «приехали рано утром археологи на лошадях и попросили Аркадия показать место, где все это было найдено, ему тоже дали лошадь, и он уехал вместе с ними», мог оказаться человек, имеющий связь с газетой «Казахстанская правда». Это, весьма вероятно, был С.М. Пронин.

Степан Митрофанович Пронин, в 1939 г. директор Республиканского музея, рожден в августе 1897 г., в деревне Тульской губернии. Рабочий, плотник, служба в армии с 1916 по 1920 гг. Принят в партию ВКПБ в 1919 г. Все дальнейшие продвижения по социальным позициям происходи-

ли на поприще агитации и пропаганды. В 1932 г. отмечен как литературный сотрудник газеты «Казахстанская правда». В июне 1938 г. снят с должности комиссара отдела боевой подготовки ЦС ОСОАВИАХИМа КССР (Центрального совета Общества содействия обороне, авиационному и химическому строительству КазССР – прим. авт.) решением бюро ЦК КПК (Центрального комитета коммунистической партии Казахстана – прим. авт.) «как не справившийся с работой» и в июле этого же года назначен директором Центрального исторического краеведческого музея.

Как бывший литсотрудник «Казахстанской правды», С.М. Пронин, будучи директором музея, куда сдали Каргалинский клад, вполне мог написать статью в эту газету. В процессе печатания газет, до выхода их в производство, в типографии набирают так называемый «сигнальный экземпляр». Газеты «сигнального экземпляра» используют для предъявления редакторам с целью устранения ошибок, внесения возможных изменений и т.п. Сверстанный сигнальный экземпляр так же представляли для прочтения в соответствующие госорганы, занимающиеся вопросами цензуры издаваемых материалов. Вероятно, что после прочтения сигнального номера – статья о Каргалинском кладе не получила «добро» на выход в массовый тираж.

Не исключено, что в соавторстве был и Б.Н. Дублицкий, поскольку в статье затрагиваются вопросы датировки древних вещей, с которыми полемизирует А.Н. Бернштам. При сборе посылки для отправки Бернштаму, вместе с фотографиями вещей, отчета осмотра места мог быть вложен и сигнальный экземпляр газеты. Так,

газета (сигнальный экземпляр) со статьей о Каргалинской диадеме могла попасть Бернштаму, но не массовому читателю.

После диадемы. Люди. Судьбы.

Любопытно отметить, что все сюжеты произведений, написанные Ю.О. Домбровским о Каргалинском кладе, имеют персонажи расхитителей археологических находок. И в фильме «Шествие золотых зверей», который выпущен в 1978 г. на киностудии «Мосфильм», сценарий к которому Домбровский написал в соавторстве с Т. Вульфович, они присутствуют. Авторы фильма «Каргалинская диадема» (KAZAKHTV Reflections on History) сообщают зрителю, что Домбровский (по свидетельству современников) был арестован и провел несколько месяцев в следственном изоляторе из-за этой диадемы.

Действительно в 1939 г. Ю.О. Домбровский был арестован и отправлен в лагерь на Колыму, где находился до 1943 г. В 1949 г. попал в Тайшетский озерлаг (Иркутская область), где пробыл до 1955 г. Однако есть документ (рис. 6), согласно которому Ю.О. Домбровский 31 марта 1940 г. был осужден сроком «на 8 лет считая срок с 26 августа 1939 года» [Дуардович, 2020]. Из чего следует, что Ю.О. Домбровский не мог провести «несколько месяцев в следственном изоляторе из-за этой диадемы», поскольку он там находился еще до огласки этой истории. Соответственно и на момент появления предметов Каргалинского клада в Центральном историческом краеведческом музее он уже не мог работать «хранителем древностей». Поэтому излагать историю этой находки на свидетельствах произведений Юрия Домбровского

будет не очень убедительно. Поскольку в их основе творческая фантазия автора. Есть предположение, что Юрий Домбровский «очно» не знаком с находками. Однако в конструкции его произведений использованы факты, перекликающиеся с реальными событиями о каргалинской находке. Юрий Осипович мог их узнать от самого Бориса Николаевича Дублицкого. Постановление на арест Ю.О. Домбровского подписано 31 марта 1940 г., а постановление на арест Б.Н. Дублицкого 27 марта 1940 г., что позволяет предполагать возможность их общения во время предварительного заключения в процессе следствия.

Б.Н. Дублицкий арестован 27.03.1940 г. по статье 58-1а УК РСФСР [Жертвы политического террора. Интернет-ресурс]. Осужден к лишению свободы в исправительно-трудовом лагере сроком на 8 лет. Статья, по которой был осужден археолог, предполагает до 10 лет лишения свободы или даже расстрел. Поэтому план, который наметил Борис Николаевич Дублицкий при осмотре места находки клада, на будущий год: «желательно весной 1940 г. углубить на 0,30–0,50 дно», осуществить не смог.

Что касается жизни А.В. Назаренко после находки клада, то старожилы поселка (Т.Л. Ленский, Мель-

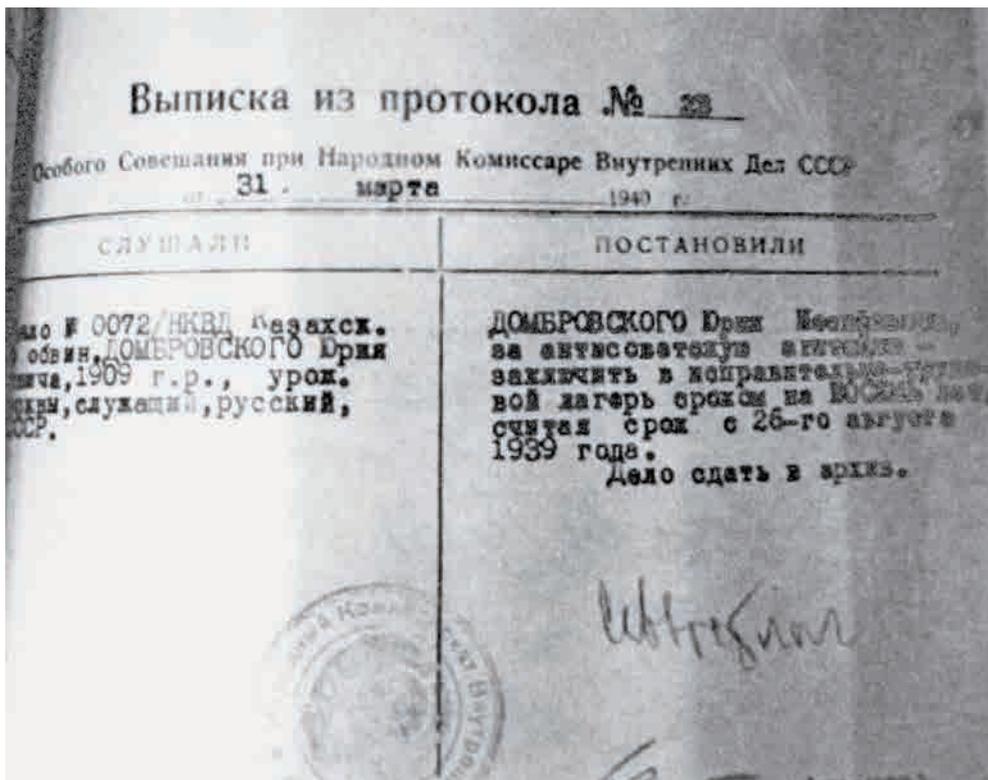

Рис. 6. Выписка из протокола о заключении Ю.О. Домбровского в исправительно-трудовой лагерь от 31 марта 1940 г. (no: [URL: <http://lists.memo.ru/d11/f367.htm>])

Fig. 6. Extract from the protocol on the imprisonment of Yu. Dombrovskiy in a forced labor camp of March 31, 1940 (by: [URL: <http://lists.memo.ru/d11/f367.htm>])

ников и др.), помнящие события, связанные с этой находкой, не объясняя деталей, все говорили одно: «Лучше бы Аркадий не находил этого золота». Аркадий Васильевич Назаренко, 1913 г.р., был призван на службу в ряды Советской Армии в 1933 г. Служил в сухопутных войсках. В 1936 г. демобилизовался, устроился на работу, женился. Со слов старшей сестры Зои Васильевны Ключниковой: «Аркадий весной, в марте месяце 1941 г., получил повестку явиться в поссовет, где ему сообщили, что его, как хорошего специалиста, призывают на укрепление государственной границы». Зоя Васильевна также сказала, что в назначенный день в поссовете было накрыто небольшое застолье со спиртным. Там сообщили, что Аркадия, как хорошего токаря, и с ним еще 8 человек из поселка, специалистов других профессий, призывают на укрепление государственной границы. Этот призыв Аркадия в армию был несколько необычным. Получается, что его вторично призвали на службу в армию ещё до нападения фашистской Германии на СССР. Всеобщая мобилизация рабочих суконого комбината на фронт происходила в июле 1941 г.

Со слов сестер Аркадия, их брат погиб в первые дни войны. После окончания войны им не удалось найти даже следов его пребывания в армии. «Мы обращались в архив Советской Армии, не было ничего о нашем брате, даже того, что он был призван в армию», – вспоминает сестра Аркадия – Юлия. И только с помощью «влиятельного знакомого из Москвы» значительно позже удалось выяснить, что А.В. Назаренко служил в частях НКВД (Народный комиссариат внутренних дел) и строил оборонитель-

ные сооружения на границе, там погиб, есть место его захоронения, о чем сообщили сестры Аркадия.

В сентябре 2002 г., при неожиданной встрече с дочерью Аркадия Назаренко, Любовь Аркадьевна рассказала со слов ее матери, что «...в марте 1941 г. отца призвали на работу в трудармию. Эшелон охранялся работниками НКВД. Мама ездила туда к нему (как я понял, жена Аркадия ездила на железнодорожную станцию, где формировался эшелон – прим. авт.). В поселке проводили на эти работы многих людей. Формирование этой группы велось секретно, под видом формирования части из лучших специалистов различного профиля. Из писем, которые присылал отец, было ясно, что на месте их держали в очень плохих условиях и плохо кормили. В письме он просил прислать сухарей и что-нибудь теплое. Жили в каких-то бараках под охраной. Все письма и фотографии Аркадия уничтожил позднее ее отчим». Так сложились судьбы людей, столкнувшихся с Каргалинским кладом.

«Тайное» место. Поиски, ошибки и находки

Одним из важнейших вопросов, связанных с Каргалинской находкой, был вопрос о месте нахождения этих вещей. А.Н. Бернштам в своей статье «Золотая диадема из шаманского погребения на р. Карагалинке» сообщает, где были найдены вещи: «В 1939 г. в правом ответвлении Карагалинского ущелья (Алма-Атинская обл.), близ урочища Мынг Ошакты на высоте 2300 м над ур.м., ... были найдены кости человека с набором золотых предметов... Скелет был найден в расщелине скалы...» [Бернштам, 1940, с. 23]. Но воспользоваться этими све-

дениями для нахождения места находки невозможно. О левом ответвлении Каргалинского ущелья он говорит, как о «правом ответвлении Карагалинского ущелья». Сведение о том, что место находится «...близ урочища Мынг Ошакты» не помогают решению вопроса, поскольку на всех доступных картах региона п. Фабричный нет урочища с таким названием. Были просмотрены не только туристические, геологические, административные, но и карты специального назначения: военные, «полетные», землепользования хозяйств Жамбылского района. Ни на одной из них не присутствует топоним «Мынг Ошакты» (в переводе с каз.яз. «Тысяча огней» или «Тысяча очагов» – прим. авт.). Однако сведения о месте находки вещей из указанной статьи используют в таком виде десятки лет.

Решению вопроса не способствовал опрос местных чабанов и старых жителей поселка. Жители поселка Фабричный, которые хоть как-то помнили о находке золота в 1939 г., говорили: «...где-то в горах, в пещере». Поэтому параллельно сбору различных сведений у местных жителей и особенно охотников приходилось выяснять, где есть пещеры. Согласно устному сообщению кандидата геологических наук Г.Б. Паршина, геоморфология гор у поселка не предполагает образования пещер. Сведений о местах, которые условно можно назвать пещерой набралось пять. Три грота находящиеся выше района, на сленге местных жителей «развилок» (название топографической привязки у местных жителей – прим. авт.), можно было исключить, поскольку Н.С. Есипов говорил, что «место находится к поселку ближе развилок». Четвертое место в «правой щели»

тоже не подходящее – оно находится рядом с поселком (2 км) и останавливаться в ней на ночлег, возвращаясь с охоты, не было смысла.

Оставалась только одна из известных «пещер», которая находилась в ущелье Ерменсай. О ней мне рассказал мой друг Александр Михайлович Нечухранный (рис. 7). Он ее обнаружил в 1977 г. В этой пещерке сидело несколько молодых людей у костра. Но она расположена далеко от дороги с гор в поселок. Вместе с тем, мало ли куда могло занести охотников.

Однажды мне довелось присесть на уличную скамью на улице поселка. На ней сидел пожилой мужчина. Разговорились. Он сказал, что родился в этом поселке, и вся его жизнь прошла здесь. Естественно,

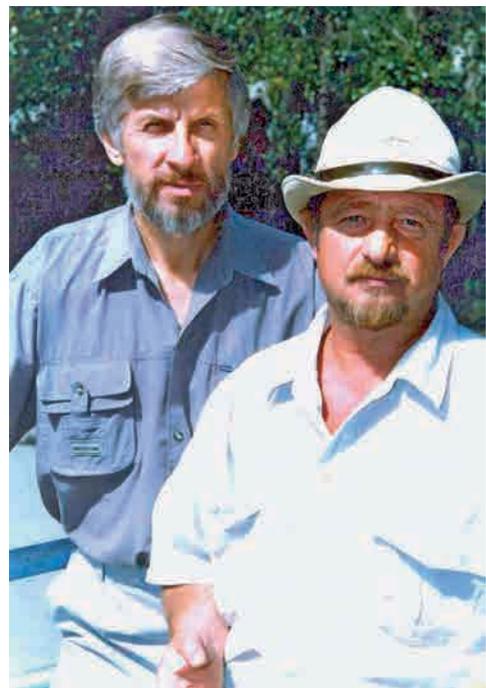

Рис. 7. В.В. Сараев с А.М. Нечухранным. Фото из семейного архива В.В. Сараева

Fig. 7. V. Saraev with A. Nechukhrannyi. Photo from the family archive of V. Saraev

что спросил его о находке золота в горах. Он ответил, что сам лично он об этом ничего не знает, поскольку был маленьким, но помнит, что взрослые рассказывали, как в горах под каким-то камнем охотники нашли много золота в ущелье Ерменсай. Пришлось ему сказать, что в документах говорится об урочище «Мынг Ошакты». И этот человек (сожалею, что не записал его фамилии) сказал, что Ерменсай это и есть Мынг Ошакты. После войны, говорил он, здесь было много разных людей с приборами, и они все измеряли и переименовывали. Делали новые карты. После них Мынг Ошакты стали называть Ерменсай. Потому что это ущелье все заросшее всяким кустарником и травой, так что по нему пройти невозможно. Чабаны так и называли это ущелье между собой, а потом так стало на картах. Таким образом, собранные сведения как бы сошлись в одну точку. Тут и пещера, в которой несколько человек разводят костерок, и место, которое ранее называли «Мынг Ошакты», и достаточно дикая природа, что немаловажно для охоты.

Поэтому летом 2000 г. мы с А.М. Нечухранным пошли к этой пещере (рис. 8). Поход проходил сложно. Часто начинался дождь. Самым трудным для прохождения оказался участок непосредственно по ущелью Ерменсай. Никаких троп, даже оставленных животными, уже не было. Приходилось пробираться сквозь бесконечный кустарник,

еще и под дождем. К пещере подошли, когда уже село солнце. Пришлось здесь остаться на ночь. В такой пещерке могли разместиться 3–4 человека и при наличии сухих дров можно было развести костер. По дороге к пещере и обратно (в 1992 г. уже был мой поход в этот район Каргалинского ущелья – прим. авт.) мы увидели большое количество различных исторических объектов: развалившиеся каменные постройки, курганы, наскальные рисунки и т. п.

Однако ночь, проведенная в этой пещере, поставила и некоторые вопросы, на которые нет ответа. Например, было непонятно, как Б.Н. Дублицкий мог планировать на будущий год углубить раскоп близ захоронения, если пещера, в которой довелось ночевать, была сплошь каменная? Этот и другие вопросы не состыковывались с тем, что доводилось слышать от людей и что удалось увидеть. Однако это была единственная пещера ущелья Ерменсай.

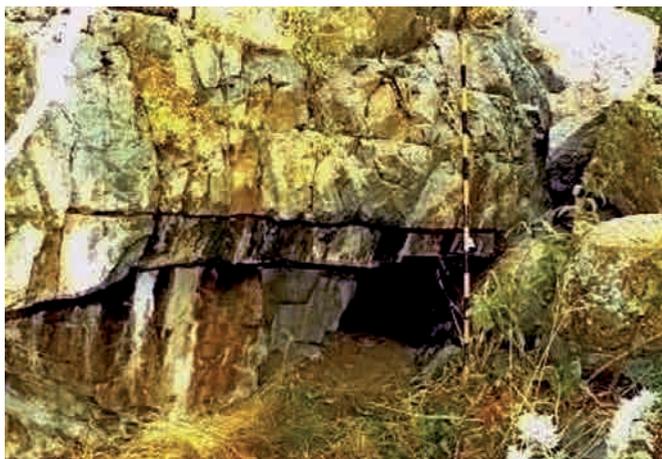

Рис. 8. Ущелье Ерменсай. «Пещера Нечухранныго А.М.». Фото В.В. Сараева

Fig. 8. Ermensai Gorge. "Cave of Nechukhrannyi A.M." Photo by V. Saraev

Письменно изложив свои соображения и наблюдения, приложив фотографии, я обратился в Институт археологии им. А.Х. Маргулана с предложением провести детальное обследование этого места. Так моя фотография этой пещеры оказалась в известной книге «Древности Алматы» (рис. 8) [Самашев и др., 2005, с. 113]. Возврат в настоящее время к этому факту обусловлен желанием посылить уменьшить распространение недостоверной информации о месте находки Каргалинского клада. Это не та пещера. Это было моей ошибкой. Долгое время пещеру на фото я считал тем местом, где была найдена диадема.

Все изменилось после моего знакомства с Ермеком Менямбаевым. Будучи корреспондентом газеты «Я покупатель, я собственник», он со своей семьей переехал жить в поселок из Алматы. Этот любознательный человек интересовался краеведением и неоднократно осматривал окрест-

ности поселка. В 2019 г. он обратился ко мне с просьбой показать на карте место, где была найдена диадема. Понимая всю сложность объяснения, где находится эта пещера, я указал место, где ущелье Ерменсай выходит к основному ущелью Каргалы. Через несколько дней Ермек сообщает мне, что он нашел эту пещеру. Мое сильное удивление Ермек дополнил тем, что как профессиональный корреспондент он все отснял фотоаппаратом. На его фото я увидел те подробности и отдельные детали, которых не было в пещере, которую мы нашли с А.М. Нечуханным.

Я сказал Ермеку, что он нашел место, где действительно была найдена диадема. На что он ответил: «Ведь вы сами указали мне это место». По стечению обстоятельств я «ткнул пальцем» (явно сработал «Господин Случай») туда, где располагался огромный камень. На фотографиях Ермека Менямбаева было видно, что

Рис. 9. Ермек Менямбаев у Каргалинского камня. Фото Т.А. Егоровой
Fig. 9. Ermek Menyambaev at the Kargaly stone. Photo by T. Yegorova

*Рис. 10. Археолог А.А. Горячев.
Фото Т.А. Егоровой*

*Fig. 10. Archaeologist A. Goryachev.
Photo by T. Yegorova*

в нише под камнем могли расположиться несколько человек, пол ниши был земляным и его действительно можно углубить, как это планировал когда-то Б.Н. Дублицкий. Свод ниши имел налет копоти, на полу валялись сухие палки, деревяшки, было много сухой травы. Более того, под камнем, внутри ниши, просматривались сложенные когда-то стенки из мелких камней и промазанные глиной, разрушенные в настоящее время, и лежали какие-то косточки.

Человек, чье сознание не было занято поиском каких-то пещер, как

об этом свидетельствовали «знающие люди», и не ищущий расщелины в скале, как об этом писал А.Н. Бернштам в своей статье: «...Скелет был найден в расщелине скалы...» [Бернштам, 1939, с.23], Ермек, благодаря своему воображению, влез под приметный камень в месте, которое ему указали на карте. И нашел то, что ждало своего «открытия» (рис. 9). С этой информацией и объяснением обстоятельств дела мы с Е. Менямбаевым обратились к директору Института археологии им. А.Х. Маргулана Б.А. Байтанаеву. В результате чего на место был направлен небольшой археологический отряд под руководством А.А. Горячева* (рис. 10), который в июле–августе 2020 г. в сопровождении Ермека Менямбаева и группы поддержки неравнодушных к родной истории ребят произвел там первые полноценные рекогносцировочные исследования, получив материалы, доказывающие идентичность исследованного объекта с местом находки Каргалинского клада. Предваряя научные публикации по результатам работ, могу отметить, что это уникальный случай в погребальной практике племен раннего железного века, как по структуре организации комплекса, так и по особенностям обряда захоронения.

Заключение

В заключение этой непростой истории уместно сказать, что археологом из Ленинграда, которого Н.С. Есипов сопровождал к месту находки, был, вероятно, А.Н. Бернштам. В сво-

*А.А. Горячев – старший научный сотрудник Института археологии им. А.Х. Маргулана. На протяжении ряда лет консультирует В.В. Сараева – автора и соавтора ряда работ по археологии Жетысу (см. напр. [Сараев, Кожегулова, 2019; Горячев и др., 2021]). (Прим. ред.)

их воспоминаниях Н.С. Есипов отмечает, что «...через некоторое время к нам приехал из Ленинграда археолог, фамилию его я не помню, не знаю, помню, что это был человек лет под пятьдесят, прихрамывал. Я сопровождал его к месту находки. Ехать на лошади он отказался и просил не показывать места находки». Так описан «археолог из Ленинграда» в редакции П.А. Яковенко, но на словах Есипов высказал предположение, что у него был, возможно, деревянный протез (нога не сгибалась), и ходил он с палочкой. Много позже удалось выяснить, что у Александра Натановича Бернштама был анкилоз колена – оно не гнулось, ходил ученый с палкой и выглядел значительно старше своих лет.

Поднимались они в горы, вероятно, в начале лета 1941 г. (до начала Великой Отечественной войны). Поскольку со слов дочери Аркадия Назаренко: «...В марте 1941 г. отца призвали на работу в трудармию». А.В. Назаренко не было, Б.Н. Дублицкий был осужден, С.М. Пронин – снят с должности директора музея. Таким образом, А.Н. Бернштама на место находки вещей мог сопроводить только Н.С. Есипов. Эта информация дополнительно подтверждает, что А.Н. Бернштам не мог быть первым исследователем «захоронения жрицы» и посетил он место находки Кар-

галинского клада значительно позже написания своей статьи об этом захоронении.

На встрече с дочерью А.В. Назаренко в 2002 г. Любовь Аркадьевна (1938 г.р.) рассказала, что золото из этого клада (в том числе большая квадратная бляшка с изображениями козликов внутри) хранилось у них в семье в тряпчатом мешочке. Основное количество использовали на свои нужды (продали) ее отчим и брат по матери. Оставшиеся несколько пластинок Любовь Аркадьевна хранила у себя. В 1996 г. она отдала их своему сыну, который после службы в армии решил жениться и использовал их для изготовления обручальных колец (в память о бабушке – А.В. Назаренко). Золото (4,5 г) ювелиры обменяли на простые обручальные кольца. Эти сведения Любви Аркадьевны дают основание полагать, что в 1939 г., как и предполагалось, А.В. Назаренко и Семин действительно не все найденные вещи сдали в музей и часть их, возможно, хранится в семье Семина в Москве.

Благодарности. Особую благодарность за сбор информации хочется выразить Юрию Аркадьевичу Мотову, Жаннетте Петровне Ананьевой, Александру Михайловичу Нечухранному и Лидии Федоровне Митах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бейсенов А.З., Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. Путь к изучению древностей центра страны: история создания первой археологической экспедиции Казахской Академии наук // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение: сб. научн. ст., посвящ. 70-летию организации ЦКАЭ Академии наук Казахстана / отв. ред. А.З. Бейсенов, В.Г. Ломан. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. Т. 1. С. 11-64.

2. Бернштам А.Н. Золотая диадема из шаманского погребения на р. Карагалинке // КСИИМК. 1940. Вып. V. С. 23-31.

3. Горячев А.А., Сараев В.В., Егорова Т.А., Чернов М.А. Новые материалы древнего археологического комплекса Каргалинского историко-географического микрорайона // Археология Казахстана. 2021. № 2 (12). С. 69-101.
4. Дуардович И. Он Ленина на *** послал. Неизвестное уголовное дело Юрия Домбровского // Дилетант. 24.07.2020. URL: <https://diletant.media/articles/45291133/>
5. Дублицкий Б.Н. Заключение по осмотру места залегания костяка человека с золотым инвентарем в долине р. Каргалинке близ Алматинской суконной фабрики. 1939 г. В: Хроника археологических разведок и находок на территории Казахской ССР (1928–1938 гг.) // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана, ф. 11, оп. 2, д. 36, л. 24-25.
6. Жертвы политического террора в СССР. URL: <http://lists.memo.ru/d11/f367.htm>
7. Нифонтова Л.К. Последние археологические поступления в Центральный государственный музей Казахской ССР // Известия АН КазССР. Сер. археол. 1948. Вып. 1. С. 116-124.
8. Самашев З., Григорьев Ф., Жумабекова Г. Древности Алматы. Алматы: ТОО «Археология», 2005. 184 с.
9. Сараев В.В., Кожегулова Ф.Т. О способах обогрева древних землянок в предгорной и горной зоне Илейского Алатау // Археология Казахстана. 2019. № 1 (3). С. 28-42.
10. Энциклопедия «Алма-Ата». Алма-Ата: Гл. ред. казахской советской энциклопедии, 1983. 608 с.

REFERENCES

1. Beisenov, A. Z., Jumabekova, G. S., Bazarbayeva, G. A. 2017. In: Beisenov, A. Z., Loman, V. G. (eds.). *Arheologicheskoe nasledie Centralnogo Kazahstana: izucheniye i sohraneniye (Archaeological Heritage of Central Kazakhstan: study and protection)*, 1, 11–64. Almaty: “Begazy-Tasmola” Publ. (in Russian).
2. Bernshtam, A. N. 1940. In: *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii materialnoy kultury (Brief reports of the Institute for the History of Material Culture)*, V, 23-31 (in Russian).
3. Goryachev, A., Saraev, V., Egorova, T., Chernov, M. 2021. In: *Kazakhstan Archeology*, 2 (12), 69-101 (in Russian).
4. Duardovich, I. 2020. In: *Diletant (Diletant)* URL: <https://diletant.media/articles/45291133/> (in Russian).
5. Dublitskiy, B. N. 1939. In: *Archive of the A.Kh. Margulan Archeology Institute*, f. 11, d. 36 (in Russian).
6. In: URL: <http://lists.memo.ru/d11/f367.htm> (in Russian).
7. Nifontova, L. K. 1948. In: *Izvestiya AN KazSSR (Izvestia of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR)*, 1, 116-124 (in Russian).
8. Samashev, Z., Grigoriev, F., Jumabekova, G. 2005. *Drevnosti Almaty (Antiquities of Almaty)*. Almaty: “Arheologiya” (in Russian).
9. Saraev, V. V., Kozhegulova, F. T. 2019. In: *Kazakhstan Archeology*, 1 (3), 28-42 (in Russian).
10. *Enciklopediya «Alma-Ata» (Encyclopedia “Alma-Ata”)*. Alma-Ata: Glavnaya redakciya kazahskoy sovetskoy enciklopedii, 1983 (in Russian).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.
 / Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
 / Disclosure of conflict of interest information. The author claim no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
 Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 03.06.2021.
 Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 12.06.2021.
 Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 15.06.2021.

**НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ
ДРЕВНЕГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА
КАРГАЛИНСКОГО ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОГО
МИКРОРАЙОНА***

© 2021 г. Горячев Александр Анатольевич¹,
Сараев Владимир Васильевич¹,
Егорова Татьяна Александровна¹, Чернов Михаил Алексеевич¹

¹автор-корреспондент, старший научный сотрудник,
Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан. E-mail: aga.2805@mail.ru

¹специалист естественных наук, Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан. E-mail: saraev.53@mail.ru

¹специалист-филолог, Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан. E-mail: ega.0108@mail.ru

¹специалист-художник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана,
г. Алматы, Казахстан. E-mail: mihalapych@yandex.kz

Аннотация. В статье систематизированы материалы древних археологических памятников Каргалинского историко-географического микрорайона (водный бассейн р. Узын-Каргалы) северных склонов Заилийского/Иле Алатау. Как правило, поселения древних земледельцев располагались в устье, на выходе горных ущелий и предгорной равнине. В бронзовом веке они устраивались близ головных водозаборов каналов и арыков. В раннем железном веке они строили оросительные системы на расстоянии до 20 км от гор, применяя акведуки. Скотоводы раннего железного века осваивали горные ущелья и плато микрорайона как под сезонные стоянки, так и под стационарные поселения. Древние погребальные памятники расположены в основном на возвышенностях у выходов из горных ущелий. В горной зоне они сконцентрированы на склонах горной гряды Майтобе и по левому берегу реки Узын-Каргалы в районе ущелья Жылысай.

Наиболее ярким памятником региона считается каргалинское захоронение раннего железного века, где в 1939 г. обнаружен известный «Каргалинский клад», местоположение которого до сих пор оставалось неясным. По итогам исследований оно определено в 500 м вглубь от входа ущелья Ерменсай под объектом, условно называемым «Каргалинский камень – Каратас». Уникальный погребальный комплекс представляет собой массивный скальный блок, который использовался как монументальная надмогильная конструкция. Зафиксированный вещевой материал позволяет идентифицировать его как место известного каргалинского захоронения. Данный факт позволяет представить необычную традицию погребальной практики населения региона усуньского периода раннего железного века.

Ключевые слова: археология, «Каргалинский клад», поселение, могильник, погребальный инвентарь

*Работа выполнена при финансовой поддержке Комитета науки МОН РК, программно-целевое финансирование на 2021–2022 гг.

ҚАРҒАЛЫ ТАРИХИ-ГЕОГРАФИЯЛЫҚ ШАҒЫН
АУДАНЫНЫҢ ЕЖЕЛГІ АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ КЕШЕНІНЕН
ТАБЫЛҒАН ЖАҢА МАТЕРИАЛДАР

Горячев Александр Анатольевич¹, Сараев Владимир Васильевич¹,
Егорова Татьяна Александровна¹, Чернов Михаил Алексеевич¹

¹ корреспондент авторы, аға ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы қ., Қазақстан. E-mail: aga.2805@mail.ru

¹ жаратылыстану ғылымдарының маманы, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы қ., Қазақстан. E-mail: saraev.53@mail.ru

¹ филолог-маманы, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы қ., Қазақстан. E-mail: ega.0108@mail.ru

¹ суретші-маманы, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы қ., Қазақстан. E-mail: mihalapych@yandex.kz

Аннотация. Мақалада Іле Алатауының солтүстік баурайындағы Қарғалы тарихи-географиялық шағын ауданының (Ұзын Қарғалы өзенінің су алабы) ежелгі археологиялық ескерткіштерінің материалдары жүйселенген. Әдетте, ежелгі жер өңдеушілер қоныстары тау шатқалдарына кіре берісте және шығысында, сондай-ақ тау бөктеріндегі жазықта орналасатын болған. Олар қола дәуірінде негізгі су жиналатын ирригациялық тоғандардың, яғни, каналдар мен арықтардың жанында орналасқан. Ерте темір дәуірінде жер өңдеушілер көпір түріндегі өтпелерді пайдалану арқылы, тау бөктерінен 20 шақырым қашықтықта суландыру жүйелерін салды. Ерте темір дәуірінің малшылары тау шатқалдары мен шағын ауданның үстірттерін маусымдық тұрақтар үшін де, тұрақты қоныстар үшін де белсенді түрде игерген. Ежелгі жерлеу ескерткіштері – қорғандар мен қоршаулар негізінен тау шатқалдарынан шыға берістегі төбелерде орналасқан. Таулы аймақта олар Майтөбе тау жотасының баурайында және Жылысай шатқалы ауданындағы Ұзын-Қарғалы өзенінің сол жағалауында шоғырланған.

1939 ж. белгілі «Қарғалы көмбесі» табылған және нақты орналасқан жері әлі күнге дейін анық емес Қарғалы ерте темір дәуірі жерлеу кешені – өңірдің ең жарқын жерлеу кешені болып саналады. Зерттеу нәтижелері бойынша ол кіреберістен 500 м ішкерлей, Ерменсай бүйір шатқалында, шартты түрде «Қарғалы тас – Қаратас» деп аталатын нысанда анықталды. Бірегей жерлеу кешені монументалды қабір үсті құрылымы ретінде пайдаланылған ірі жартасты блок болып табылады. Айылбастар және тіліктер секілді табылған киім-кешек материалдары бұл жерлеу орнын атақты Қарғалы жерлеу орнымен сәйкестендіруге мүмкіндік береді. Бұл мәлімет аймақ тұрғындарының ерте темір дәуірінің үйсін кезеңі жерлеу практикасының ерекше дәстүрін ұсынуға мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: археология, «Қарғалы көмбесі», қоныс, бейіт, жерлеу орны

NEW MATERIALS
FROM THE ANCIENT ARCHAEOLOGICAL COMPLEX
IN KARGALY HISTORICAL GEOGRAPHICAL DISTRICT

Goryachev Alexander¹, Saraev Vladimir¹,
Egorova Tatiana¹, Chernov Mikhail¹

¹ corresponding author, Senior researcher, A.Kh. Margulan Archeology Institute. Almaty, Kazakhstan. E-mail: aga.2805@mail.ru

¹Scientific of natural sciences, A.Kh. Margulan Archeology Institute. Almaty, Kazakhstan. E-mail: saraev.53@mail.ru

¹Specialist philologist, A.Kh. Margulan Archeology Institute, Almaty, Kazakhstan; E-mail: ega.0108@mail.ru

Specialist draftsman, A.Kh. Margulan Archeology Institute. Almaty, Kazakhstan. E-mail: mihalapych@yandex.kz

Abstract. In the article, the materials of ancient archaeological monuments of Kargaly historical and geographical district (water basin of the Uzyn-Kargaly River) of the northern slopes of Ile Alatau are systematized. As a rule, the settlements of ancient farmers were located at the mouth and at the outlet of mountain gorges, as well as on the foothill plain. In the Bronze Age, they were located near the headwater intakes of canals and ditches. In the Early Iron Age, farmers built irrigation systems at a distance of up to 20 km from the mountain slopes, using such types of structures as aqueducts. Early Iron Age cattlemen actively developed mountain gorges and plateaus, both for seasonal camps and for stationary settlements. Ancient burial monuments are located mainly on the uplands at the exits from the mountain gorges. In the mountain zone, they are concentrated on the slopes of the Maitobe mountain range and on the left bank of the Uzyn-Kargaly River in the area of Zhylysay canyon.

Kargaly burial site of the Early Iron Age is justly considered the most striking burial complex of the region, where the famous “Kargaly treasure” was discovered in 1939, its location remained unclear until now. According to the results of the research, it was determined 500 m deep from the entrance of the Ermensay gorge under the object conventionally called “Kargaly stone – Karatas”. The unique burial complex is a massive rock block, which was used as a monumental gravestone structure. Recorded material (plaques and plates) allow to identify it as a place of known Kargaly burial. This fact allows us to present an unusual tradition of the burial practice of the population of the region of the Wusun period of the Early Iron Age.

Keywords: archaeology, “Kargaly treasure”, settlement, burial ground, burial equipment

Введение

Наиболее значительную часть Северного Притяньшанья составляет историко-географический регион Жетысу, занимающий юго-восточную часть Казахстана. Он связан транзитными маршрутами через северные склоны Иле Алатау с Иссык-Кульским котлованом, через Чуйскую/Шускую долину – со Средней Азией. Самые крупные реки хребта берут свое начало среди его снежных вершин и ледников и являлись основой для жизнедеятельности людей в историческом прошлом. Древние комплексы бронзового и раннего железного века, состоящие из поселений и могильников, фиксируются на выходе практически из каждого ущелья по северным склонам Иле Алатау. Они обычно устраивались на высоких надпойменных террасах лессовых отложений. Поселения состоят из нескольких (до 10–12) усадеб, концентрирующихся у

небольших естественных водоемов и чаще всего вытянутых вдоль береговой линии крупных рек [Горячев, Сараев, 2015, с. 5–18; 2017, с. 127–136]. Одним из наиболее насыщенных археологическими памятниками на данной территории регионов является Каргалинский историко-географический микрорайон, представляющий собой водный бассейн реки Узун-Каргалы.

Он расположен близ западной оконечности гор Иле Алатау, являющихся частью горной системы Северного Тянь-Шаня (рис. 1). Западнее высота хребта резко понижается вплоть до Киндыктасских возвышенностей. Ущелье Узун-Каргалы граничит с урочищами Улькенсаз и Майбулак на западе, с ущельем Кайнар и урочищем Ушканыр на востоке. В верховьях хребет начинает превышать отметку 2400 м над у.м., здесь же на северных склонах имеются небольшие ледники,

Рис. 1. Территория Каргалинского историко-географического микрорайона северных склонов Иле Алатау на космоснимке

Fig. 1. Territory of Kargaly historical and geographical district of the northern slopes of Ile Alatau on the satellite image

которые инициируют основные истоки реки Узын-Каргалы – Каргалы, Майбулак, Егарджан, Сарысай и Аляк. Протяженность водной поверхности микрорайона составляет более 100 км. Структурно к этим водным источникам принадлежит серия родниковых ручьев Кайнар, Майбулак и в районе села Ынтымак. В самом ущелье в ее пойме произрастает тугайный лес с зарослями облепихи, шиповника, боярышника и барбариса. Оно ориентировано в общем направлении по оси ЮЗ–СВ. Расположенные в ущельях и в поймах рек поселения и могильники составляют единый комплекс археологических памятников эпохи бронзы и раннего железа данного микрорайона.

Значение Каргалинского историко-географического региона (Жамбылский р-н, Алматинская обл.) представляется наличием археоло-

гических комплексов всех этапов развития человечества от палеолита до современности, характеризующих историко-культурные процессы предгорной и горной зоны Северного Притяньшанья. Производственная деятельность древнего населения связана с развитием на данной территории комплексного скотоводческо-земледельческого хозяйства. Жители горной зоны занимались исключительно скотоводством, а в предгорных равнинах фиксируются многочисленные следы крупных стационарных поселков земледельцев [Сараев, 2017, с. 78].

Археологические изыскания в предгорной зоне микрорайона начались ещё в 1930-е гг. А.Н. Бернштамом [Бернштам, 1952]. Им были обследованы древние курганы в окрестностях пос. Фабричный (ныне Каргалы), а также впервые опубликованы матери-

алы Каргалинского клада [Бернштам, 1940, с. 23–31]. В 1970–1990-е гг. здесь периодически сотрудниками Института «Казпроектреставрация», ЦГМ РК, КазГУ им. аль-Фараби и Института археологии им. А.Х. Маргулана изучались аварийные памятники эпохи бронзы и раннего железа [Сараев, 1992, с. 104–109; Сараев, Первых, 2001, с. 165–170; Мотов, 2007, с. 80–87; Нурмуханбетов, Трифонов, 2016, с. 10–18]. В начале XXI в. в рамках программы «Культурное наследие» часть памятников предгорной зоны микрорайона (преимущественно курганы раннего железного века) была систематизирована и включена в «Свод памятников истории и культуры Алматинской области» [Свод..., 2009; Горячев, Сараев, Потапов, 2016].

Горная часть водного бассейна реки Узын-Каргалы оставалась неисследованной (за исключением разведок, проводимых В.В. Сараевым в частном порядке). В 2020 г. археологическая разведка этой части древнего микрорайона затронула горные плато левого берега р. Узын-Каргалы, где обследованы северные и южные склоны горы Майтобе, урочища Майбулак, Улькенсаз, Бутасаз, ущелья Жылысай и Ерменсай (прежнее название последнего: Мынг-Ошакты – прим. авт.), охватила русло реки и прилегающие к нему горные ущелья на расстояние до 20 км вглубь от его устья. В результате выявлена система расположения древних поселений и могильников в горной зоне и выяснены особенности хозяйственного освоения микрорайона в древности.

Наиболее ярким археологическим объектом Каргалинского ущелья является так называемый «Каргалинский клад», обнаруженный в 1939 г. группой местных жителей и предва-

рительно обследованный археологом Б.Н. Дублицким (о Б.Н. Дублицком см.: [Бейсенов и др., 2017, с. 16–17]). Однако в силу определенных субъективных и объективных причин дальнейшие полевые исследования данного памятника специалистами не проводились. В результате точное местонахождение находки осталось неизвестно никому из специалистов (за исключением А.Н. Бернштама, посетившего памятник в 1940 или 1941 г.) [Бернштам, 1940, с. 23–31], а все последующие изыскания касались осмысления комплекса артефактов и, прежде всего, Каргалинской диадемы [Акишев К., Акишев А., 1983; Кузьмина, 1987, с. 158–181; Самашев, Григорьев, Жумабекова, 2005; Культура саков и усуней Казахстана..., 2011; Чернов, 2015, с. 376–384; 2016, с. 110–130; Яценко, 2017, с. 143–155]. Одна из основных задач поисков в 2020 г. состояла в обследовании предполагаемого места расположения этой уникальной находки и определении характера и особенностей данного археологического объекта, так как это имеет важное значение для его характеристики и понимания всего комплекса известных артефактов «Каргалинского клада».

Методика исследований

Определение структур древних археологических комплексов Каргалинского историко-географического микрорайона производилось на основе сбора и анализа имеющихся архивных и библиографических материалов, топографических карт и дешифровки космических снимков горных плато левобережья р. Узын-Каргалы (рис. 2). В результате последующего натурного обследования археологи-

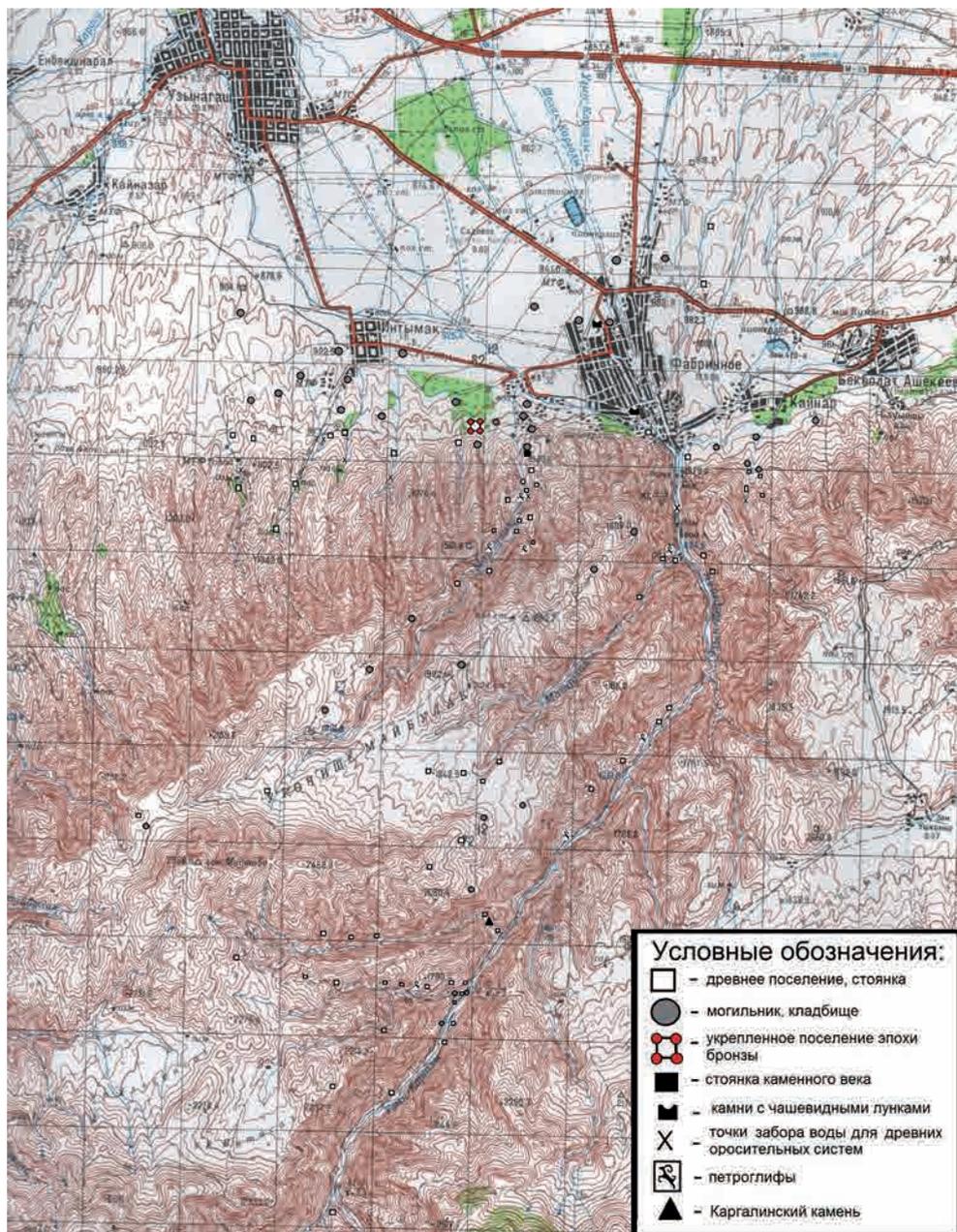

Рис. 2. Карта древних археологических памятников Каргалинского историко-географического микрорайона

Fig. 2. The map of ancient archeological monuments of Kargaly historical and geographical district

ческих объектов получены материалы для дальнейшей систематизации данных по хозяйственно-культурному освоению микрорайона в раннем же-

лезном веке. Выявлен и картирован наиболее крупный комплекс древних памятников в районе ущелья Жылысай в долине р. Узын-Каргалы.

В ущелье Ерменсай зафиксирован особый археологический объект «Каргалинский камень», который в ходе предварительных археологических раскопок был интерпретирован как место обнаружения древнего захоронения, известного как «Каргалинский клад». Памятник обследован, документирован, составлена предварительная графическая реконструкция его первоначального вида. Металлические изделия подвергнуты предварительному анализу технологии их производства и применения. Полученные в ходе работ данные позволяют представить необычную традицию погребальной практики населения региона в раннем железном веке.

Описание материалов разведки Каргалинского ущелья

Преыдушие исследования в предгорной зоне и устьях горных ущелий микрорайона выявили свыше 80 древних археологических памятников (рис. 2), среди которых были систематизированы материалы палеолитической стоянки Майбулак-V, укрепленного поселения бронзового века Майбулак-II, серии древних и средневековых поселений и стоянок на выходе и в устьях горных ущелий Кайнар, Каргалы, Майбулак и Ынтымак, а также древних могильников, серии «чашечных» камней и ирригационных сооружений (водозаборов, каналов, акведуков и т.д.) [Сараев, 2007, с. 120–128; 2017, с. 78–82; 2017а, с. 69–90; Таймагамбетов, 2008, с. 34–40].

Поселения бронзового века отмечены преимущественно на выходе из ущелий Кайнар, Майбулак и Ынтымак (рис. 3, 1–3). Они представляют собой серии площадок под хозяйственно-жилые подворья.

В них насчитывается от 10–12 до 15–20 жилых сооружений. Жилища устраивались у подножия склонов увалов и представлены полуземлянками квадратной и прямоугольной форм от 5×5 м до 8×6 м. Напротив каждого вдоль берега речек и ручьев просматриваются фрагменты каменных ограждений хозяйственных дворов овально-прямоугольных форм от 7×6 м до 20×10 м.

Наиболее крупным в регионе является укрепленное поселение Майбулак-II общей площадью свыше 15 000 м² (рис. 3, 2). Оно располагается на верхней надпойменной террасе левого берега р. Майбулак. Раскоп-траншеей 1987 г. произведена зачистка стенок оврага на протяжении 36 м, в глубину до 3,2 м, на юго-западном участке террасы раскопом площадью 220 м² исследован верхний строительный горизонт. В результате проведенных работ представлена стратиграфия памятника. Выявлено, что поселение на юго-западном и северо-западном участках террасы имело глинобитную оборонительную стену, сооруженную на фундаменте из крупного речного камня. На дне оврага расчищен жертвенник, представляющий собой круглый «стол» диаметром 1,1 м, вырезанный из глины. К поселению подводился арык от одноименного родника, расположенного в 800 м вглубь ущелья по его левому борту. Материалы контрольных раскопок показывают, что оно функционировало на протяжении всего андроновского и поздне-бронзового периодов.

Ярким памятником региона на выходе из ущелья Майбулак является комплекс разновременных и разнотипных объектов палеолита–неолита, эпохи бронзы и раннего железа Майбулак-V (рис. 3, 4). Холм – оста-

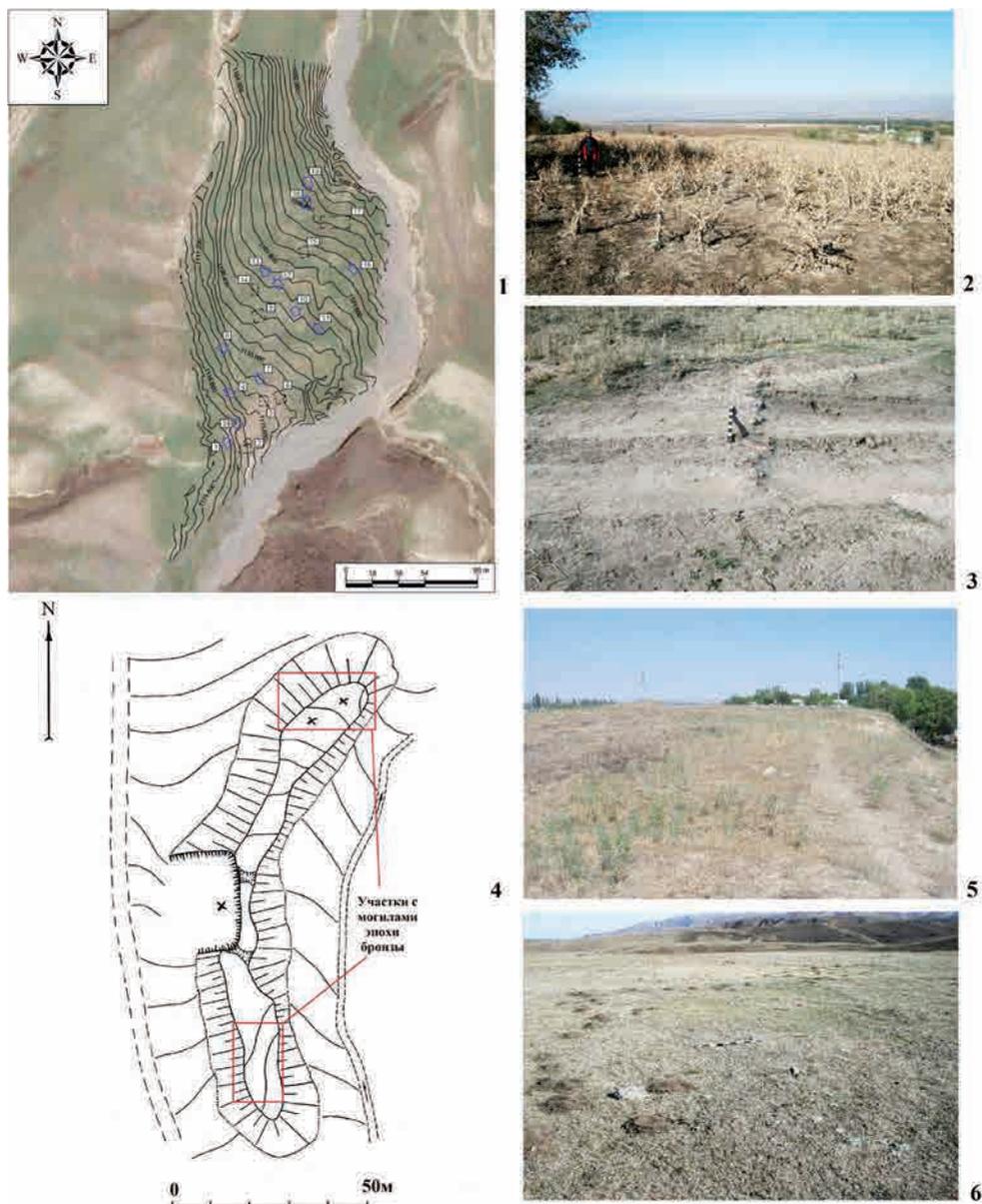

Рис. 3. Памятники эпохи бронзы предгорной зоны Каргалинского микрорайона:
 1 – топографический план поселения Кайнар-I (Гурулев М.В);
 2 – поселение Майбулак-II, вид на северо-запад; 3 – каменные конструкции жилища поселения Ынтымак-I, вид на восток; 4 – план-схема расположения могильника эпохи бронзы на комплексе Майбулак-V; 5 – могильник Каргалы-I, вид на север; 6 – могильник Ынтымак-II, вид на восток
 (фото 1 – Мотов Ю.А.; 2, 3, 5, 6 – Горячев А.А.)

Fig. 3. Monuments of the Bronze Age foothill area Kargaly district: 1 – topographic plan of the settlement Kaynar-I (Gurulev M.); 2 – settlement Maibulak-II, north-west view; 3 – stone structures of the dwelling of Yntymak-I, east view; 4 – schematic layout of the burial ground of the Bronze Age at Maibulak-V complex (Motov Yu.); 5 – Kargaly-I cemetery, view to the north; 6 – Yntymak-II cemetery, view to the east (photos 2, 3, 5, 6 – Goryachev A.)

нец правого борта ущелья представляет собой памятник с многослойной стоянкой каменного века. У его северо-восточного края выявлен древний, частично исследованный, могильник с разновременными погребениями эпохи бронзы и раннего железа.

Погребальные комплексы бронзового века расположены, как правило, к северу от поселений (рис. 3, 5, 6). Они занимают участки небольших возвышенностей в их южной части (Кайнар-I, Каргалы-I, Ынтымак-I, II). Исключение составляют могильники эпохи бронзы на выходе из ущелья Майбулак (Майбулак-III, V), устроенные к востоку от укрепленного поселения. Погребальные сооружения здесь представлены оградами округлой и квадратной форм от 2×2 м до 3×3 м. Могилы, размерами от 1×0,7 м до 1,5×1 м, в виде грунтовых ям и каменных цист прямоугольной формы, ориентированы по оси ЮЗ–СВ. Погребальные традиции (конструкции и обряд) и материалы (керамическая посуда и бронзовые изделия) могильников Кайнар-I, Каргалы-I, Майбулак-III и V, где производились археологические исследования, позволяют отнести эту группу объектов к федоровской традиции андроновской культурно-исторической общности эпохи бронзы региона [Мотов, 2007, с. 80–87].

Поселения раннего железного века существенно отличаются от памятников предыдущей эпохи. На выходе из трех ущелий Каргалинского микрорайона сохраняются только три таких памятника (Кайнар-I, Майбулак-I и Ынтымак-I), остальные группируются в устье и в глубине ущелий. В основной своей массе они занимают относительно ровные площадки у крупных скальных блоков

или массивов (рис. 4, 1–4). Расположение площадок таких стоянок именно у скал обусловлено климатическими условиями региона. Они имеют экспозиции южного направления, в зимнее время подвергаются более интенсивному прогреву солнечными лучами, чем ближайшее окружение. Наличие скальных нагромождений позволяет аккумулировать солнечное тепло, что создает локальный микроклимат с положительными температурами для проживания и содержания скота.

На поверхности иногда просматриваются каменные основания изгородей или стенок жилых и хозяйственных помещений [Сараев, Кожегулова, 2018, с. 28–29]. Обычно на них устраивались одно-два жилища с пристройками. Это дает основание считать их принадлежащими отдельным малосемейным группам древних скотоводов. Почти на каждом скальном выходе рядом с такими поселениями имеются наскальные рисунки раннего железного века, реже эпохи бронзы и средневековья (рис. 4, 5–7).

В отличие от этих стоянок поселения, расположенные на редких удобных для проживания площадках в устье боковых саев на стыке с основным ущельем, состоят из серии 8–10 жилых и хозяйственных помещений. Места для них выбирались с учетом возможных селевых сходов и паводковых аномалий на высоких площадках с южной экспозицией. Как правило, жилища врезались в склоны по берегу ручья, а по их контуру четко просматриваются каменные выкладки. Это были небольшие однокомнатные помещения размерами от 4×4 м до 7×5 м. Выяснить время существования стоянок и поселений в ущелье Узун-Каргалы позволили рекогносцировочные раскопки на стоянке

Рис. 4. Памятники раннего железного века предгорной зоны Каргалинского микрорайона: 1 – территория поселения Кайнар-I, вид на юг; 2 – поселение Майбулак-IX, вид на юго-восток; 3 – площадка поселения Кайнар Б в ущелье Узын-Каргалы, вид на запад; 4 – контрольный шурф до слоя жилища раннего железного века поселения Кайнар Б, вид на запад; 5 – фрагмент композиции со сценой охоты тигра близ поселения в урочище Майбулак; 6, 7 – сцены с изображением птиц и верблюда на скалах близ поселения в ущелье Узын-Каргалы; 8 – курганный могильник на выходе из ущелья Кайнар; 9 – курганный могильник на выходе из ущелья Майбулак (фото 1–4 – Горячев А.А.; 5–7 – Сараев В.В.; 8, 9 – Мотов Ю.А.)

Fig. 4. Monuments of the Early Iron Age in the foothill area of the Kargaly microdistrict: 1 – the territory of the settlement Kaynar-I, view to the south; 2 – settlement Maybulak-IX, view to the south-east; 3 – site of the settlement Kaynar B in the Uzyn-Kargaly gorge, view to the west; 4 – control pit to the dwelling layer of the Early Iron Age of the settlement Kaynar B, view to the west; 5 – a fragment of the composition with a tiger hunting scene near the settlement in the Maibulak tract; 6, 7 – scenes with birds and a camel on the rocks near the Uzyn-Kargaly gorge settlement; 8 – burial mound at the exit from the Kaynar gorge; 9 – burial mound at the exit from the Maibulak gorge (photos 1–4 – Goryachev A.; 5–7 – Saraev V.; 8, 9 – Motov Yu.)

Кайнар Б (рис. 4, 3, 4). Исследования показали, что оно возникло в поздне-сакский период как стоянка-зимовка древних скотоводов [Сараев, 2017а, с. 71].

Погребальные памятники этого времени расположены исключительно на выходе из горных ущелий, чаще всего на вершинах широких увалов у подножия горной гряды (рис. 4, 8, 9). Обычно они состоят из цепочек курганов раннего железного века с земляными насыпями полусферической формы и кольцевыми каменными выкладками по периметру. Такие могильники насчитывают от трех до трех десятков погребальных сооружений. Наиболее крупные комплексы являются продолжением могильников бронзового века (Кайнар-I, Каргалы-I, Майбулак-III, Ынтымак-I, II) и по своим внешним параметрам сопоставимы с курганами сакского времени [Ильдеряков, Ярыгин, 2020, с. 63, рис. 1; Нуржанов, Джумабекова, Базарбаева, 2020, с. 74–75, рис. 2–4].

Насыпи курганов раннего железного века насчитывают в диаметре от 3–4 до 25–30 м. Отмечены захоронения в могилах с подбоем или катакомбах. Обычно погребальная камера овальная, размером 2,3×1 м, глубиной до 1 м, вытянута по линии В–З. Умерших хоронили на спине, вытянуто, головой на запад. За головой устанавливалась посуда и вещевой материал (нож, пряслице). Среди костей погребенных отмечены многочисленные украшения (подвески, бляшки, бусы и т. д.). В захоронении кургана на могильнике Каргалы-I (диаметр – 18 м) обнаружен крупный керамический котел с двумя ручками. Исследованные курганы микрорайона позволяют предполагать их создание как в сакский период, так и в начале н.э. [Сараев, 2017а, с. 74–75].

В высокогорной зоне по левому берегу реки Узын-Каргалы узловой точкой, по периметру которой формировались древние археологические комплексы, являлась горная гряда Майтобе. Практически со всех ее сторон, кроме обрывистой западной, у ее подножия найдены древние поселения, характерные по структуре для семейно-родовых стоянок скотоводов раннего железного века (рис. 2). С южной стороны Майтобе они расположены в устьях горных саев, выходящих в ущелье Ерменсай, непосредственно до русла р. Узын-Каргалы. Два крупных поселения, насчитывающие 8–10 подворий, отмечены на восточном плече гряды в ущелье Акбастау (рис. 5, 1). Основная часть жилых конструкций представляла собой полуземлянки прямоугольной формы размерами от 5×4 м до 8×6 м, для хозяйственных – от 4×3 м до 5×5 м. Близ территории стоянок и поселений обнаружены серии сенокосов диаметром 6–8 м, что свидетельствует о вероятности их круглогодичного использования. Во всех случаях поселения и стоянки были устроены у родников горы Майтобе.

Погребальные комплексы раннего железного века отдельными курганами или группами до 3–4 насыпей устроены на вершинах небольших увалов или по бортам отдельных горных ущелий. Они представляют собой каменно-земляные сооружения округлой формы диаметром от 5–6 до 12 м, лишь в урочище Акбастау по северному борту ущелья Ерменсай обнаружены курганные насыпи диаметром до 20 м (рис. 5, 2).

Непосредственно на территории высокогорных плато Улькенсаз и Болексаз к югу от горы Майтобе археологических объектов зафиксировано не было, вероятно, в силу того, что эти участки горной зоны использовались

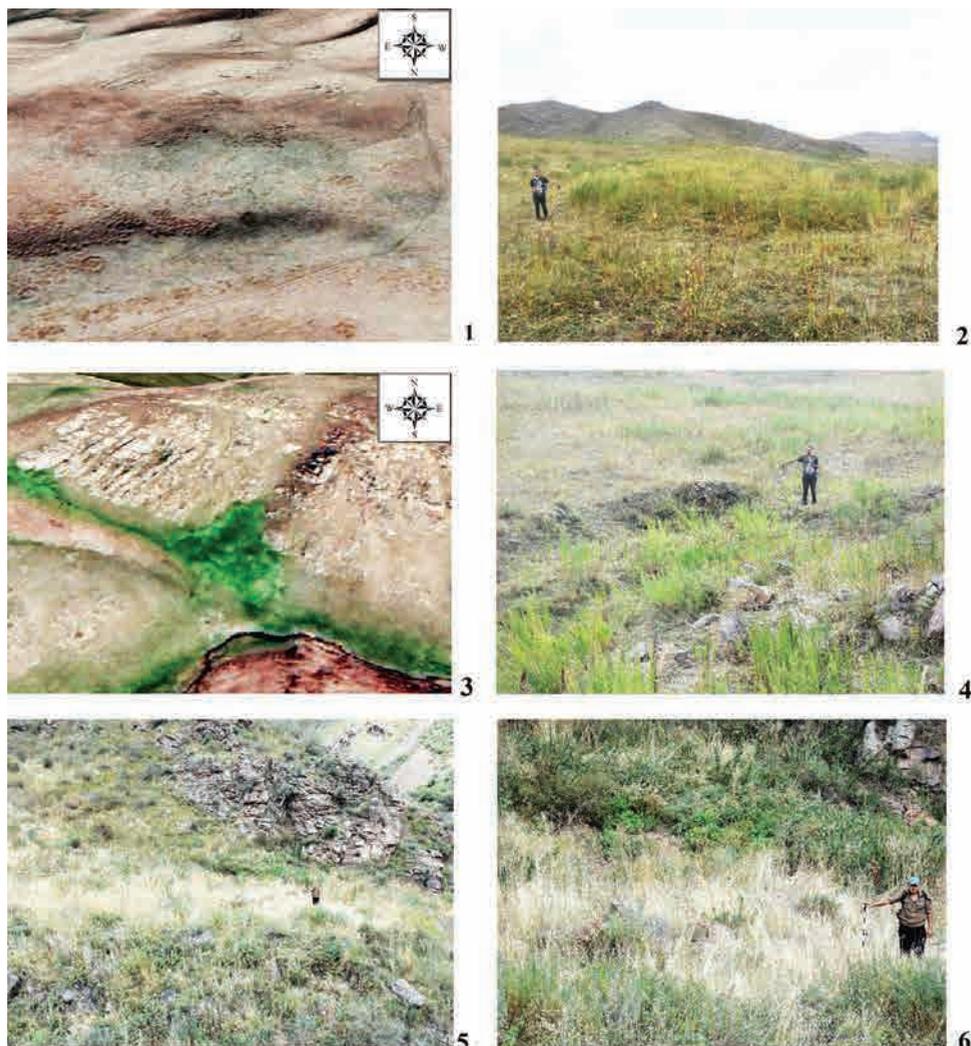

Рис. 5. Памятники раннего железного века горной зоны Каргалинского микрорайона: 1 – поселение Акбастау-I на космоснимке; 2 – курган по северному борту ущелья Ерменсай, вид на северо-запад; 3 – поселение в горной гряде по левому борту долины р. Узын-Каргалы на космоснимке; 4 – поселение на южных склонах горы Майтобе, вид на юго-запад; 5, 6 – древнее поселение в устье ущелья Ерменсай, вид на север (фото 2, 4–6 – Егорова Т.А.)

Fig. 5. Monuments of the Early Iron Age in the mountainous area of the Kargaly microdistrict: 1 – settlement Akbastau-I on the space image; 2 – the mound on the northern side of the Ermensay gorge, a view to the north-west; 3 – settlement in the mountain range on the left side of the valley Uzyn-Kargaly on the space image; 4 – settlement on the southern slopes of Maytobe mountain, looking south-west; 5, 6 – the ancient settlement at the mouth of the Ermensay gorge, looking north (photos 2, 4–6 – Egorova T.)

в древности исключительно в хозяйственных целях. Но на прилегающих к ним горных грядках и ущельях, входящих в долину р. Узын-Каргалы,

отмечено около 10 древних подворий, по структурной организации и характеру домостроительных традиций преимущественно раннего железного

века (рис. 5, 3, 4). Древние поселения, стоянки, могильники и петроглифы выявлены в ходе разведки в долине реки Узын-Каргалы от водозаборной плотины до развилки (места соединения основных притоков реки). На выходе из горных саев, где в древности имелись даже небольшие родники, отмечены следы отдельных стоянок, от которых сохранились западины полуземлянок и каменные основания фундаментов жилищ. Такие же стоянки встречаются в срединной части западного борта ущелья Узын-Каргалы. Параметры жилых и хозяйственных строений в них соответствуют описанным ранее семейно-родовым подворьям племен раннего железного века. Рядом с ними отмечены небольшие скопления наскальных рисунков, преимущественно с изображениями животных в традициях «звериного» стиля.

Примечателен хозяйственно-жилой комплекс у входа в ущелье Ерменсай, расположенный на 12 км вглубь ущелья от поселка Каргалы (14,5 км пешего маршрута вдоль реки). Древняя стоянка размерами 20×20 м, ориентированная углами по сторонам света, была устроена по левому берегу пересохшего ручья у подножия отдельной скальной гряды (рис. 5, 5, 6). Внутри она разделяется на три отсека. Вход в комплекс располагался с юго-восточной стороны и вел в большой коридорообразный отсек размерами 15×4,5 м, из которого просматриваются входы в два жилых помещения размером 8×6 м. Коридор шириной 1,5–2 м между стенками жилищ и внешней оградой стоянки охватывал их по всему периметру. Стенки оград и помещений выложены из крупных скальных блоков, вкопанных вертикально, вероятно, представляли собой

основание фундамента древнего до-мостроения. Второе подворье устроено в 50 м к северо-западу на верхней террасе. Оно представляло собой полуземлянку размерами 8×6 м, ориентированную по оси СВ–ЮЗ. С северо-западной стороны от нее просматривается выровненная площадка хозяйственного двора (6×4 м). Конструкции двора и жилища по периметру обложены крупными скальными валунами.

Наиболее крупный хозяйственно-жилой комплекс раннего железного века отмечен в 1,5 км выше по течению реки в устье ущелья Жылысай. Здесь были устроены два поселения в 100–300 м вглубь и две стоянки на выходе из него. По правому южному берегу одноименного ручья обнаружен могильник, напротив ущелья по берегу р. Узын-Каргалы устроены еще два крупных кургана (рис. 6, 1). Древнее поселение Жылысай-I расположено в устье ущелья на ровной площадке левого берега ручья, размерами 120×50 м, общей площадью 6000 м². Древние жилые комплексы устроены в три яруса по склону с южной экспозицией. На поверхности просматриваются каменные основания фундаментов жилых конструкций размерами от 6×5 м до 10×8 м и хозяйственных дворов округлой (диаметр – 12 м) и подпрямоугольной форм размерами 20×12 м. Ниже поселения по северному борту ущелья и левому берегу ручья прослеживаются каменные ограждения загонов для скота размерами 15×10(8) м (рис. 6, 2, 3). В 150 м вглубь ущелья на скалах отмечена серия петроглифов раннего железного века.

Поселение Жылысай-II расположено на выходе из ущелья по северному борту и занимает участок склона с южной экспозицией между

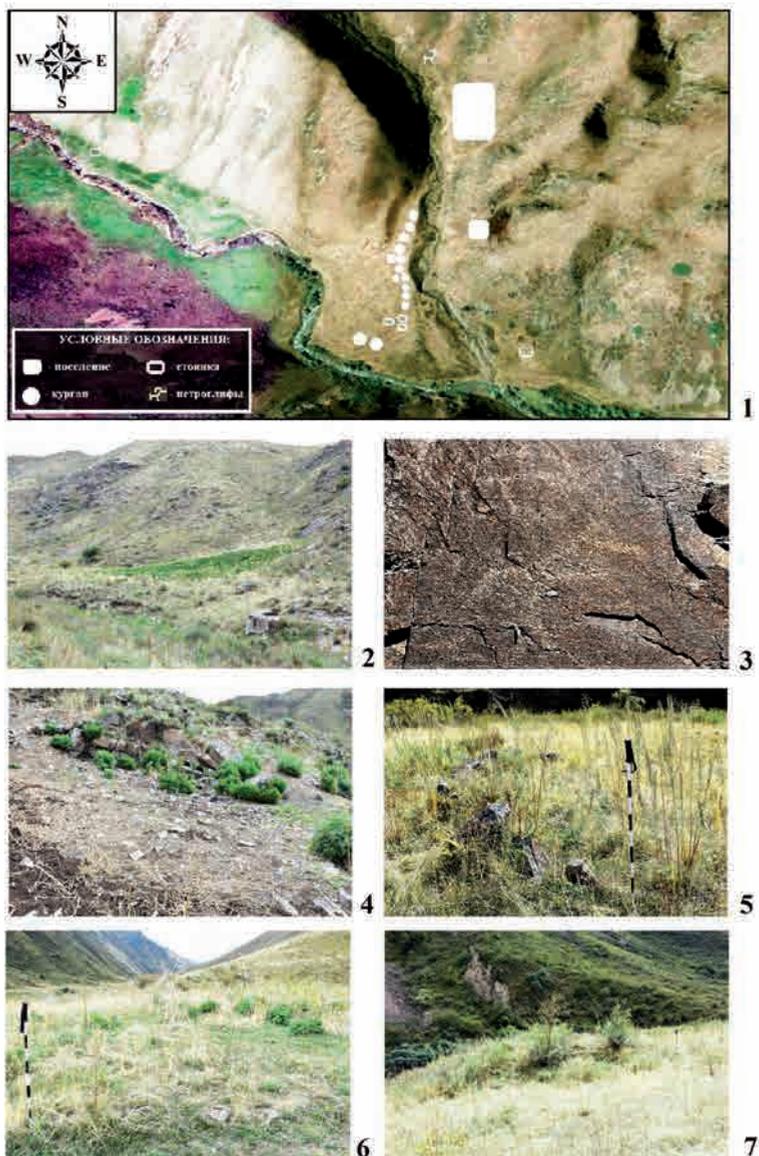

Рис. 6. Археологические памятники раннего железного века ущелья Жылысай:
 1 – план-схема расположения памятников в устье ущелья Жылысай на космоснимке;
 2 – общий вид на северо-запад поселения Жылысай-I; 3 – петроглиф раннего железного
 века на скале у поселения Жылысай-I; 4 – жилища площадки поселения Жылысай-II,
 вид на северо-восток; 5 – каменные конструкции жилища стоянки напротив входа
 в ущелье Жылысай, вид на восток; 6 – курган у входа в ущелье Жылысай по правому
 берегу ручья, вид на юг; 7 – курган по левому берегу р. Узун-Каргалы,
 вид на юго-восток (фото: 2, 4–7 – Егорова Т., 3 – Меньянбаев Е.)

Fig. 6. Archaeological monuments of the Early Iron Age in the Zhylyssay Gorge: 1 – plan-scheme
 of monuments location in the mouth of Zhylyssay gorge on the satellite image; 2 – general
 view to the north-west of Zhylyssay-I settlement; 3 – petroglyph of the Early Iron Age
 on the rock near Zhylyssay-I settlement; 4 – dwelling site of Zhylyssay-II settlement, view to the north-east;
 5 – stone structures of the dwelling site opposite the entrance to Zhylyssay gorge, view
 to the east; 6 – mound at the entrance to Zhylyssay gorge on the right bank of the stream,
 view to the south; 7 – mound on the left bank of the Uzyn-Kargaly river, view to the south-east
 (photos: 2, 4–7 – Egorova T., 3 – Menyanbaev E.)

двух скальных групп. Оно состоит из серии хозяйственных и жилых площадок, устроенных также в три яруса (рис. 6, 4). Контуры каменных конструкций хозяйственно-жилых комплексов занимают центральные площадки ярусов подпрямоугольной формы размерами 15×10 м, 14×5 м и 6×3 м, ориентированные по оси В–З. К востоку от них прослеживаются следы еще четырех полуземлянок размерами 7×5 м. К северу от жилых конструкций просматриваются конструкция загона для скота и хозяйственный двор общими размерами 15×12 м. Площадь обоих поселений активно использовалась в хозяйственных целях (сохранился каменный домик 1920–1930-х гг., выполненный в традициях близких к древним).

В 200 м к востоку от них на выходе из ущелья Жылысай с северной стороны у подножия западного борта ущелья Узын-Каргалы найдена небольшая стоянка (12×8 м), обнесенная по периметру каменной кладкой. На противоположном берегу ручья, напротив входа в ущелье, расположена еще одна стоянка из двух жилищ юртообразной формы диаметром 7 м. По контуру данные строения были обнесены крупными плитами, вкопанными на ребро (рис. 6, 5). Здесь обнаружены фрагменты керамической посуды, по технологии производства и формам схожие с керамикой раннего железного века, а также, по берегу ручья Жылысай, зафиксирован могильник из 13 (еще два сползли вниз и разрушились) курганов с каменно-земляными насыпями диаметром от 2 до 6 м и кольцевыми выкладками по периметру (рис. 6, 6). Курганы вытянуты вплоть до устья ущелья в две цепочки, ориентированные в общем направлении В–З. Восточнее стоянки

с юртообразными жилищами по левому берегу р. Узын-Каргалы отмечены два крупных кургана (диаметром 15 и 12 м). Насыпи курганов каменно-земляные, оплывшие, задернованы, в верхней части уплощены (рис. 6, 7). По периметру насыпей и в 1,5–2,5 м от них прослеживаются кольцевые каменные ограды. Малый северный курган имеет следы современных попыток ограбления.

Выше по течению р. Узын-Каргалы, вплоть до развилки, большинство поселений и стоянок сосредоточены по правому восточному борту ущелья, преимущественно на выходе из горных ущелий и саев с родниками. Примечательно, что близ двух таких поселений обнаружен могильник раннего железного века, состоящий из серии курганов, насыпи которых сложены полностью из камней. Параметры таких насыпей варьируют от 5–6 м до 15 м, по их периметру также прослеживается кольцевая каменная ограда. Часть курганов засыпана камнями, насыпь самого крупного частично разобрана по центру.

Описание материалов исследований Каргалинского камня

После обнаружения в 1939 г. так называемого «Каргалинского клада» дальнейшие исследования этого, несомненно, интересного археологического объекта не проводились. В связи с этим, кроме анализа части вещевого материала данного объекта, другие сведения о нем ограничивались предварительным заключением археолога Б.Н. Дублицкого, датированным концом октября того же года [Дублицкий, 1939, с. 24–25], согласно которому место находки располагалось по левому берегу р. Узын-Каргалы в горном ущелье близ урочища Мынг-Ошакты

в 15 км к юго-западу от Суконного комбината (южная окраина пос. Фабричный). Как в дальнейшем выяснилось, данное заключение изобиловало определенными неточностями и в указании расстояния до объекта (15 км – это расстояние до верховьев ущелья, сама находка оказалась ближе), и в описании погребального комплекса (он объявлен случаем горного обвала, в результате которого погребенный оказался под завалом и был «разграблен» животными). Вероятно, причиной таких преднамеренных неточностей явилось желание автора защитить от возможного уголовного преследования людей, обнаруживших захоронение и сдавших эту находку государству.

В этом же заключении Б.Н. Дублицким высказана идея произвести весной 1940 г. аварийные раскопки подкаменного пространства на глубину 30–50 см. Это свидетельствует о понимании им обнаруженных находок как части погребального комплекса, который необходимо было исследовать. Однако в связи с арестом и осуждением за антисоветскую деятельность воплотить эти планы ему было не суждено. Точных сведений, в каком из ущелий следует искать место Каргалинского захоронения, не сохранилось. В результате за последующие 40 лет обстоятельства находки «обросли» невероятным количеством «шумовой» информации, вплоть до литературных маргиналий, которые полностью исказили как обстоятельства, так и условия обнаружения столь значимого в отечественной истории археологического комплекса.

Одним из авторов настоящей работы (В.В. Сараев) еще в конце 1970-х гг. был начат сбор сведений о Каргалинской находке, который позволил при сопоставлении получен-

ных сведений с экспертным заключением Б.Н. Дублицкого и первичным описанием А.Н. Бернштама прийти к выводу, что этот археологический объект мог находиться исключительно в ущелье Ерменсай, ограничивающим хребет Майтобе с юго-восточной стороны (рис. 7, 1). Это действительно труднодоступное, поросшее значительным количеством колючих кустарников ущелье, по бортам которого имеется серия скальных гротов, а на дне несколько крупных валунов, сорвавшихся со склонов. Оно оказалось достаточно обжитым в древности и средневековье: на его территории обнаружено шесть хозяйственно-жилых подворий, расположенных в основном в его средней и верхней части (рис. 7, 2, 3). Они были привязаны к действующим родникам и ручью Ерменсай. Однако все коммуникации и хозяйственная деятельность производились на территории близлежащих урочищ, а также по южным склонам горы Майтобе, поскольку выпас скота в ущелье невозможен из-за значительной массы крупных глыб и камней, рассеянных практически по всей его площади.

В июле 2019 г., благодаря энтузиазму и желанию собрать историю края и сделать доступной для общественности, местный житель и журналист-краевед Е.Б. Менямбаев (на основе консультаций с В.В. Сараевым) в нижней части ущелья, в 500 м к западу от р. Узын-Каргалы, в 13 км к юго-западу пос. Каргалы обнаружил крупный скальный блок с развалом каменных конструкций под ним, подходящий под описание, составленное Б.Н. Дублицким в своем заключении. В полевом сезоне 2020 г. (июль–август) авторами в составе Каратауского научного отряда Инсти-

тута археологии им. А.Х. Маргулана произведено обследование данного объекта, получившего предварительное название «Каргалинский камень» (рис. 7, 4).

Каргалинский камень представляет собой глыбу, отколовшуюся от вершинной скальной гряды южного борта ущелья и сползшую под тяжестью своей массы вниз на берег горно-

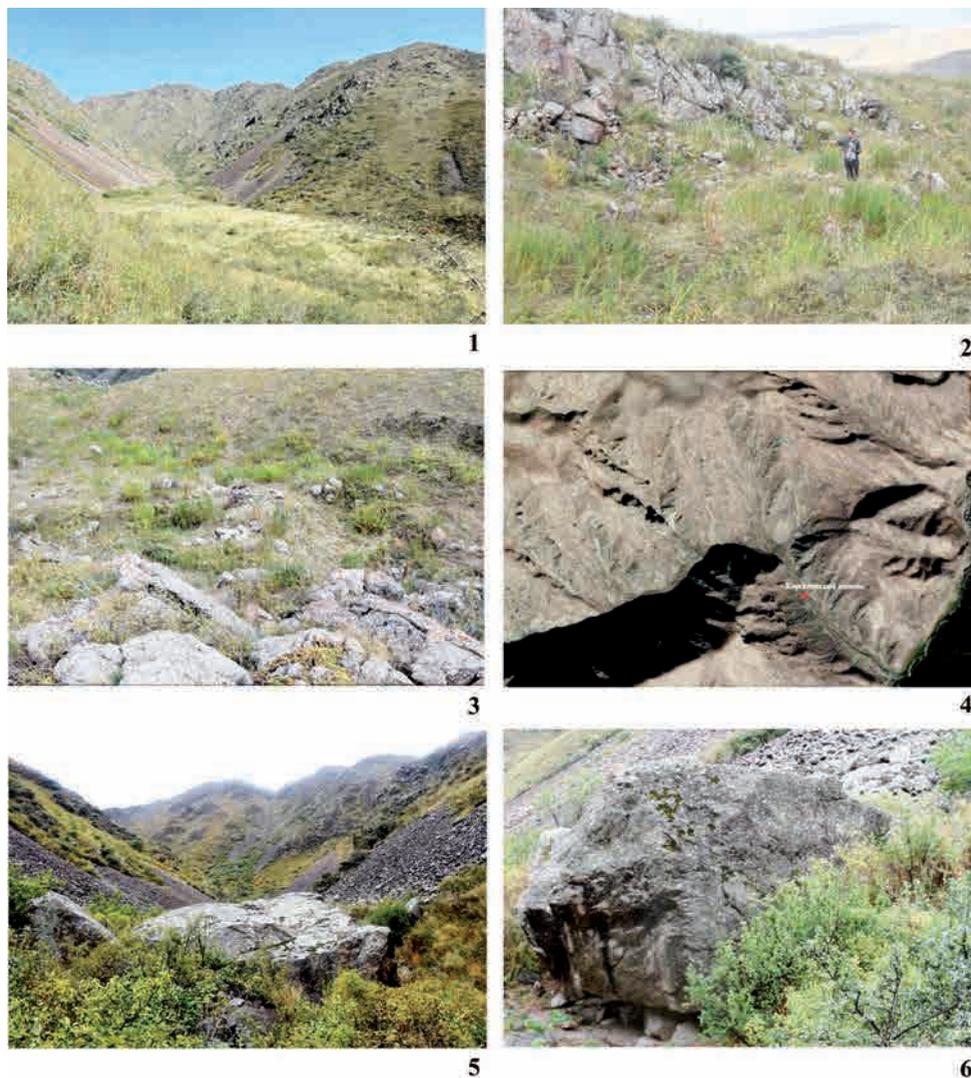

Рис. 7. Археологические памятники раннего железного века ущелья Ерменсай: 1 – вид на запад устья ущелья; 2 – поселение Ерменсай-III, вид на северо-восток; 3 – поселение Ерменсай-V, вид на юго-восток; 4 – местоположение Каргалинского камня в ущелье на космоснимке; 5 – Каргалинский камень, вид на запад; 6 – Каргалинский камень, вид на юго-восток (фото: 1 – Горячев А.А.; 2, 3 – Филиппенко С.С.; 5, 6 – Егорова Т.А.)

Fig. 7. Archeological monuments of the Early Iron Age in the Ermensay gorge: 1 – west view of the gorge mouth; 2 – Ermensay-III settlement, north-east view; 3 – Ermensay-V settlement, south-east view; 4 – Kargaly rock location in the gorge on the satellite image; 5 – Kargaly rock, west view; 6 – Kargaly rock, south-east view (photo: 1 – Goryachev A.; 2, 3 – Filippenko S.; 5, 6 – Egorova T.)

го ручья (рис. 7, 5, 6). Упавшая, вероятно, вследствие землетрясения, она остановилась на дне ущелья, опираясь на крупные камни, образовала нишу – своеобразный грот (собственно по геологической терминологии гротом его назвать нельзя – это очевидно не карстовое образование). Данная ниша между двумя опорными скальными блоками, представляет собой «щель», ориентированную по оси СВ–ЮЗ, размерами ~8 м в длину, 2–2,5 м в ширину и 50–77 см в высоту. В ней видны остатки каменных перегородок, в средней части между которыми видны следы старых перекопов грунта. Зафиксированы полуразрушенные каменные стенки по всему периметру Каргалинского камня (с южной стороны по берегу – каменная наброска, перекрывавшая щель между скальным блоком и почвой). Перед ним с северной стороны отмечена выровненная площадка между крупными скальными валунами, полукругом примыкавшими к объекту.

Данные признаки совокупно с выявленными артефактами послужили основанием предполагать, что именно этот археологический объект является тем самым местом, где в 1939 г. был найден так называемый «Каргалинский клад». В результате некомпетентного вмешательства лицами, обнаружившими объект, захоронение в центральной части было выкопано. Кости скелета предположительно погребены заново вне могилы. Каменные конструкции с восточной стороны разворочены. Следует допустить, что камни, лежащие перед входом в нишу, составляли некогда кладку, закрывавшую этот вход, впоследствии разрушенную. В ходе последних исследований установлено, что среди местного населения этот

объект получил название «Каратас» и неоднократно перекапывался. В различных частях пространства под камнем и на площадке перед ним обнаружены монеты 1948, 1953 и 1961 гг., а также вилка, чайник, упаковка от рыбных консерв, полиэтиленовый пакет из-под молока и спичечная этикетка, которые имели маркировки начала 1970-х гг. Под ним и вблизи найдены лом и нож, подобные тем, что производились в кузнечной мастерской суконного комбината пос. Фабричный до середины 1970-х гг.

На археологическом объекте произведены полные обмеры комплекса и рекогносцировочные раскопки. По внешним данным Каргалинский камень представляет собой скальный блок пятиугольной формы со следующими параметрами: северная сторона ориентирована по оси З–В – 6,2 м (высота – 4,6 м), восточная сторона ориентирована по оси ЮЗ–СВ – 5,87 м (высота – 3,1 м), южная сторона ориентирована по оси ЮВ–СЗ – 2,80 м (высота – 2,1 м), западная сторона ориентирована по оси ЮЗ–СВ и Ю–С – 7 м и 5,7 м (высота – 3,6 м). Скальный блок опирается на два крупных валуна у северного края примерно посередине с небольшим смещением к востоку, что привело к образованию ниши (рис. 8, 1). Параметры ее у входа по северной стороне 4,7 м, h (З) – 73 см; h (В) – 57 см и по восточной стороне 3,5 м, h (Ю) ~75 см; h (С) – 1,3 м. Параметры общего пространства под камнем: по оси З–В по центру – 5,8 м (h – 35–85 см); по оси С–Ю по центру – 3,8 м (h – 75 см); с западного края – 5,7 м (h – 35 см), по внутренней стороне ниши 7 м по оси СВ–ЮЗ (h – 23–77 см). Параметры скального валуна, составившего опору Каргалинского камня – 86 см

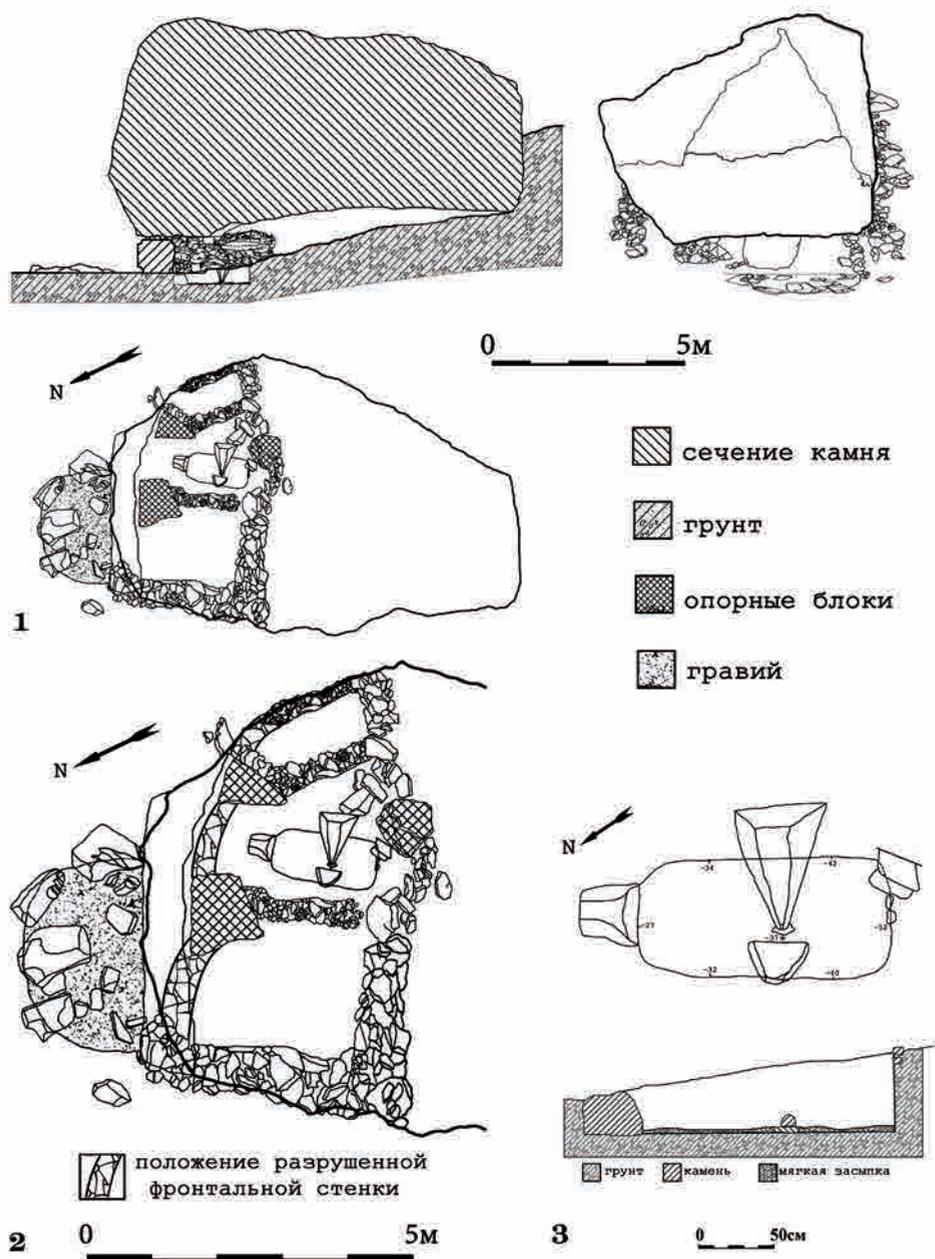

Рис. 8. Реконструкция погребально-поминальных конструкций под Каргалинским камнем «Каратас»: 1 – графические проекции внешнего вида; 2 – ритуальная площадка и устройство погребальной камеры; 3 – план и разрез могильной ямы (графика: 1, 2 – Чернов М.А.; 3 – Горячев А.А.)

Fig. 8. Reconstruction of the burial and memorial structures under the Kargaly stone "Karatas": 1 – graphic projections of the facade of the Kargaly stone; 2 – ritual site and the device of the burial chamber; 3 – plan and section of the burial pit (graphics: 1, 2 – Chernov M.; 3 – Goryachev A.)

(ЮВ–СЗ)×105 см (ЮЗ–СВ)×110 м (СВ–ЮЗ)×140 см (ЮВ–СЗ). Перед скальным блоком была организована выровненная площадка полукруглой формы размерами 4,8×3,6 м (рис. 8, 2). По периметру площадки просматриваются выходы крупных скальных валунов берегового основания устья ручья, а пространство между ними заполнено землей и щебнем, среди которых, помимо следов современного посещения комплекса, обнаружены два фрагмента обгорелого дерева с выровненными сторонами с одного края.

Внутри под скальным блоком зафиксированы следы двух каменных выкладок в восточной и западной части ниши, которые условно разделяли все подкаменное пространство на три сектора. В высоту они поднимались от поверхности почвы до нижней плоскости лежащего сверху скального блока. Центральная часть между каменными кладками составляла погребальную камеру подовальной формы, сложенную из камней и валунов и скрепленную глинистым раствором. Западная стенка погребальной камеры начиналась от основного опорного камня в северной части Каргалинского камня. Кладка и верхняя часть опорного блока скреплены между собой глинистым раствором. С южной стороны кладка продолжена вплоть до другого крупного скального блока, на котором он держался по центру. К данной опоре с восточной стороны примыкала группа из двух валунов крупных размеров, не служивших подпорками и не имевших контакта с нижней плоскостью скального блока. От восточного края этих валунов в северном направлении выстроена восточная стенка, наиболее сильно разрушенная в результате ограблений 1930–1970-х гг. Эта клад-

ка упиралась в восточный опорный крупный валун в северной части Каргалинского камня. Созданная таким образом погребальная камера составляла в длину по оси ЮЗ–СВ – 275 см и ширину в ЮЗ части – 230 см, а в СВ – 180 см (рис. 8, 2).

Вдоль северо-западной стенки конструкции устроена могильная яма размерами 170×80 см, ориентированная по оси ЮЗ–СВ. Ее смещение связано с тем, что по центру и восточную часть погребальной камеры занимал крупный валун, нижняя часть которого доходила до дна могилы (рис. 8, 3). Несмотря на неоднократные перекопы удалось установить, что сверху могила перекрывалась настилом из переплетенных ветвей кустарника и тростниковой соломы (своеобразный мат). Настил прослеживается на 10–15 см за пределами могильной ямы (до северо-западной стенки). За пределами настила в юго-западной части погребальной камеры отмечены сухие стебли хвощевой эфедры (определение С.А. Нигматовой). Стенки и дно могильной ямы обмазаны глинистым раствором. Дно могильной ямы (СВ – 27 см, ЮЗ – 52 см) в толщину до 5 см выстлано слоем ветвей эфедры. В ходе расчистки внутри могильной ямы обнаружены изделия из металла желтого цвета – круглая выпуклая бляшка крупных размеров (14,5 мм) и тонкая плоская пластинка (25 мм).

Справа от погребальной камеры до западного края скального блока образовался сектор ниши: по северной стороне – 160 см, западной – 310 см; южной (по оси ЮЗ–СВ) – 205 см, восточной – 135 см. Его заполнение – кладка из крупных камней и плит, укреплявших снаружи стенки погребальной камеры, которая сооружалась на глиняной основе и, вероятно, пре-

дотвращала проникновение осадков в центральную часть. По западному борту ниши между землей и скальным блоком обнаружены остатки каменной кладки. Восточную стенку сектора составил валун, на который опирается Каргалинский камень. Здесь, помимо следов «грабителей» (нож), отмечены кости грызунов, мелкого рогатого скота и зубы лошади.

Левый (восточный) сектор ниши образовался между внешней выкладкой по краю камня и восточной стенкой погребальной камеры. Его параметры – с северной стороны – 145 см, восточной – 350 см; западной – 330 см; южной – 130 см. Зафиксирована каменная кладка на глиняной основе в глубину до 50 см, которая, вероятно, также играла роль внешней обкладки погребальной камеры, но была особенно сильно разрушена по центру и с северной стороны. Часть конструкций стенок найдена за пределами камня, а часть составляла заполнение верхнего слоя сектора. Вокруг одного из них обнаружено 11 золотых округлых нашивных бляшек разных диаметров (от 7,4 мм до 14,5 мм) и три фрагмента золотой фольги в мятом состоянии. Все изделия имеют вмятины и иные механические повреждения. Вероятно, они были утеряны «кладоискателями» во время изъятия вещей из погребения, поскольку именно с этого края камня имеется удобное пространство, где могут свободно поместиться 3–4 человека, оставаясь под прикрытием нависающего камня.

Вещевой материал, обнаруженный под Каргалинским камнем, представлен золотыми предметами в количестве 16 штук, которые типологически можно разделить на две группы (рис. 9). Первая – круглые и выпуклые, и вторая – плоские, неопределённой формы. Все изделия: и сегментарно

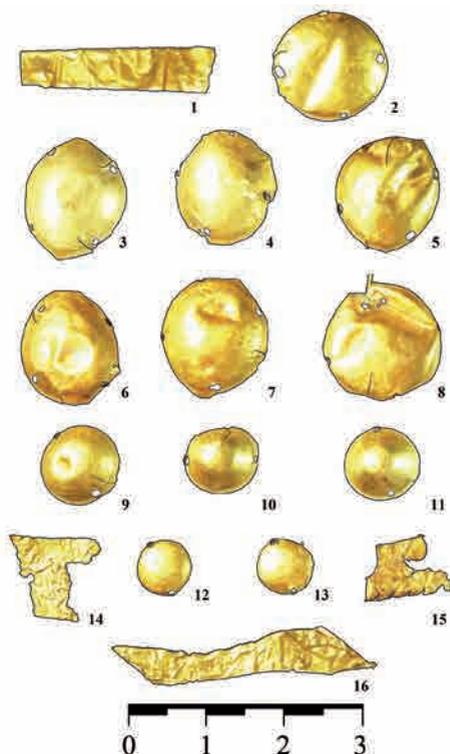

Рис. 9. Золотые изделия из раскопа 2020 г. под Каргалинским камнем: 1, 2 – бляшка и пластина из перекопа погребения; 3–16 – бляшки и пластины из каменного завала в восточной части комплекса (фото и графика – Чернов М.А.)

Fig. 9. Gold items from the excavation of 2020 under the Kargaly stone: 1, 2 – plaque and plate from the recess of the burial; 3–16 – plaques and plates from the stone burial in the eastern part of the complex (photo and graphics Chernov M.)

сферические бляшки, и декоративные пластинки выполнены из листового металла, толщина которого колеблется в пределах от 0,1 мм до 0,13 мм. Такая толщина была достигнута посредством предварительной проковки листовой заготовки, с последующим вытягиванием на гладкой и жёсткой поверхности при помощи утюжков-лощил. При большом увеличении на поверхности изделий видны сохранившиеся разнонаправленные микробороздки и царапины.

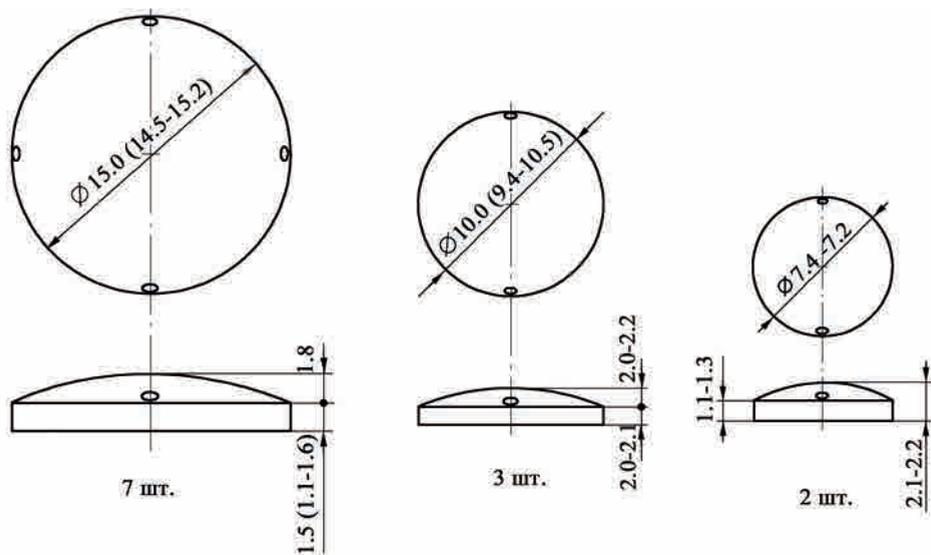

Рис. 10. Типология каргалинских бляшек по размерам (графика – Чернов М.А.)

Fig. 10. Typology of plaques from Kargaly in size (graphic of Chernov M.)

Круглые нашивные бляшки (рис. 9, 2–13) не полусферической, а сегментарно-сферической формы, т.е. их выпуклость имеет высоту меньше радиуса образующей сферы, а плоскость основания не проходит через центр собственно этой сферы. Бляшки подразделяются по размерам (рис. 10). Основным группирующим фактором является их диаметр. По этому признаку их можно подразделить на три группы: крупные диаметром 14,5 мм – 7 экз.; средние (9,5–10,5 мм) – 3 экз.; малые (7,4 мм) – 2 экз. Единство формы, размеров и технологических признаков говорит о том, что все изделия матричного производства, а разница в диаметрах указывает на количество матричных форм.

Если предположить, что эти изделия использовались для украшения костюма погребенного, то становится очевидным группирование и по способу фиксации на элементах костюма. Круглые и выпуклые бляшки (12) име-

ют по краям отверстия и, безусловно, пришивались к ткани, либо к коже. Плоские пластины (4) не имеют отверстий и предположительно использовались для плакирования.

Все бляшки выполнены по единому технологическому принципу, сходному с басманным тиснением, возможно с применением пуансона (рис. 11). Срезывание облоя (избыточного металла по краям) производилось остро заточенным ножом. Все бляшки имеют кроме выпуклой поверхности боковую стенку, различной высоты для разных диаметров бляшек соответственно: 2 мм; 1,5 мм; 1,3 мм и 1,1 мм и идущую вертикально к основанию. Отверстия под иглу по бокам бляшек делались непосредственно перед нашиванием их на костюм. Данная операция производилась металлическим шилом на плотной, но проницаемой для шила подложке. Возникшие по краям отверстий заусенцы довольно высокие, и потому

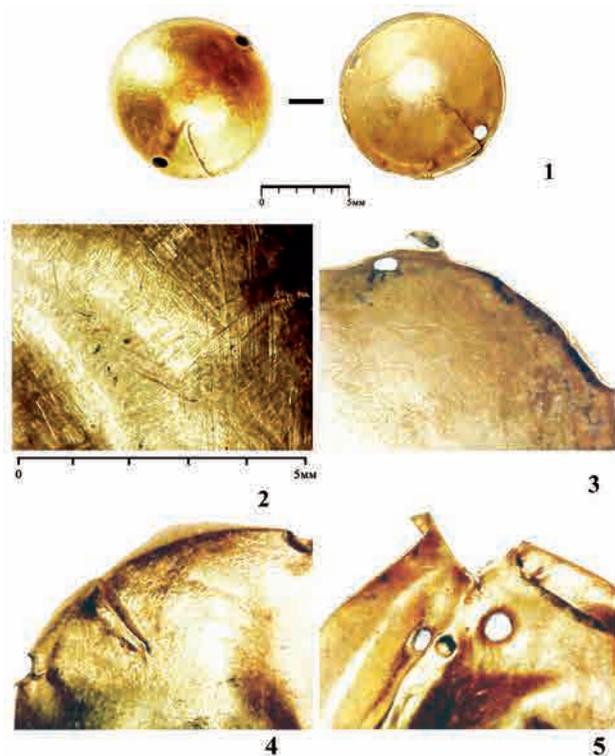

Рис. 11. Детали производства и повреждений каргалинских золотых бляшек (фото Чернов М.)

Fig. 11. Details of production and damage of the Kargaly gold plaques (photo Chernov M.)

что они не удалялись и не обрабатывались в мастерской ювелира-торевта, можно предположить, что работы по украшению костюма производились в сжатые сроки и без расчета на ношение, иначе острые неровные края заусенец способствовали бы быстрому износу нитей в условиях бытового пользования. По внешним данным (метрические параметры и технологические признаки), обнаруженные бляшки являются идентичными тем, что входят в состав Каргалинского клада. Более того, аналоги этим изделиям можно выделить в материалах комплекса Чирик-рабат в Приаралье, датированного III–I вв. до н.э. [Археология Казахстана, 2006, с. 61].

Плоские изделия в количестве 4 экз. (рис. 9, 1, 14–16), обнаруженные на месте исследования, несмотря на деформированность поверхности, сохранили конструктивный элемент, позволяющий выделить лицевую и тыльную стороны. Им является прогиб края пластины со стороны реза. У всех пластин имеются края заданной формы наряду с краями случайной конфигурации, образовавшимися в результате разлома или разрыва металла. Они получены при раскрое листа металлической фольги на плотной, но не твердой подложке по определенному замыслу рисунка. В этом качестве могли использоваться древесина, либо кожа крупных животных. Камень, металл, войлок исключаются.

Пластины имеют различную линию силуэта от простой прямой до сложной резной. Края ровные плоские, исключение могут составить только случайные загибы. Следов преднамеренного загибания/подворачивания краёв с целью крепления к основе не наблюдается. Также на пластинах не имеется отверстий, указывающих на возможное их пришивание к основе. Таким образом, методом исключения можно предположить как способ крепления пластин к основе – приклеивание по типу аппликации [Грязнов, 1958, рис. 47]. Такой способ плакирования возможен не только на металлическую или деревянную основу. Посредством животного клея

или клея на основе смол органического или минерального происхождения металлическая фольга малыми элементами могла быть наклеена/нанесена на кожаные пластины. Последние, в свою очередь, могли быть присоединены различными способами (шитьё, скобы, гвозди) на матерчатую или более жесткую (дерево) основу. Известны находки в Пазырыкском комплексе предметов из войлока (седельная подушка) с сохранившимися на них фрагментами серебряной/оловянной фольги [Завитухина, 1977, с. 33].

Закреплённые на коже посредством клея небольшие детали декора вполне способны, без ущерба для целостности, выдержать некоторые деформационные нагрузки, тем более что с уменьшением размера детали из фольги снижается и коэффициент напряжения, возникающего при некотором изгибе основы из кожи, ткани или нетканого материала. Большой удачей можно было бы считать обнаружение следов клеящего вещества на пластинах фольги. Но длительный срок нахождения объектов, практически в экстремальных условиях, вряд ли оставил шансы на сохранность органических соединений, особенно животного происхождения. Бактерии и другие микроорганизмы, вероятно, полностью уничтожили эти следы.

Как всякое украшение, пластины из фольги представляли некий образ (рис. 12). Первая пластина подпрямоугольной формы, длиной 25 мм и шириной на концах 4,5 и 6,0 мм. Широкий конец данной полоски имеет характерную линию обрыва, остальные три имеют край, описанный выше. Следовательно, узкий – был окончанием полоски, и вся пластина могла быть конечностью некоего копытного животного (рис. 12, *1a*, *1б*). Подобно-

го типа конечности можно наблюдать у фигур оленей из листов золотой фольги из Кобяковского кургана [Гугуев, 1992, с. 116–129].

Вторая удлинённая пластина длиной 34 мм и шириной на концах 5,5 и 4,3 мм имеет сложную форму, но в упрощённом виде близка к форме вытянутого параллелограмма. Плавные изгибы краев по длине создают подобие вытянутой шеи птицы из рода гусиных. Окончание этой пластины с более узкой стороны напоминает стилизованную голову птицы упомянутого рода (рис. 12, *2a–z*). Из четырех имеющихся пластин эта имеет обрезные края со всех сторон, что говорит о завершенности её формы. И если она не несет в себе целостного образа, то могла бы быть его деталью в случае составного мозаичного решения. Надо отметить, что узкий/острый угол со стороны более широкого конца этого условного параллелограмма подвергся дополнительному подгибанию краёв, что возможно только при подгонке детали под заданные параметры. Как вариант – эта пластина своей формой могла бы отвечать и элементу растительного образа.

Третий фрагмент пластины самый маленький, но и самый интересный по форме. Пластина длиной 11 мм и шириной 7 мм имеет ещё одну сторону с ровным краем обрезки длиной 6 мм и параллельную большую сторону. Это делает общую конфигурацию пластины близкой к форме трапеции. Несмотря на малый размер, на этой пластине отслеживается наибольшее количество декоративных элементов. Широкая сторона условной трапеции украшена пилообразной прорезкой. Зубцы этой прорезки изящно и плавно изогнуты в едином ритме и напоминают стилизованное изображение

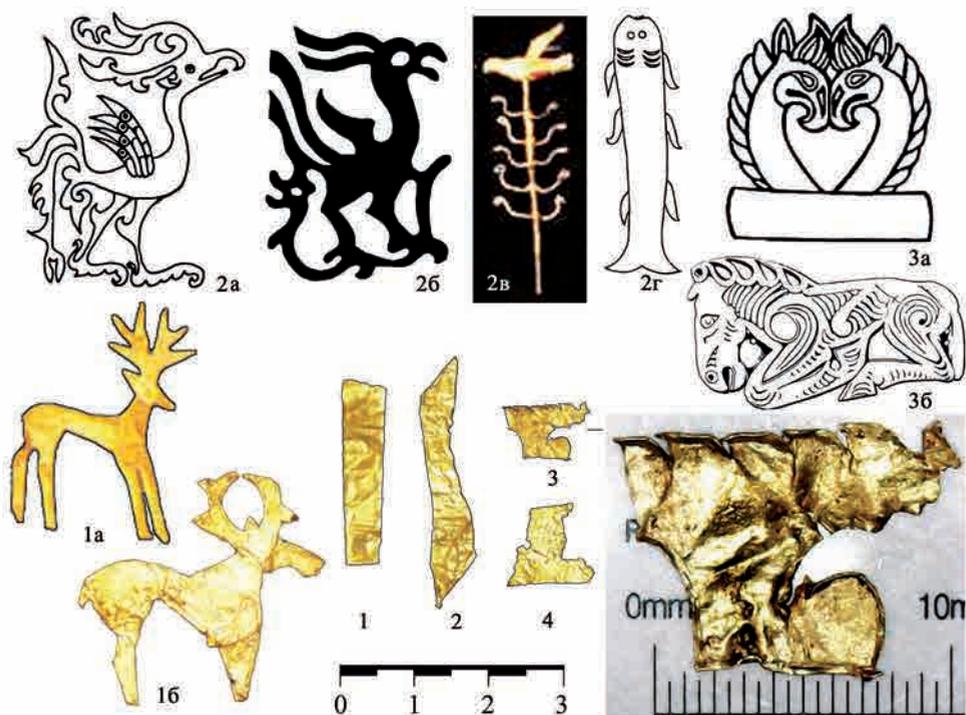

Рис. 12. Возможное функциональное применение золотых пластин:
 1–4 – золотые пластины из фольги Каргалинского камня; 1а – Кобьяковский курган (по: [Гугуев, 1992]); 1б – курган у станции Усть-Лабинской (по: [Засецкая, 1975]);
 2а – Пазырык (по: [Артамонов, 1973; Полосьмак, 1994]); 2б – бронзовый китайский сосуд (по: [Полосьмак, 1994]); 2в – курган Иссык (по: [Акишев К.А., 1978]);
 2г – Аржан, курган 2 (по: [Руденко, 1953]); 3а – Ак-Алаха (по: [Полосьмак, 1994]);
 3б – Саглы-Бажи, курган № 13 (по: [Грач, 1980])

Fig. 12. The possible functional use of the Kargaly Rock gold plates:
 1–4 – gold plates from the Kargaly Rock foil; 1a – the Kobayakov barrow (by: [Guguev, 1992]); 1b – the barrow near the Ust-Labinsk station (by: [Zasetskaya, 1975]);
 2a – Pazyryk (by: [Artamonov, 1973; Polosmak, 1994]);
 2b – Chinese bronze vessel (by: [Polosmak, 1994]);
 2c – Issyk barrow (by: [Akishev K.A., 1978]); 2g – Arzhan, barrow 2 (by: [Rudenko, 1953]);
 3a – Ak-Alakha (by: [Polosmak, 1994]); 3b – Sagly-Bazhy, barrow № 13 (by: [Grach, 1980])

гривы животного. Всего таких зубцов на протяжении 11 мм разместилось шесть, из них пять в хорошем состоянии, и только один крайний сохранился фрагментарно. Сторона длиной 6 мм имеет обрезной прямой край, от концов которого, под углом близким к 90°, идут дугобразные линии прорезки, напоминающие орнаментальные декоративные мотивы (рис. 12, 3а, 3б). На середине ширины пластины дугобразные линии прерываются,

и от них идёт линия разрыва/излома до соединения с большей стороной. Таким образом, эта пластинка имеет наименьшую, по отношению к периметру, линию разлома. Тем не менее, завершённого образа не считается, понятно только то, что это часть большой декоративно разработанной фигуры.

Четвёртый фрагмент – пластинка с линейными параметрами 12×10,2 мм может быть охарактеризо-

вана как фрагмент параллелограмма, сохранившаяся часть которого имеет два угла (острый и тупой) и край обрыва сложной конфигурации. Эта линия обрыва придала фрагменту форму печатной заглавной латинской буквы «L», у которой верхний и нижний края образованы линией реза. Левая сторона довольно аккуратного слома и только правая образовалась сочетанием линий фигурного реза и бесформенного разрыва. Интерпретация данного фрагмента весьма затруднена невозможностью представить форму декоративных прорезок.

Обсуждение результатов

Анализируя результаты исследований по Каргалинскому микрорайону, следует отметить, что предгорная зона и устья горных ущелий были задействованы в древности (эпоха бронзы и ранний железный век) земледельцами, которые строили крупные поселения (Кайнар-I, Майбулак-I, Ынтымак-I и II) вплоть до укрепленных (Майбулак-II). Так или иначе, все эти поселения, начиная с эпохи бронзы, привязаны к водозаборам древних ирригационных сооружений, и их водоснабжение производилось за счет каналов и арыков, доставлявших воду из родников. В структуре поселений бронзового века насчитывается до 10–12 хозяйственно-жилых подворий, состоявших из жилищ-полуземлянок, хозпостроек и дворов, обозначенных на поверхности каменными кладками.

В раннем железном веке количество подворий на поселениях становится меньше, но численность самих поселений увеличивается, что свидетельствует об уже более самостоятельном ведении хозяйства отдельными семейно-родовыми группами. В это

же время, как свидетельствует обнаружение в ущелье Майбулак структуры водяной мельницы, развивается более высокая степень специализации производства продукции земледельческих хозяйств. Территории поселений земледельцев предгорной части сохранили следы разработанной системы оросительных каналов, наиболее крупные из которых (Каргалы–Узынагаш и Каргалы–Касымбек) достигали свыше 15 км в длину. Здесь же к поселениям раннего железного века примыкают и такие крупные ирригационные сооружения, как акведуки (Касымбек и Ушконыр), что позволяло расширять посевные площади на расстояние в 20–25 км от северных склонов Иле Алатау.

Жители горных ущелий занимались полукочевым скотоводством, устраивая дома-зимовки в устье, а летом выпасая скот на высокогорных плато и в широкой части ущелий у истоков р. Узын-Каргалы и ее притоков. Границей между хозяйствующими субъектами ущелий служили водозаборы каналов и поливных арыков, обычно для данного микрорайона в 1–1,5 км вглубь ущелий. Семейно-родовые стоянки древних скотоводов устраивали на склонах с южной экспозицией, часто на площадках близ отдельных скальных групп. Они состояли, как правило, из 1–2 жилых помещений и хозяйственных построек, площадок-загонов. Характерным признаком скотоводческих подворий в горной зоне является наличие вблизи стоянок сенокосов овально-округлой формы диаметром до 10–12 м. Наиболее крупные жилые комплексы (до 10 подворий) обнаружены в урочище Акбастау и ущелье Жылысай, тяготеющих к транзитным кочевым тропам основного русла р. Узын-Каргалы.

Именно между этими географическими объектами в ущелье Ерменсай обнаружен Каргалинский камень, где зафиксированы конструкции, имеющие все признаки организованного погребального комплекса, имитирующего курган с каменной обкладкой по периметру и ритуальной площадкой с северной стороны. Древние насельники использовали образовавшееся пространство под каменной плитой в качестве места для захоронения. С этой целью, дабы предотвратить сползание и смещение грунта внутрь, данную конструкцию укрепили обломками камней крупных и мелких размеров по периметру. С восточной стороны выстроили стенку из камней средних размеров, а с северной – вход перекрыли большими скальными блоками, установленными на ребро.

Сама могила, устроенная по центру ниши Каргалинского камня, была оконтурена кладкой из каменных плит, уложенных плашмя и скрепленных глинистым раствором. Пространство по периметру погребальной камеры (2,75×2,3(1,8) м) устлано слоем стеблей эфедры. Могила представляла собой грунтовую яму овальной формы, размерами 1,7×0,8 м, ориентированную по оси ЮЗ–СВ, дно которой заполнялось слоем эфедры толщиной около 5 см. Человеческих костных останков в погребении не найдено. Ее глубина в северо-восточной части (25 см) не предполагает, чтобы погребенный в ней человек был уложен головой в данном направлении, как это заявлено в заключении Б.Н. Дублицкого (со слов первооткрывателя А. Назаренко). В этом случае, вероятней всего, умершего(ую) похоронили головой в юго-западном направлении (вглубь ниши). Данное предположение более соответствует культурным

традиция населения раннего железного века предгорной и горной зоны Иле Алатау [Агеева, 1961, с. 21–40; Акишев, Кушаев, 1963, с. 249–256; Максимова, 1972, с. 123–138; 1980, с. 114–122; Горячев, Мотов, 2018, с. 89; Горячев, 2020, с. 96]. Сверху могильная яма накрывалась циновкой (матом) из стеблей кустарника, обильно произрастающего в ущелье Ерменсай, и тростниковой соломы (заключение С.А. Нигматовой), вероятно, собранной по берегам р. Узын-Каргалы.

Характер могильного сооружения абсолютно необычен для погребальных традиций древних племен северных склонов Иле Алатау и всей Илейской долины. Аналогии ему не известны в исследованных комплексах не только региона Жетысу, но и всей Центральной Азии. Отдельные элементы в виде грунтовой погребальной камеры с кольцевой каменной обкладкой по периметру соотносятся исследователями (в том числе одним из авторов) с усуньским периодом (II в. до н.э. – II в. н.э.) [Акишев, Кушаев, 1963, табл. XI; Байпаков, Воякин, Захаров, 2016, с. 665–666; Горячев, 2020, с. 94–96]. Фактически, каменные конструкции по периметру могилы соответствуют элементам надмогильных конструкций курганов этого времени, в том числе и устройству крупных курганов ближайшего могильника у входа в соседнее ущелье Жылысай.

Уточнить датировку частично позволяет вещевой материал данного комплекса. По форме и следам технологического характера округлые бляшки полностью соответствуют подобным изделиям из набора, составляющего Каргалинскую находку 1939 г. [Культура саков и усуней..., 2011, с. 175–196]. Также по форме, размерам и технологическим призна-

кам можно выделить аналогии из других археологических комплексов и находок. Так, к примеру, в Приаралье из кургана 2, погребения 1 комплекса Чирик Рабат извлечены подобные изделия, датируемые III–I вв. до н.э. [Археология Казахстана, 2006, с. 61]. Аналогии плоской пластины, напоминающей форму конечности копытного животного, можно увидеть у оленей из Кобяковского кургана, вырезанных из листа золотой фольги, который датируется специалистами I–II вв. н.э. [Гугуев, 1992, с. 116–117]. Исходя из этих данных, наиболее вероятное время сооружения погребального комплекса под Каргалинским камнем может рассматриваться в пределах от рубежа эр до II в. н.э., что согласуется с первичной датировкой А.Н. Бернштама [Бернштам, 1940, с. 30–31].

Выводы

Природно-географическая ситуация, климатические и экологические условия способствовали возникновению и долговременному функционированию своеобразной структуры жизнеобеспечения населения эпохи бронзы и раннего железного века у северных склонов Иле Алатау, в том числе и в Каргалинском историко-географическом микрорайоне. Согласно исследованиям, древние земледельцы проживали отдельными хозяйственными дворами и небольшими поселками на предгорных равнинах, чьи крупные поселения на выходе из горных ущелий представляли собой ремесленно-земледельческие центры, а хозяйственно-жилые подворья долины горной реки составляли их округу. Зоной преимущественного развития скотоводства становится территория от устьев горных ущелий до высокогорных плато в зоне альпий-

ских лугов. Хозяйственная структура и природные ресурсы позволяли достаточно успешно развивать ремесла (металлургию, гончарство, ткачество) и домашние промыслы (обработка кож, косторезное дело и т.д.). Взаимодействие древних скотоводов и земледельцев привело к созданию комплексной скотоводческо-земледельческой системы хозяйства, которая позволяла им успешно развиваться при любых природно-климатических изменениях этих исторических периодов.

Исследования древних памятников раннего железного века в горной зоне ущелья Узын-Каргалы привело к открытию крайне интересных и перспективных археологических объектов, таких как стационарные поселения Жылысай-I и II, Акбастау-I и II, серия стоянок в районе горной гряды Майтобе, могильники Ерменсай, Жылысай, Узын-Каргалы и т. д. Их наличие свидетельствует о том, что горная зона использовалась круглогодично, что способствовало активному хозяйственно-культурному развитию региона.

Наиболее ярким памятником этого времени по праву считается «Каргалинский клад», обнаруженный в ущелье Узын-Каргалы в 1939 г. По итогам исследовательских работ было определено истинное место его обнаружения – в 500 м вглубь от входа в боковое ущелье Ерменсай. Данный объект, условно названный «Каргалинский камень», представляет собой уникальный погребальный комплекс, при сооружении которого использован массивный скальный блок как монументальная надмогильная конструкция. Погребальные традиции устройства могилы и ограды по ее периметру, а также вещевой материал, соответствуют традициям курганных

захоронений усуньского периода раннего железного века в пределах I–II вв. н.э. Неординарность погребального комплекса под Каргалинским камнем, несомненно, требует продолжения этих исследований с целью реконструкции и последующей реставрации этого важного археологического памятника.

Благодарности. Авторы выражают глубокую благодарность группе волонтеров – Е.Б. Менян-

баеву, Д. Байсеитову, А.К. Медеуову, Т.Х. Исхакову и сотрудникам Каратауского научного отряда – В.В. Муратовскому, К.С. Потапову, С.С. Филиппенко, Н.Д. Малахову, которые личным участием и большой организационной помощью помогли в проведении полевых исследований в сложных условиях высокогорной зоны Каргалинского ущелья.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агеева Е.И. К вопросу о типах древних погребений Алма-Атинской области // ТИИАЭ АН КазССР. 1961. Т. XII (Археология). С. 21-40.
2. Акишев К.А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. М.: «Искусство», 1978. 142 с.
3. Акишев К.А., Акишев А.К. Древнее золото Казахстана. Алма-Ата: «Өнер». 1983. 264 с.
4. Акишев К.А., Кушаев Г.А. Саки и усунь долины реки Или. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1963. 310 с.
5. Артамонов М.И. Сокровища саков. Сер.: Памятники древнего искусства. М.: «Искусство», 1973. 280 с.
6. Археология Казахстана. Алматы: «Өнер», 2006. 256 с.
7. Байпаков К.М., Воякин Д.А., Захаров С.В. Могильник Каратума. Некрополь раннего железного века в Семиречье. Алматы: ТОО «Археологическая экспертиза», 2016. 672 с.
8. Бейсенов А.З., Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А. Путь к изучению древностей центра страны: история создания первой археологической экспедиции Казахской Академии наук // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение: сб. научн. ст., посвящ. 70-летию организации ЦКАЭ Академии наук Казахстана / отв. ред. А.З. Бейсенов, В.Г. Ломан. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. Т. 1. С. 11-64.
9. Бернштам А.Н. Золотая диадема из шаманского погребения на р. Карагалинке // КСИИМК. 1940. Вып. 5. С. 23-31.
10. Бернштам А.Н. Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая / Материалы и исследования по археологии СССР. М.–Л.: АН СССР, 1952. № 26. 346 с.
11. Горячев А.А. Древний археологический комплекс верховьев ущелья Киши-Турген / отв. ред. Г.С. Джумабекова. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2020. 260 с.
12. Горячев А.А., Мотов Ю.А. Археологический комплекс Бутақты-І. Алматы: KazBookTrade, 2018. 264 с.
13. Горячев А.А., Сараев В.В. К вопросу о хозяйственно-культурном развитии древнего населения Алматы // Известия НАН РК. Сер. обществ. и гум. наук. 2015. № 6 (304). С. 5-18.
14. Горячев А.А., Сараев В.В. Поселения раннего железного века на северных склонах Иле Алатау // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение / отв. ред. А.З. Бейсенов, В.Г. Ломан. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2017. Т. 2. С. 127-136.

15. *Горячев А.А., Сараев В.В., Потанов С.А.* Археологические памятники эпохи бронзы и раннего железного века Жамбылского района Алматинской области // Древности Жетысу. Памятники археологии Жамбылского района. Алматы: ТОО «Litera», 2016. С. 19-26.
16. *Грач А.Д.* Древние кочевники в центре Азии. М.: ГРВЛ, 1980. 256 с.
17. *Грязнов М.П.* Древнее искусство Алтая. Л.: ГосЭрмитаж, 1958. 96 с.
18. *Гугуев В.К.* Кобяковский курган (К вопросу о восточных влияниях на культуру сарматов I в. н.э. – начала II в. н.э.) // ВДИ. 1992. № 4. С. 116-129.
19. *Дублицкий Б.Н.* Хроника археологических разведок и находок на территории Казахской ССР (1928–1938). Заключение по осмотру места залегания костяка человека с золотым инвентарем в долине р. Каргалинки близ Алматинской суконной фабрики. Алма-Ата, 1939. С. 24–25 // Архив Института археологии им. А.Х. Маргулана. Инв. №81а/1977.
20. *Ильдеряков Н.Н., Ярыгин С.А.* Реконструкция этапов и технологии строительства сакского кургана по материалам исследований в микрорайоне Алатау г. Алматы // Археология Казахстана. 2020. № 3 (9). С. 60-69.
21. *Завитухина М.П.* Пазырык: древняя самобытная культура алтайских кочевников. // Курьер ЮНЕСКО. Январь, 1977. С. 31-37.
22. *Засецкая И.П.* Золотые украшения гуннской эпохи: По материалам Особой кладовой Гос. Эрмитажа. Л.: «Аврора», 1975. 80 с.
23. *Кузьмина Е.Е.* Дионис у усуней (О семантике каргалинской диадемы) // Центральная Азия: Новые памятники письменности и искусства. М.: Наука, Гл. ред. вост. лит., 1987. С. 158-181.
24. Культура саков и усуней Казахстана в археологических коллекциях Центрального государственного музея Республики Казахстан. Научный каталог. Алматы: Өнер, 2011. 320 с. (на каз., рус., англ.).
25. *Максимова А.Г.* Курганный могильник в урочище Кызыл-Кайнар // Поиски и раскопки в Казахстане / отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1972. С. 123-138.
26. *Максимова А.Г.* Курганы близ Талгара // Археологические исследования древнего и средневекового Казахстана / отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1980. С. 114-122.
27. *Мотов Ю.А.* Могильник эпохи бронзы Каргалы-I // ИАС. 2007. Вып. 3. С. 80-87.
28. *Нуржанов А.А., Джумабекова Г.С., Базарбаева Г.А.* Новые данные о культуре саков Жетысу: краткие результаты полевых исследований 2020 г. на территории г. Алматы // Археология Казахстана. 2020. № 4 (10). С. 70-95.
29. *Нурмуханбетов Б.Н., Трифионов Ю.И.* Курганные могильники Шубарат и Молалы (краткая характеристика, культурно-хронологический анализ) // Саки и савроматы Казахских степей: контакт культур. Сб. науч. ст., посвящ. памяти Б. Нурмуханбетова Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2016. С. 10-18.
30. *Полосьмак Н.В.* «Стережущие золото грифы» (ак-алахинские курганы). Новосибирск: «Наука», 1994. 125 с.
31. *Руденко С.И.* Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.–Л.: АН СССР, 1953. 402 с.
32. *Самашев З., Григорьев Ф., Жумабекова Г.* Древности Алматы. Алматы: ТОО «Археология», 2005. 184 с.
33. *Сараев В.В.* К вопросу изучения археологических памятников Заилийского Алатау // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата: КазПИ им. Абая, 1992. С. 104-109.
34. *Сараев В.В.* Принцип построения оросительных систем в предгорьях древнего Семиречья (К вопросу о земледелии на территории Семиречья в древности) // ИАС. 2007. Вып. 3. С. 120-128.

35. Сараев В.В. Древние поселения урочища Майбулак // IX Оразбаевские чтения. М-лы междунар. науч.-мет. конф. «Современные методы и подходы в изучении историко-культурного наследия Казахстана и сопредельных стран» (г. Алматы, 28–29 апреля 2017 г.). Алматы: «Қазақ университеті», 2017. Т. 1. С. 78-82.
36. Сараев В.В. Каргалинский древний историко-географический микрорайон // ИАС. 2017а. Вып. 5. С. 69-90.
37. Сараев В.В., Кожегулова Ф.Т. О способах обогрева древних землянок в предгорной и горной зоне Илейского Алатау // Археология Казахстана. 2019. № 1 (3). С. 28-42.
38. Сараев В.В., Первых Н.М. Каргалинские камни с чашевидными знаками // ИАС. 2001. Вып. 2. С. 165-170.
39. Свод памятников истории и культуры Республики Казахстан. Алматинская область. Алматы: Агентство «Маматай», 2009. 1320 с.
40. Таймагамбетов Ж.К. Древнейшая стоянка первобытного человека вблизи г. Алматы // Алматы. История тысячелетия. Алматы: «Credo», 2008. Вып. 1. С. 34-40.
41. Чернов М.А. Композиционный строй Каргалинской диадемы. Опыт реконструкции // Сакская культура Сарыарки в контексте изучения этносоциокультурных процессов Степной Евразии: сб. науч. ст., посвящ. памяти археолога К.А. Акишева / отв. ред. А.З. Бейсенов. Алматы: НИЦИА «Бегазы-Тасмола», 2015. С. 376-384.
42. Чернов М.А. К вопросу о семантическом прочтении композиции каргалинской диадемы // Древности Жетысу. Памятники археологии Жамбылского района. Алматы: заповедник-музей «Танбалы», 2016. С. 110-130.
43. Яценко С.А. Золотая пластина из усуньского погребения в гроте ущелья Каргалы // ИАС. 2017. Вып. 5. С. 143-155.

REFERENCES

1. Ageeva, E. I. 1961. In: *Trudy Instituta istorii, arheologii i etnografii Akademii nauk KazSSR (Proceedings of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR)*, XII (Archeology), 21-40 (in Russian).
2. Akishev, K. A. 1978. *Kurgan Issyk. Iskusstvo sakov Kazahstana (Kurgan Issyk. Art of Saka of Kazakhstan)*. Moscow: "Iskusstvo" Publ. (in Russian).
3. Akishev, K. A., Akishev, A. K. 1983. *Drevnee zoloto Kazahstana (Ancient gold of Kazakhstan)*. Alma-Ata: "Oner" Publ. (in Russian).
4. Akishev, K. A., Kushaev, G. A. 1963. *Saki i usuni doliny reki Ili (Sakas and Usuns of Ili river valley)*. Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh SSR Publ. (in Russian).
5. Artamonov, M. I. 1973. *Sokrovishcha sakov (The treasure of Sakas)*. Moscow: "Iskusstvo" Publ. (in Russian).
6. *Arheologiya Kazahstana (Archaeology of Kazakhstan)*. 2006. Almaty: "Oner" Publ. (in Russian).
7. Baipakov, K. M., Voyakin, D. A., Zakharov, S. V. 2016. *Mogilnik Karatuma. Nekropol rannego zheleznogo veka v Semirechie (Karatuma burial Ground. Necropolis of the Early Iron Age in Semirechye)*. Almaty: "Arheologicheskaya ekspertiza" LTD (in Russian).
8. Beisenov, A. Z., Jumabekova, G. S., Bazarbayeva, G. A. 2017. In: Beisenov, A. Z., Loman, V. G. (eds.). *Arheologicheskoe nasledie Centralnogo Kazahstana (Archaeological Heritage of Central Kazakhstan)*, 1, 11–64. Almaty: "Begazy-Tasmola" Publ. (in Russian).
9. Bernshtam, A. N. 1940. In: *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii materialnoy kultury (Brief reports of the Institute for the History of Material Culture)*, 5, 23-31 (in Russian).
10. Bernshtam, A. N. 1952. *Istoriko-arheologicheskie ocherki Centralnogo Tyan-Shanya i Pamiro-Alaya. Materialy i issledovaniya po arheologii SSSR (Historical and archaeological essays of the Central Tien Shan and Pamir-Alai. Materials and Research on Archaeology of the USSR)*, 26. Moscow–Leningrad: USSR Academy of Sciences (in Russian).

11. Goryachev, A.A. 2020. Jumabekova, G. S. (ed.). *Drevniy arheologicheskiy kompleks verkhoviy ushcheliya Kishi-Turgen (Ancient archaeological complex of the headwaters of Kishi-Turgen gorge)*. Almaty: A.Kh. Margulan Archeology (in Russian).
12. Goryachev, A. A., Motov, Yu. A. 2018. *Arheologicheskiy kompleks Butakty-I (The archaeological complex of Butakty-I)*. Almaty: "KazBookTrade" (in Russian).
13. Goryachev, A. A., Saraev, V. V. 2015. In: *Izvestiya NAN RK. Seriya obshchestvennyh i gumanitarnykh nauk (Proceedings of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. Series of Social Sciences and Humanities)*, 6 (304), 5-18 (in Russian).
14. Goryachev, A. A., Saraev, V. V. 2017. In: Beisenov, A. Z., Loman, V. G. (eds.). *Arheologicheskoe nasledie Centralnogo Kazakhstana: izuchenie i sohraneniye» (Archaeological Heritage of Central Kazakhstan: study and Preservation)*, vol. 2. Almaty: "Begazy-Tasmola", 127–136 (in Russian).
15. Goryachev, A. A., Saraev, V. V., Potapov, S. A. 2016. In: *Drevnosti Zhetysu. Pamyatniki arheologii Zhambylskogo rajona (Zhetysu Antiquities. Archaeological monuments of Zhambyl district)*. Almaty: "Litera" LTD, 19-26 (in Russian).
16. Grach, A. D. 1980. *Drevnie kochevniki v centre Azii (Ancient nomads in the center of Asia)*. Moscow: "GRVL" (in Russian).
17. Gryaznov, M. P. 1958. *Drevnee iskusstvo Altaya (The ancient art of Altai)*. Leningrad: State Hermitage (in Russian).
18. Guguev, V. K. 1992. In: *Vestnik drevney istorii (Journal of Ancient history)*, 4, 116-129 (in Russian).
19. Dublickiy, B. N. 1939. In: *Archives of A.Kh. Margulan Archeology Institute, №81a/1977* (in Russian).
20. Ilderyakov, N. N., Yarygin, S. A. 2020. In: *Kazakhstan Archeology*, 3 (9), 60-69 (in Russian).
21. Zavitukhina, M. P. 1977. *Kurier YUNESKO (UNESCO Courier)*, 31-37 (in Russian).
22. Zassetskaya, I. P. 1975. *Zolotyie ukrasheniya gunnskoj epohi: Po materialam Osoboy kladovoy GosErmitazha (Gold Jewelry of the Hunnish Epoch: On the Materials of the Special Storeroom of the State Hermitage)*. Leningrad: "Aurora" Publ. (in Russian).
23. Kuzmina, E. E. 1987. In: *Centralnaya Aziya: Noveye pamyatniki pismennosti i iskusstva (Central Asia: New Monuments of Arts and Writing)*. Moscow: "Nauka" Publ., 158-181 (in Russian).
24. *Kultura sakov i usuney Kazakhstana v arheologicheskikh kollekcijyah Centralnogo gosudarstvennogo muzeya Respubliki Kazahstan. Nauchnyj katalog (The Culture of Saka and Usun tribes of Kazakhstan in archaeological collections of the Central State Museum of the Republic of Kazakhstan. Scientific catalog)*. 2011. Almaty: "Oner" Publ. (in Kazakh, Russian, English).
25. Maksimova, A. G. 1972. In: Akishev, K. A. (ed.). *Poiski i raskopki v Kazahstane (Searches and excavations in Kazakhstan)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ., 123-138 (in Russian).
26. Maksimova, A. G. 1980. In: Akishev, K. A. (ed.). *Arheologicheskie issledovaniya drevnego i srednevekovogo Kazakhstana (Archaeological research of ancient and medieval Kazakhstan)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ., 114-122 (in Russian).
27. Motov, Yu. A. 2007. In: *Istoriya i arheologiya Semirechiya (History and archeology of Semirechie)*, 3, 80-87 (in Russian).
28. Nurzhanov, A. A., Jumabekova, G. S., Bazarbayeva, G. A. 2020. In: *Kazakhstan Archeology*, 4 (10), 70-95 (in Russian).
29. Nurmukhanbetov, B. N., Trifonov, Yu. I. 2016. In: *Saki i savromaty Kazahskikh stepey: kontakt kultur (Sakas and Savromats of the Kazakh Steppes: contact of cultures)*. Almaty: A.Kh. Margulan Archeology Institute, 10-18 (in Russian).
30. Polosmak, N. V. 1994. *"Steregushchie zoloto grify" (ak-alahinskie kurgany) (Griffins guarding the gold (Ak-Alakha burial mounds))*. Novosibirsk: "Nauka" Publ. (in Russian).

31. Rudenko, S. I. 1953. *Kultura naseleniya Gornogo Altaya v skifskoe vremya (The culture of the Altai Mountains population in the Scythian Time)*. Moscow – Leningrad: USSR Academy of Sciences (in Russian).
32. Samashev, Z. Grigoriev, F., Jumabekova, G. 2005. *Drevnosti Almaty (Antiquities of Almaty)*. Almaty: “Archaeology” LTD (in Russian).
33. Saraev, V. V. 1992. In: *Arheologicheskie issledovaniya v Kazahstane (Archaeological Research in Kazakhstan)*. Alma-Ata: Abay Kazakh Pedagogical Institute, 104-109 (in Russian).
34. Saraev, V. V. 2007. In: *Istoriya i arheologiya Semirechiya (History and Archaeology of the Semirechie)*, 3, 120-128 (in Russian).
35. Saraev, V. V. 2017. In: *IX Orazbaevskie chteniya (9th Orazbayev readings)*. Almaty: “Kazakh University”, 1, 78-82 (in Russian).
36. Saraev, V. V. 2017a. In: *Istoriya i arheologiya Semirechiya (History and archaeology of the Semirechye)*, 5, 69-90 (in Russian).
37. Saraev, V. V., Kozhegulova, F. T. 2019. In: *Kazakhstan Archeology*, 1 (3), 28-42 (in Russian).
38. Saraev, V. V., Pervykh, N. M. 2001. *Istoriya i arheologiya Semirechiya (History and archeology of the Semirechie)*, 2, 165-170 (in Russian).
39. *Svod pamyatnikov istorii i kultury Respubliki Kazahstan. Almatinskaya oblast (The code of historical and cultural monuments of the Republic of Kazakhstan. Almaty Region)*. 2009. Almaty: “Mamatay Agency” Publ. (in Russian).
40. Taimagambetov, Zh. K. 2008. In: *Almaty. Istoriya tysyacheletiya (Almaty. The history of millennium)*, 1. Almaty: “Credo” Publ., 34-40 (in Russian).
41. Chernov, M. A. 2015. In: Beisenov, A. Z. (ed.). *Sakskaya kultura Saryarki v kontekste izucheniya etnosociokulturnykh processov Stepnoy Evrazii (The Saka culture of Sary-Arka in the context of studying ethno-sociocultural processes of Steppe Eurasia)*. Almaty: “Begazy-Tasmola”, 376-384 (in Russian).
42. Chernov, M. A. 2016. In: *Drevnosti Zhetysu. Pamyatniki arheologii Zhambyl'skogo rajona (Zhetysu Antiquities. Archaeological monuments of Zhambyl district)*. Almaty: reserve-museum “Tanbaly”, 110-130 (in Russian).
43. Yatsenko, S. A. 2017. In: *Istoriya i arheologiya Semirechiya (History and Archaeology of the Semirechye)*, 5, 143-155 (in Russian).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The author claim no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 31.05.2021.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 08.06.2021.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 12.06.2021.

ИССЛЕДОВАНИЕ ПАМЯТНИКОВ АРХЕОЛОГИИ В УРОЧИЩЕ КЫЗЫЛКОЛЬ

© 2021 г. Подушкин Александр Николаевич¹,
Донец Андрей Геннадиевич²

¹автор-корреспондент, доктор исторических наук, профессор,
Южно-Казахстанский государственный педагогический университет,
г. Шымкент, Казахстан. E-mail: p_a_n_alex@mail.ru

²старший научный сотрудник, Туркестанский областной историко-краеведческий
музей, г. Шымкент, Казахстан. E-mail: foto-ad@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена первым результатам картографического и рекогносцировочного обследования нового историко-культурного региона вблизи озера Кызылколь: проведены разведочные работы на семи могильниках, одиночных крупных курганах, городище Ақтобе кызылкольское и каменном сооружении на сопке Кызылсенгір – на последних двух объектах произведён сбор подъёмного материала и заложены рекогносцировочные шурфы. Концентрация здесь на сравнительно ограниченной территории одновременно нескольких масштабных археологических объектов позволяет рассматривать этот оазис на северных склонах Каратау как самостоятельную историко-культурную зону большой научной и социальной значимости, названную «кызылкольской». Первоначальные работы на археологических объектах данной местности позволили определить принадлежность и хронологию памятников, связанных с древним народонаселением, жившим здесь в первой половине I тыс. н.э. (время существования государства Кангюй).

Ключевые слова: археология, Кангюй, картография, разведочный шурф, памятники

ҚЫЗЫЛКӨЛ ШАТҚАЛЫНДАҒЫ АРХЕОЛОГИЯЛЫҚ ЕСКЕРТКІШТЕРДІ ЗЕРТТЕУ

Александр Николаевич Подушкин¹, Андрей Геннадиевич Донец²

¹корреспондент авторы, тарих ғылымдарының докторы, профессор,
Оңтүстік Қазақстан мемлекеттік педагогикалық университеті,
Шымкент қ., Қазақстан. E-mail: p_a_n_alex@mail.ru

²аға ғылыми қызметкер, Түркістан облыстық тарихи-өлкетану музейі,
Шымкент қ., Қазақстан. E-mail: foto-ad@mail.ru

Аннотация. Мақала Қызылкөлге жақын жаңа тарихи-мәдени аймақты картографиялық-алдын-ала барлау зерттеу жұмыстарының алғашқы нәтижелеріне арналған: жеті обаға, жеке дара тұрған ірі қорғандаға, қызылкөлдік Ақтобе қалашығына және Қызылсенгір шоқысындағы тас құрылысқа барлау жұмыстары жүргізілді – соңғы екі нысанда көтергіш материалды жинау мен барлау бұрмашегесі орнатылды. Мұндағы салыстырмалы түрде шектеулі аумақта бірнеше ауқымды археологиялық нысандардың шоғырлануы осы оазисті Қаратаудың солтүстік беткейлерінде тәуелсіз тарихи және «Қызылкөл» деп аталатын ғылыми және әлеуметтік маңызы зор мәдени аймақ деп қарастыруға мүмкіндік береді. Осы жердегі археологиялық орындарындағы

алғашқы жұмыстар бұл ескерткіштердің біздің заманымыздың I мыңж. бірінші жартысында осы жерде өмір сүрген ежелгі халыққа тиесілігі мен хронологиясын (Кангюй мемлекетінің өмір сүрген уақыты) анықтауға мүмкіндік берді.

Түйін сөздер: археология, Кангюй, картография, барлау шұңқыры, ескерткіштер

RESEARCH OF ARCHEOLOGICAL MONUMENTS IN THE KYZYLKOL TRACT

Podushkin Alexander¹, Donets Andrey²

¹corresponding author, Doctor of Historical Sciences, Professor,
South Kazakhstan State Pedagogical University,
Shymkent, Kazakhstan. E-mail: p_a_n_alex@mail.ru

²Senior Researcher, Turkestan Regional Museum of History and Local Lore,
Shymkent, Kazakhstan. E-mail: foto-ad@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the first results of a cartographic and reconnaissance survey of a new historical and cultural region near Lake Kyzylkol: exploration work was carried out on seven burial grounds, on single large mounds, on the settlement of Kyzylkol Aktobe and on a stone structure on the Kyzylsengir hill – on the last two objects lifting material was collected and reconnaissance pits were laid. The concentration here on a relatively limited territory of several large-scale archaeological objects allows us to consider this oasis on the northern slopes of Karatau as an independent historical and cultural zone of great scientific and social significance, called “Kyzylkol”. Initial work on the archaeological sites of this area made it possible to determine the belonging and chronology of the monuments associated with the ancient population that lived here in the first half of the 1st millennium AD (the time of the existence of the Kangju state).

Keywords: archaeology, Kangju, cartography, exploration pit, sites

Введение

В течение полевых сезонов 2019–2020 гг. археологический отряд Южно-Казахстанского государственного университета совместно с сотрудниками Туркестанского областного историко-краеведческого музея и Центрального государственного музея Республики Казахстан осуществляли картографические, рекогносцировочные работы на группе памятников археологии кызылкольской историко-культурной зоны (далее – КИКЗ, прим. авт.) (Туркестанская обл., Сузакский р-н, в 8,3 км к ЮЗ от п. Кумкент). Обследовано семь могильников, одиночные крупные курганы, городище Актобе кызылкольское и каменное сооружение на сопке Кызылсенгир (на последних двух объектах произведён сбор подъёмного материала и заложены

рекогносцировочные шурфы). Ниже представленная информация освещает первоначальные результаты указанных работ.

Ландшафтная, гидрологическая характеристика региона

В ландшафтно-географическом плане оз. Кызылколь находится в предгорьях северных склонов Каратау, у подножия двух горных массивов – Улькенактау и Тау-Тары, в 156 км на север от г. Шымкент (Туркестанская обл., Сузакский р-н), на высоте от 330 до 320 м над уровнем моря, а некоторые сопки, окружающие озеро, возвышаются до 420 м. Озеро древнее, на это указывают неогеновые глины красного цвета по берегам Кызылколя, возраст которых приближается к 23 млн лет. Это обстоятельство опре-

делило и название озера (в переводе с каз. яз. «Красное озеро» – прим. авт.).

С востока берег озера окаймлён вытянутой длинной возвышенностью с плоской вершиной, которая завершается к югу конусовидным бугром под названием Кызылсенгир (в переводе с каз. яз. «Красная сопка»; иное название – Шошактобе – прим. авт.), здесь же в оз. Кызылколь впадает единственная река грунтово-родникового происхождения Ушбас (рис. 1). С запада озеро обрамляют округлые крас-

ные склоны из неогеновых глин, южный берег подпирают скальные выходы гор Тау-Тары, здесь фиксируются лёссовые участки с родниками. С севера к озеру из урочища Акжар ведёт сухое русло Тасабайсая, которое раз в несколько лет наполняется водами весеннего Таласа.

История изучения объектов археологии на территории КИКЗ

Изысканий, включающих научное изучение археологических объ-

Рис. 1. Картография памятников археологии II–V вв. н.э. кызылкольской историко-культурной зоны: 1 – могильник Кызылколь 1 (западная группа насыпей); 2 – могильник Кызылколь 1 (восточная группа насыпей); 3 – могильник Кызылколь 2; 4 – могильник Кызылколь 3; 5 – могильник Кызылколь 4; 6 – могильник Кызылколь 5; 7 – одиночные курганы на южном останце (левый берег р. Ушбас); 8 – поселение Актобе кызылкольское; 9 – храм-святилище Кызылсенгир

Fig. 1. Cartography of archaeological monuments of the II–V centuries AD of the Kyzylkol historical and cultural zone: 1 – Kyzylkol 1 burial ground (western group of embankments); 2 – Kyzylkol 1 burial ground (eastern group of embankments); 3 – Kyzylkol 2 burial ground; 4 – Kyzylkol 3 burial ground; 5 – the burial ground Kyzylkol 4; 6 – the burial ground Kyzylkol 5; 7 – single mounds on the southern remnant (left bank of the river Ushbas); 8 – the settlement of Kyzylkol Aktobe; 9 – temple-sanctuary Kyzylsengir

ектов на территории КИКЗ, ранее не проводилось. Первая информация об археологических объектах у оз. Кызылколь в 1950–1960 гг. ограничена только фактом их выявления и картографической фиксации с минимальным описанием. Так, один могильник был отмечен Е.И. Агеевой в ходе рекогносцировочных исследований северных склонов Каратау отрядом ЮКАЭ [Агеева, 1954, с. 83–86].

В «Археологической карте Казахстана» приведены данные об одном могильнике и поселении: лист 36, квадраты К-12, 13; Л-12, 13; № 3432 и 3433 [АКК, 1960, с. 239]. В таком же ключе упомянуты два памятника в районе оз. Кызылколь (поселение и могильник), обозначенные только на карте [Сенигова, Мердиев, Максимова, 1962, с. 6].

Более обстоятельные данные о памятниках археологии вблизи оз. Кызылколь (топографические планы, фотографии, обмеры, анализ подъёмного материала трёх могильников и поселения) были получены в ходе поисковой разведки археологического отряда Чимкентского педагогического института (руководители Н.П. Подушкин*, А.Н. Подушкин) в рамках паспортизации археологических объектов Сузакского района Южно-Казахстанской области и включения их в Свод памятников [Свод..., 1994, с. 245–246; № 531–533, 535].

Эпизодически, начиная с 2004 по 2018 г., в районе оз. Кызылколь, силами археологического отряда Южно-Казахстанского государственного педагогического университета и отдела археологии Туркестанского областного историко-краеведческого музея

осуществлялись рекогносцировочные работы, позволившие выявить памятники эпохи камня и сделать сборы каменных артефактов X–V тыс. до н.э.

Археологическая картография, фиксация и количественная составляющая памятников

В непосредственной близости от оз. Кызылколь и р. Ушбас расположены несколько крупных могильников (курганных полей), включающих более 300 курганов, городище Актобе кызылкольское, каменное сооружение на холме Кызылсенгир, вместе представляющих компактный оазис.

В частности, в пределах КИКЗ зафиксированы следующие археологические объекты.

Могильник Кызылколь 1 (западная группа насыпей, 66 курганов). Объект находится на невысокой плоской площадке неправильной трапециевидной формы размерами 150×240×120×180 м правой надпойменной террасы безымянного ручья, вблизи его впадения в р. Ушбас, у подножия южного окончания языкового выступа из неогеновых глин. Относится к могильникам с бессистемным расположением насыпей, которые сложены из небольших камней, мелкого щебня и грунта. Профили насыпей фиксируются хорошо, но есть курганы с сильно оплывшими склонами. Средние размеры насыпей: диаметр основания 18–12, 12–20 м, высота 0,6–1,9 м (часть курганов носит следы ограбления в древности) (рис. 1, 1; 2).

Могильник Кызылколь 1 (восточная группа насыпей; 30 курганов) расположен на кромке правой невысокой надпойменной террасы безымянного

*Об Н.П. Подушкине подробнее см.: [Подушкин А.Н., 2019]. Прим. авт.

Рис. 2. Могильник Кызылколь 1 (западная группа насыпей). Вид сверху
 Fig. 2. Burial ground Kyzylkol 1 (western group of embankments). Top View

ручья, вытянутой с северо-востока на юго-запад, при этом отмечено расположение насыпей цепочкой. В остальном все характеристики этого могильника (состав насыпей, параметры курганов) аналогичны вышеописанному могильнику Кызылколь 1 западной группы курганов (рис. 1, 2).

Могильник Кызылколь 2 (более 60 курганов) зафиксирован на плоской площадке вытянутого языковидного останца из неогеновых глин длиной более 2,2 км, находящегося у юго-восточной береговой линии оз. Кызылколь. Объект характеризуется

расположением насыпей в 1–2 цепочки, а также группами курганов, расположенных бессистемно; при этом у юго-восточного основания останца также отмечена отдельная цепочка насыпей. Все округлые в плане насыпи сложены из среднего размера камней и щебня вперемежку с грунтом. Размеры курганов различны: отмечены несколько крупных насыпей (диаметр основания 16–22 м, высота 1,6–1,8 м), однако основная масса курганов имеет средние и небольшие размеры (диаметр основания 6–8, 10–12 м, высота 0,6–1,2 м). Многие насыпи носят сле-

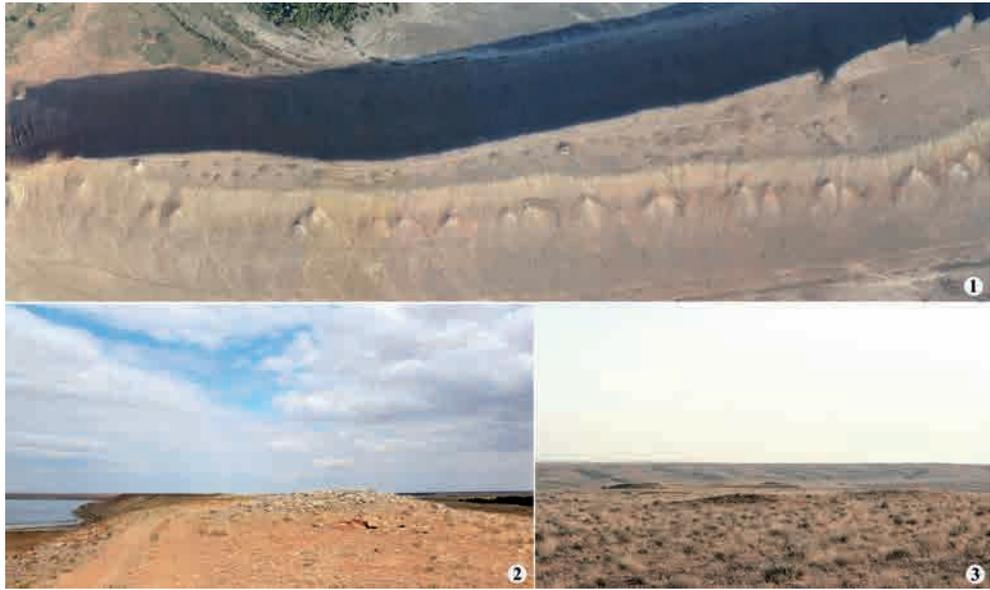

Рис. 3. Могильник Кызылколь 2: 1 – вид сверху; 2 – вид одного из курганов; 3 – насыпи
Fig. 3. Burial ground Kyzykol 2: 1 – top view; 2 – view of one of the mounds;
3 – embankments

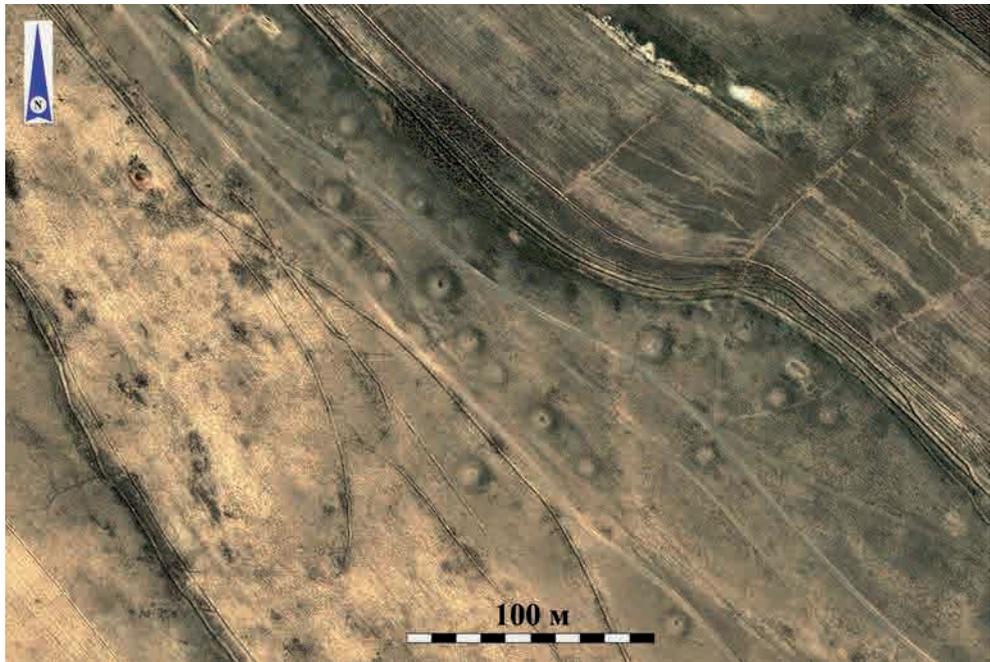

Рис. 4. Могильник Кызылколь 3. Вид сверху
Fig. 4. Burial ground Kyzykol 3. Top View

ды древних грабительских раскопок (рис. 1, 3; 3, 1–3).

Могильник Кызылколь 3 (25 курганов). Объект расположен на кромке левой невысокой надпойменной террасы безымянного ручья, которая вытянута с северо-запада на юго-восток, в 370 м к югу от могильника Кызылколь 1 восточной группы насыпей. Курганы сложены из мелкого камня, щебня и грунта, расположены цепочкой (отмечены две цепочки). Средние параметры насыпей: диаметр основания 10–12, 13–20 м, высота 0,7–1,6 м

(часть насыпей носит следы раскопок древних грабителей) (рис. 1, 4; 4).

Могильник Кызылколь 4 (6 курганов) отмечен на северном окончании большого высокого языковидного останца из неогеновых глин с плоской верхушкой, расположенного в южной части оз. Кызылколь. Включает два крупных одиночных кургана с хорошо фиксируемыми рельефными склонами, стоящих отдельно непосредственно на кромке языкового останца, и четыре небольших насыпи, оформленных в цепочку, находящихся

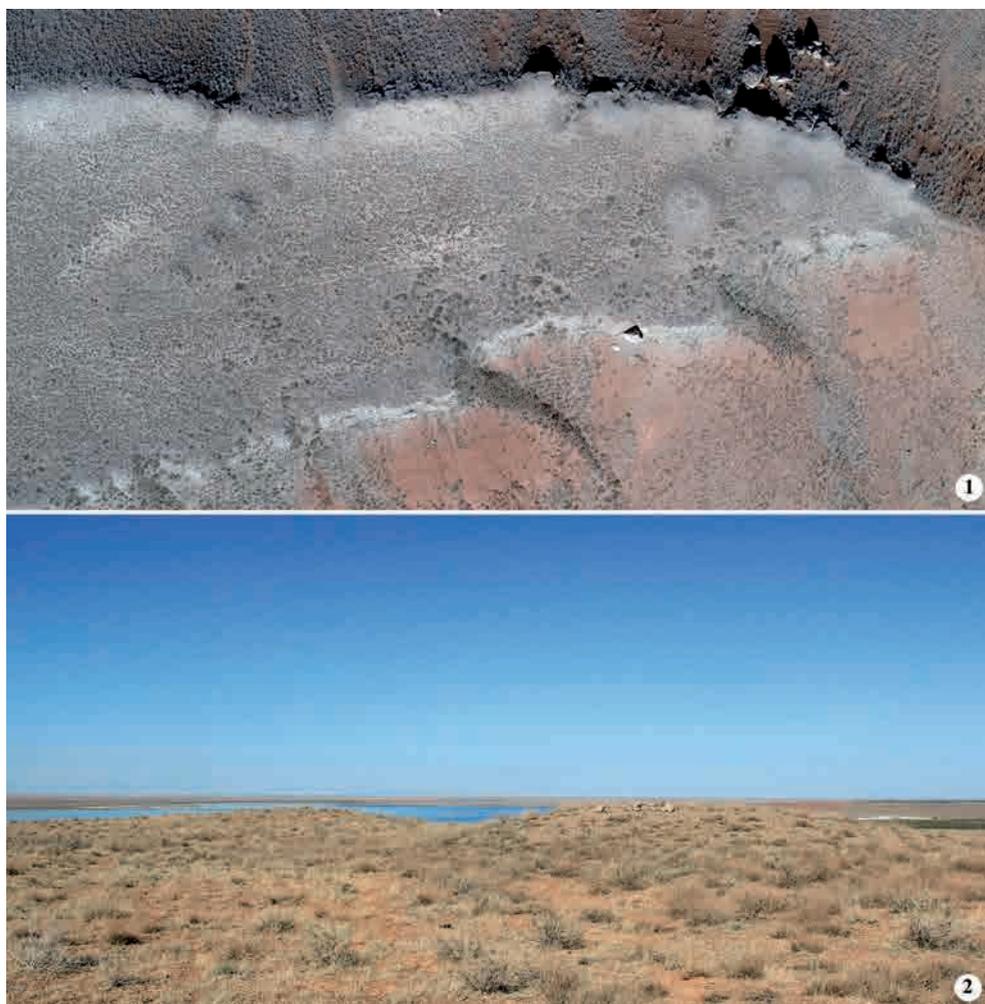

Рис. 5. Могильник Кызылколь 4: 1 – вид сверху; 2 – насыпи
 Fig. 5. Burial ground Kyzylkol 4: 1 – top view; 2 – embankments

в 100 м к югу от больших курганов. Насыпи курганов сложены из камня, щебня и грунта, все они носят следы ограбления. Параметры крупных курганов: диаметр основания 20–22 м, высота 1,8 м; размеры малых курганов: диаметр основания 6–8 м, высота 0,6 м (рис. 1, 5; 5, 1–2).

Могильник Кызылколь 5 (7 курганов и 3 оградки). Курганы находятся по обе стороны неглубокого сухого

рая, насыпи сложены из мелкого камня, щебня и грунта. Средние размеры курганов: диаметр основания 6–7 м, высота 0,5 м. Оградки прямоугольной формы размерами 1,2×0,8 м обозначены на поверхности камнями-валунами, среди которых встречены и поставленные вертикально отдельные небольшие плиты (рис. 1, 6).

Одиночные курганы (4 кургана) расположены на кромке высокой ле-

Рис. 6. Одиночные курганы на левой надпойменной террасе р. Ушбас:
1 – вид большой насыпи; 2 – вид средней насыпи

Fig. 6. Single mounds on the left floor terrace of the river Ushbas:
1 – view of a large embankment; 2 – view of the middle embankment

вой надпойменной террасы р. Ушбас, недалеко от впадения последней в оз. Кызылколь (терраса имеет вид плоской платформы). Крупные насыпи курганов хорошо профилированы, выполнены из средних размеров каменных валунов, щебня и грунта. Параметры курганов: диаметр основания 18–23 м, высота 1,8 м (рис. 1, 7; 6, 1–2).

Могильник Кызылколь 6 (более 45 курганов) расположен вблизи п. Кызылколь, на длинном языковом останце с плоской платформой сверху из неогеновых глин длиной 4,5 км, который протянулся с северо-востока на юго-запад. Включает насыпи, сложенные из мелкого камня, щебня и грунта, оформленные в несколько цепочек. Средние размеры насыпей 5–7, 6–8, 9–10 м, высота 0,4–1 м.

Городище Актобе кызылкольское (рис. 1, 4). Топографически представляет собой трёхчастный объект, вытянутый по длинной оси в направлении СВ–ЮЗ, включающий:

- овално-прямоугольный в плане основной холм высотой 8–9 м с пологими склонами размерами в основании 110×70×104×65 м (шахристан);

- в верхней части шахристана отмечено также овално-прямоугольной формы возвышение размерами в основании 40×30 м, фиксируемое по периметру неглубокими рвами (цитадель);

- с юго-восточной стороны на расстоянии 120 м от главного холма (цитадель-шахристан) зафиксированы остатки, судя по всему, кольцевого рабада, который огибает памятник полукольцом длиной 210 м и шириной порядка 12–20 м;

- у юго-западного края основного холма городища зафиксировано отдельно стоящее здание правильной прямоугольной формы размерами 22×15 м с очертаниями прямоугольных помещений (рис. 7, 1–2).

Подъёмный материал с объекта включает мелкие фрагменты керамики от преимущественно столовой

посуды (кувшины, кружки), а также орудия труда из камня, который предварительно можно датировать в пределах V–VI вв. (рис. 10, 1–16).

С целью выявления стратиграфии верхних культурных слоёв и получения археологического материала для хронологических и историко-культурных заключений на цитадели Актобе кызылкольское был заложен рекогносцировочный шурф размерами 2,8×2,4 м, который был доведён до глубины 1 м от уровня дневной поверхности. В площадь шурфа попала часть углового соединения пахсовой части углового соединения пахсовой стены, судя по всему, прямоугольного в плане помещения верхнего строительного горизонта (южная часть шурфа) (рис. 8, 1); зафиксирован также глиняный пол, на котором отмечены зольники.

Разрез северной бровки рекогносцировочного шурфа демонстрирует следующую стратиграфию в последовательности «сверху – вниз»:

- верхний наносный лёссовый слой жёлтого цвета, не имеющий культурных напластований и артефактов (0,38 м) (рис. 8, 2а);

- насыщенный горизонтальный зольник почти чёрного цвета (0,1 м) (рис. 8, 2б);

- гумусно-зольниковый слой тёмно-серого цвета, в котором обнаружена основная масса артефактов (0,35 м) (рис. 8, 2в);

- зольниковый слой с включениями обломков пахсы, мелких костей, фрагментов керамики (0,15 м) (рис. 8, 2г);

- прокалённый слой светло-коричневого цвета (0,12 м) (рис. 8, 2д).

Перечисленные напластования зафиксированы в правой стороне разреза северной бровки; на левой стороне разреза по всей высоте отмечены светло-жёлтые слои глины, спорадически видны гумусно-зольниковые вкрапления светло-серого цвета, и следы деятельности грызунов (рис. 8, 2е).

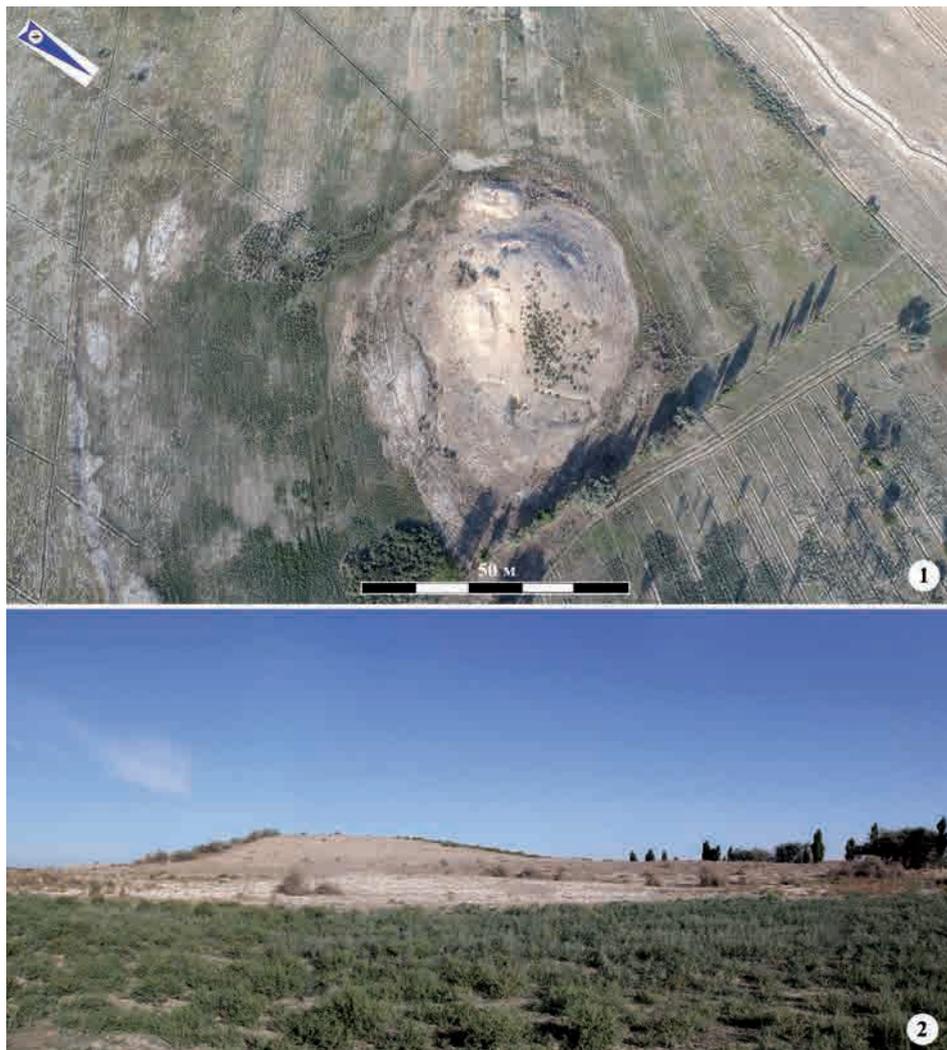

Рис. 7. Городище Актобе кызылкольское: 1 – вид сверху; 2 – общий вид

Fig. 7. Settlement Kyzylkol Aktobe: 1 – top view; 2 – general view

В ходе работ был получен археологический материал (керамика, каменные орудия), часть которого даёт информацию для предварительных хронологических и историко-культурных заключений. В частности, это керамика хозяйственно-бытового, столового и кухонного назначения (в основном фрагментарная), в числе которой заслуживают внимания:

- венчик хумчи, покрытый светло-коричневым ангобом, поверх которого имеются ангобные потёки

более тёмного цвета и кисточкой нанесён тамгообразный знак (рис. 9, 1);

- горловина и верхняя часть тулова крупной фляги (украшена светло-серым и потёками светло-коричневого ангоба) (рис. 9, 2);

- части горловин от столовых кувшинов. Сосуды имеют под венчиком выраженный концентрический рельефный каннелюр, они украшены станковым рифлением, покрыты ангобом тёмно-коричневого, тёмно-серого цветов (рис. 9, 3, 4, 6, 7, 10, 13); не-

Рис. 8. Городище Актобе кызылкольское. Рекогносцировочный шурф:
1 – общий вид; 2 – разрез

Fig. 8. The settlement of Kyzylkol Aktobe. Reconnaissance pit:
1 – general view; 2 – section

которые сосуды имели вертикальные петлевидные ручки (рис. 9, 14);

- фрагмент венчика от столового горшка; покрыт ангобом красно-коричневого цвета и залощён (рис. 9, 5);

- венчики и части тулова с основаниями ручки от столовых кружек. Кружки покрывались красно-коричневым ангобом, украшались вдавленными круглыми пунсонами (рис. 9, 8–9, 12);

- миниатюрная площадка с невысоким бортиком со следами использования на открытом огне (рис. 9, 11).

В контексте историко-культурного происхождения и хронологии определённый интерес представляет и подъёмный материал с городища Актобе кызылкольское. Речь идёт о таких керамических изделиях, как прясла (пряслица) (рис. 10, 4) и заготовки к ним (рис. 10, 1–3), а также декор некоторых видов посуды: станковое рифление (рис. 10, 8–11); ангобные потёки (рис. 10, 12, 13–15), прочерченное рифление (рис. 10, 16), прямоугольное с отверстием каменное навершие, судя по всему, для черешкового бытового ножа (рис. 10, 5).

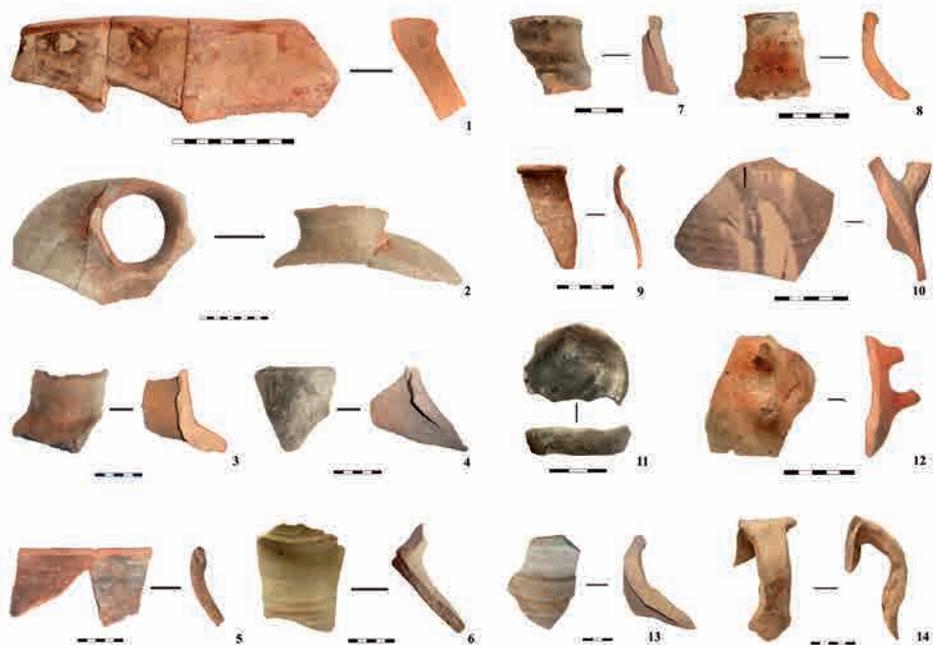

Рис. 9. Городище Актобе кызылкольское. Керамический комплекс из рекогносцировочного шурфа и подъёмного материала

Fig. 9. The settlement of Kyzylkol Aktobe. Ceramic complex of reconnaissance pit and lifting material

Каменное сооружение на холме Кызылсенгир

Это сооружение находится наверху правильного конусовидного останца из материковых неогеновых глин красного цвета, лишённых всяких культурных отложений. Параметры конуса: диаметр основания 200–240 м, высота 18–20 м (рис. 12, 2). В верхней части конуса чётко фиксируется искусственно сложенная платформа-стилобат из глин другого происхождения и цвета размерами 30×22 м и высотой порядка 2–2,5 м, на которой расположено прямоугольное в плане сооружение из каменных стен размерами 17×15 м при сохранившейся высоте около 0,5–0,7 м. По этой причине верхняя часть конуса Кызылсенгир имеет трёхступенчатый вид в разрезе, напоминающий классический зиккурат. Значительное количество каменных валунов из кладки

верхнего контура стен осыпалось на склоны холма, однако общая прямоугольная планировка здания, как и треугольное предвратное сооружение с северной стороны, фиксируется очень хорошо (рис. 12, 1).

Склоны материкового холма-конуса плавные, но достаточно крутые, порядка 30–32°, они все усеяны тысячами мелких фрагментов самой разнообразной по назначению, размерам и декору керамики (от хумов, тагара, горшков, кувшинов, чаш – до косметических сосудиков), а также разбитыми частями каменных жерновов, ладьевидных зернотёрок, тёрков и маленьких тёрочек, оселков-кайраков, иных функциональных камней, круглых грузил и т.п. (найден также бронзовый браслет – рис. 14, 3).

Собранный со склонов материкового холма-конуса подъёмный ма-

териал представлен следующими значимыми артефактами:

- фрагментами каменных орудий труда: круглые жернова из песчаника и гранита с отверстием в центре и функциональной поверхностью с бороздами (рис. 15, 1);

- ладьевидные зернотёрки с характерной выработанной рабочей поверхностью (рис. 15, 2); одна зернотёрка имеет полировку всех сторон (рис. 15, 3);

- тёрочки к зернотёркам различной формы (рис. 15, 6, 7);

- грузила округлые с отверстием в центре (рис. 15, 4, 5);

- каменное многофункциональное ложило с четырьмя рабочими гранями (рис. 11, 8).

Получен также выразительный керамический подъёмный материал, который характеризуют следующие фрагменты от сосудов различного функционального назначения:

- горизонтальные зооморфные ручки с выступами от кухонных горшков (котлов), имитирующих рога животных (рис. 16, 1, 3);

- зооморфный декор в районе крепления оснований ручек сосудов (в верхней и нижней частях) в виде изображений головы архара, завитков рогов, выступов в верхней части ручки, а также частей тела других животных (рис. 16, 2, 4–6);

- антропоморфное изображение на стенке сосуда с выраженными мужскими половыми признаками (рис. 16, 9);

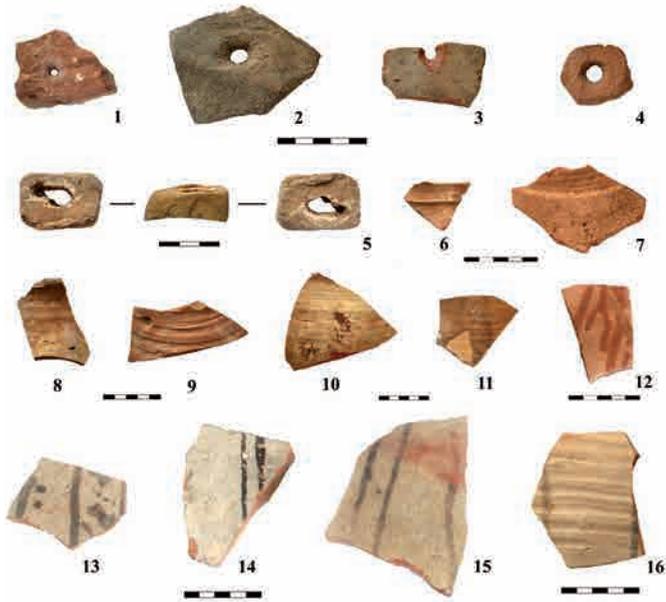

Рис. 10. Городище Актобе кызылкольское. Варианты декора керамической посуды

Fig. 10. The settlement of Kyzylkol Aktobe. Ceramic dishes decor options

- рельефно-выпуклые тамгообразные знаки подковообразной и стреловидной формы (в том числе парные; рис. 16, 5, 12–14).

- прочерченные знаки в виде вертикальных линий на ручках (рис. 16, 7, 8).

С целью выявления стратиграфии верхних культурных напластований и получения археологического материала во внутреннем пространстве каменного сооружения, в южной его стороне, был заложен рекогносцировочный шурф размерами 1,6×1,8 м, который был доведён до глубины 1,3 м от уровня дневной поверхности (рис. 13, 1). В результате в северо-восточной части шурфа была зафиксирована стационарная стена, сложенная из камня, которая, видимо, является частью внутренней застройки (рис. 13, 1а), а на уровне пола шурфа в юго-западной его части зафиксиро-

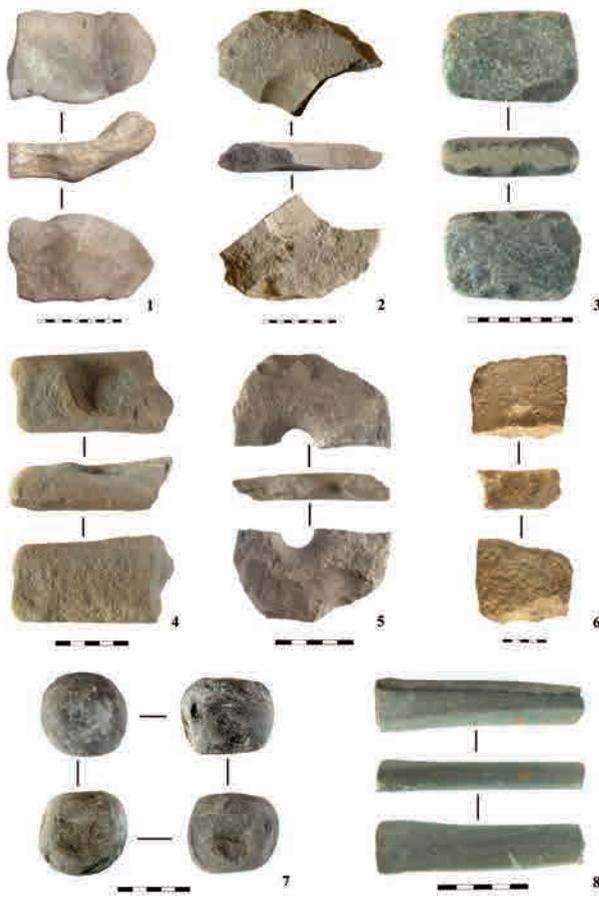

Рис. 11. Орудия труда из камня

Fig. 11. Tools made of stone

ваны мощные горизонтальные многослойные зольники (рис. 13, 1б).

Разрезы и фиксация стратиграфии всех бровок рекогносцировочного шурфа представлены на рисунке 13 (рис. 13, 2–5) и демонстрируют следующую закономерность: верхние напластования, до 0,6–0,7 м толщиной, являются практически стерильными в культурном контексте, в них эпизодически встречаются мелкие фрагменты керамики и отмечены только крупные камни, из которых выложены внутренние стены каменного сооружения. В противоположность нижние

слои насыщены большим количеством зольников, мелких углей, здесь сосредоточены целые формы сосудов и многочисленные фрагменты керамики, которые все носят следы использования на открытом огне.

В частности, здесь в северо-восточном углу шурфа обнаружен сильно обгоревший столовый кувшин (форма восстанавливается), а также абсолютно целый и готовый к использованию миниатюрный керамический тигель для выплавки драгоценных металлов (золото, серебро; рис. 13, 1в, 1г; 14, 1, 2). Кроме всего, здесь же обнаружены фрагменты кухонной посуды с рельефно-выпуклыми подковообразными знаками-тамгами (рис. 14, 4–6).

Обсуждение материалов и выводы

Вопрос функционального предназначения каменного сооружения на сопке Кызылсенгир остаётся открытым. Однако такие обстоятельства, как масса битой керамики, каменных орудий труда (ритуал намеренного «уничтожения»), множество зольников и напластований из сгоревшего органического топлива внутри объекта, а также находка керамического тигля для выплавки золота, позволяют предварительно трактовать его как храм-святилище, имеющий отношение, скорее всего, к зороастризму.

Рис. 12. Каменное сооружение на холме Кызылсенгир: 1 – вид сверху; 2 – общий вид
 Fig 12. Stone structure on Kyzylsengir hill: 1 – top view; 2 – general view

Отметим, что археологические материалы городища Актобе кызылкольское и каменного сооружения Кызылсенгир по ряду параметров (керамика и приёмы декора, каменный инвентарь, знаки-тамги) тесным образом перекликаются, демонстрируют историко-культурное единство и временную синхронность, в том числе – с опорным крупным центром государства Кангюй I–IV вв. городищем Ушбастобе в Угамской долине [Подушкин А.Н., 2019, с. 165, рис. 1, 1–13].

Остановимся на вопросах хронологии. В качестве уверенных хро-

ноиндикаторов, полученных при раскопках на двух объектах, выступают керамический комплекс, каменные орудия труда, характер декора сосудов, тамгообразные знаки и антропоморфное изображение. Например, перечисленные выше формы сосудов, приёмы декора (особенно станковое рифление, рельефно-выпуклые концентрические каннелюры под венчиком кувшинов, покрытие коричнево-красным ангобом и его потёками), наличие знаков на керамике прямо перекликается с керамикой арысской культуры Южного Казахстана (конец второго карато-

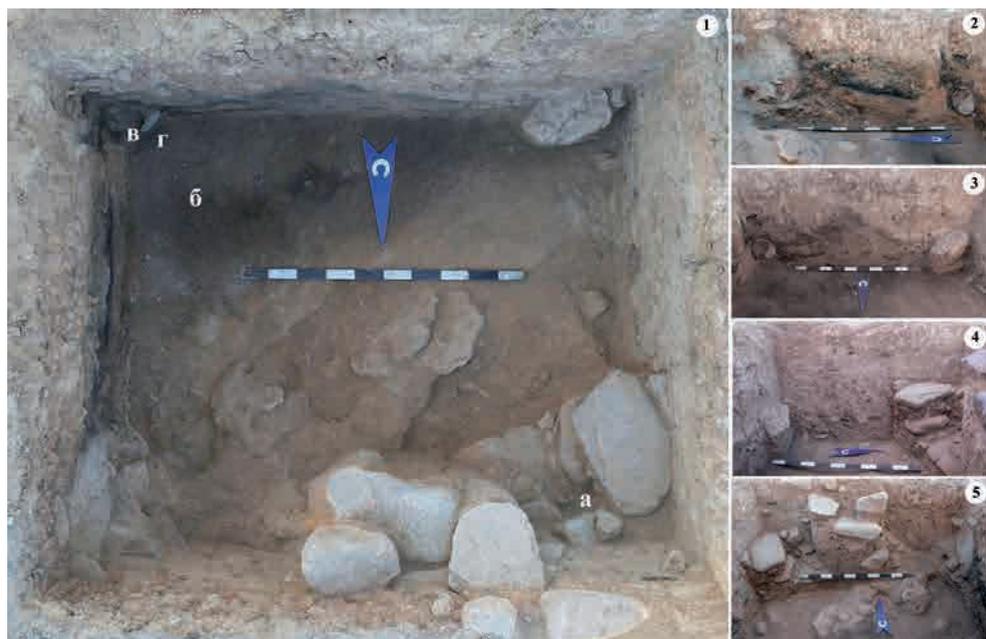

Рис. 13. Рекогносцировочный шурф на каменном сооружении Кызылсенгир: 1 – вид сверху; 2–4 – стратиграфические разрезы

Fig. 13. Reconnaissance pit at the Kyzylsengir stone structure: 1 – top view; 2–4 – stratigraphic sections

бинского этапа) периода государства Кангюй III–IV вв. [Подушкин А.Н., 2000, с. 116; рис. на с. 106–108]; прочерченное рифление как декор отмечено в могильнике Шага [Максимова, 1974, с. 102–103, рис. 10, 2]

В контексте хронологических и историко-культурных заключений интересен набор каменных орудий труда, часть которого получена при сборе подъемного материала (рис. 11, 1–5), а часть происходит из рекогносцировочного шурфа (рис. 11, 6–8). Так, ладьевидные зернотёрки, тёрочки к ним, тёрочки-ступки, а также круглые каменные грузила с отверстием в центре встречены в материалах поселения Караултобе I–IV вв. [Подушкин Н.П., 1974, с. 81, табл. I, 1, 2, 5–18]; аналогичные зернотёрки и каменные грузила встречены на поселении Актобе

баба-атинском III–IV вв. [Сенигова, 1962, с. 78, рис. 19, 1; рис. 20, 1, 2, 4–8]. Каменные жернова и ладьевидные зернотёрки, подобные кызылкольским, имеются в материалах усадьбы Кайрагач первой половины I тыс. н.э. из юго-западной Ферганы [Брыкина, 1982, с. 84, табл. 39, 3–7].

Заслуживает внимания также антропоморфное изображение из каменного сооружения Кызылсенгир, аналогии которому отмечены в материалах джетыасарской культуры низовьев Сырдарьи II–IV вв. [Левина, Чижова, 1995, с. 187, рис. 2, 8, 9].

Корреляция приведённых выше аналогий и хронологических выкладок позволяют отнести новые археологические материалы из рекогносцировочных раскопок городища Актобе кызылкольское и каменного сооруже-

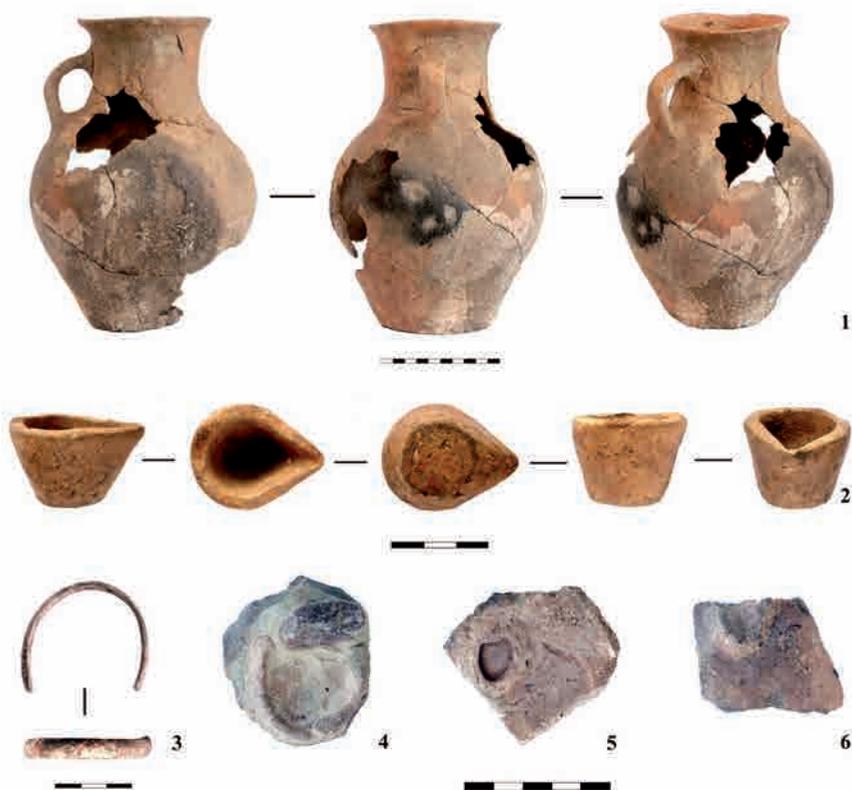

Рис. 14. Артефакты из рекогносцировочного шурфа на каменном сооружении холма Кызылсенгир: 1 – керамический столовый кувшин; 2 – керамический тигель для выплавки драгоценных металлов; 3 – бронзовый браслет; 4–6 – фрагменты керамики с тамгообразными знаками

Fig. 14. Artifacts from reconnaissance pit on the stone structure of the Kyzylsengir hill: 1 – ceramic jug; 2 – ceramic crucible for precious metals smelting; 3 – bronze bracelet; 4–6 – fragments of ceramics with tamga-shaped signs

ния Кызылсенгир КИКЗ ко времени I–III, возможно IV–V вв. н.э., а в этнокультурном плане уверенно связать их с арысской культурой Южного Казахстана, отражающей устойчивые системы традиций в материальной сфере государства Кангуй.

В завершение выводов о первоначальном изучении памятников археологии КИКЗ, подчеркнем одно обстоятельство, иллюстрирующее высокую значимость последующих научных изысканий в этом регионе:

аэрофотосъемка квадрокоптером выявила ещё один немаловажный элемент, который представляет собой две параллельные гравийные и каменные отсыпки длиной около 300 м при ширине от 6–8 м (вместе с разделительным пространством), фиксируемые в направлении восток–запад от городища Актобе кызылкольское вблизи курганного поля могильника Кызылколь 1 (западная группа насыпей) к каменному сооружению на сопке Кызылсенгир (рис. 17).

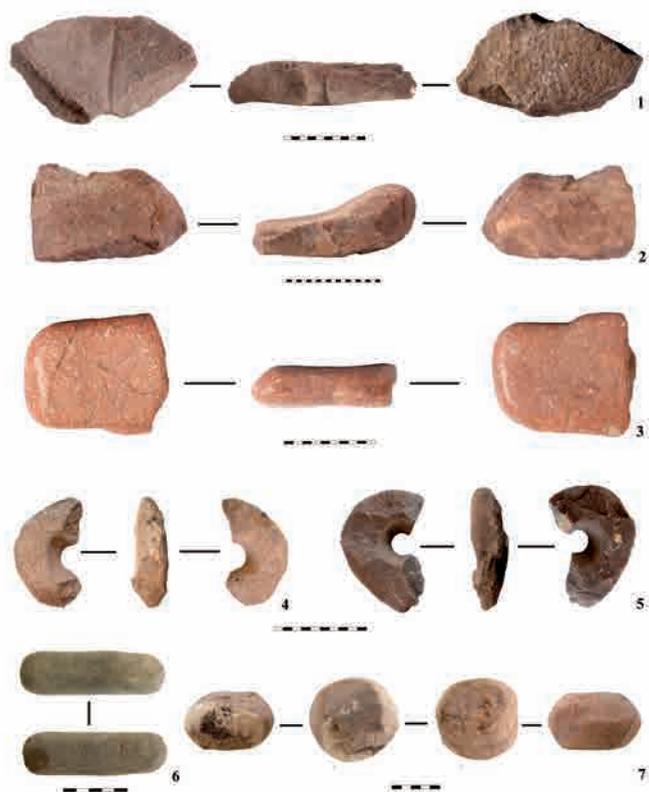

Рис. 15. Каменное сооружение на холме Кызылсенгир. Подъемный материал: 1 – фрагмент жернова; 2, 3 – фрагменты зернотёрок; 4, 5 – фрагменты грузил; 6, 7 – тёрочки. 1–7 – камень

Fig. 15. Stone structure on Kyzylsengir hill. Lifting material: 1 – fragment of millstone; 2, 3 – fragments of grains; 4, 5 – fragments of weights; 6, 7 – pestles, 1–7 – stone

Судя по всему, учитывая связывающую функцию и контекст «начало-конец», это дорога (путь) от городища («местожительство» с отдельно стоящим прямоугольным сооружением, возможно, культового назначения), у «могил предков» в виде курганных насыпей, к храму-святилищу (рис. 17).

Анализ иных составляющих (особенно в плане некоторых представлений зороастрийского содержания: «Мировая Гора», «Священная Вода», культ фарн-хварна у кангюйцев в воплощении архара или че-

ловека), красный цветосимволизм основания холма Кызылсенгир (символ огня, солнца, золота), ритуальное уничтожение почти всех предметов, имеющих причастность к земледельческому способу хозяйствования, в ходе «огненного» действия внутри каменного сооружения, не оставляют сомнений в том, что мы имеем дело с уникальным культовым центром государства Кангюй.

Археологический и историко-культурный потенциал работ в КИКЗ объективно значителен, об этом свиде-

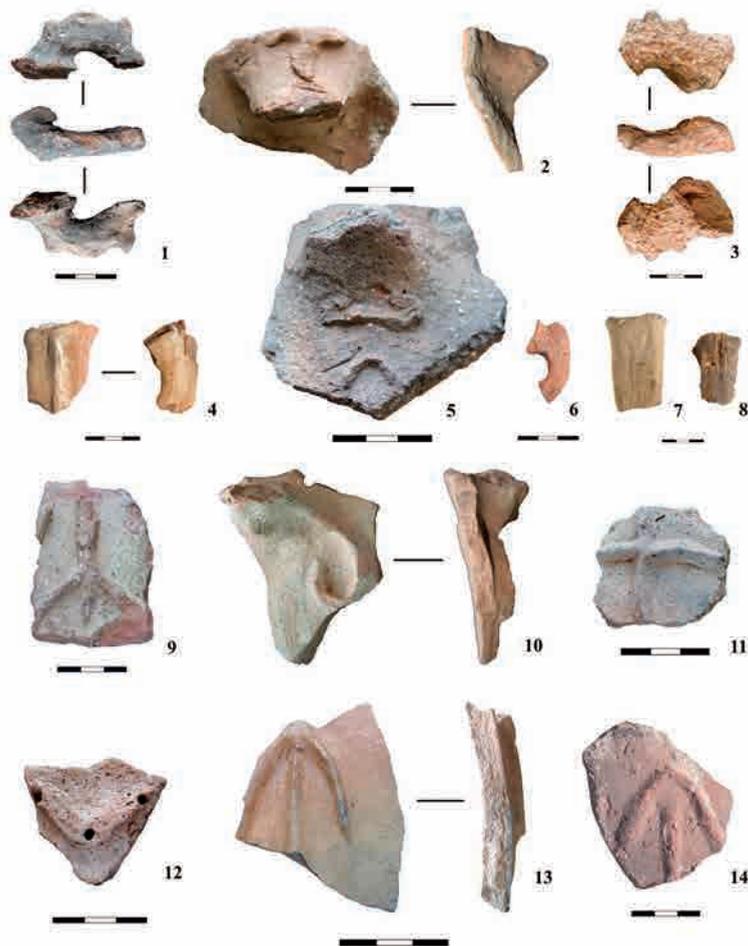

Рис. 16. Каменное сооружение на холме Кызылсенгир. Керамика: 1, 3 – зооморфные горизонтальные ручки; 2, 5, 10 – мотивы, связанные с образом барана; 6 – зооморфный налест в верхней части ручки; 7, 8, 11–14 – тамгаобразные знаки

Fig. 16. Stone structure on Kyzylsengir hill. Ceramics: 1, 3 – zoomorphic horizontal handles; 2, 5, 10 – motives related to the image of the ram; 6 – zoomorphic patch at the top of the handle; 7, 8, 11–14 – tamga-shaped signs

тельствует уже полученный материал, исчисляемый множеством артефактов только с двух объектов. С началом исследований памятников в КИКЗ можно констатировать, что фактически речь идёт о научном и историко-культурном освоении нового региона,

ранее не изученного, особенно – в контексте периода истории, связанного с поздним государством Кангюй, эфталитами («белые сунну»), возможно – тюрками и согдийцами.

Рис. 17. Кызылкольская историко-культурная зона. Маркировка памятников культового центра государства Кангюй (вид сверху)
Fig. 17. Kyzylkol historical and cultural zone. Marking of monuments of the cult center of Kangju state (top view)

ЛИТЕРАТУРА

1. Агеева Е.И. Краткие итоги работ археологических экспедиций Института истории, археологии и этнографии 1953 года // Известия АН КазССР. Сер. истории, экономики, философии и права. 1954. № 137, вып. 1. С. 83-86.
2. АКК. Археологическая карта Казахстана. Реестр / Е.И. Агеева, К.А. Акишев, Г.А. Кушаев и др. (сост.). Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1960. 449 с.
3. Брыкина Г.А. Юго-Западная Фергана в первой половине I тысячелетия нашей эры. М.: Наука, 1982. 196 с.
4. Левина Л.М., Чижова Л.В. О некоторых зооморфных и антропоморфных изображениях в джетысарской культуре // Низовья Сыр-Дарьи в древности: джетысарская культура. М.: Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая, 1995. Вып. V, ч. 5. С. 185-201.
5. Максимова А.Г. Гробницы типа науса у с. Чага (Шага) // В глубь веков / отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: изд-во «Наука» КазССР, 1974. С. 95-118.
6. Подушкин А.Н. Государство Кангюй в свете новых археологических, палеолингвистических и нумизматических данных // Древности Восточной Европы, Центральной Азии и Южной Сибири в контексте связей и взаимодействий в евразийском культурном пространстве (новые данные и концепции): м-лы междунар. конф. (г. СПб, 18–22 ноября 2019 г.). СПб.: ИИМК РАН, 2019. Т. I. С. 165-168.
7. Подушкин А.Н. Арысская культура Южного Казахстана IV в. до н.э. – VI в. н.э. Туркестан: изд-во МКТУ им. Х.А. Ясави, 2000. 202 с.
8. Подушкин А.Н. Николай Павлович Подушкин – учёный, археолог, человек (к 90-летию со дня рождения) // Археология Казахстана. 2019. № 3 (5). С. 24-36.
9. Подушкин Н.П. О хозяйстве оседлого населения Арысы в I – IV вв. н.э. // В глубь веков / отв. ред. К.А. Акишев. Алма-Ата: изд-во «Наука» КазССР, 1974. С. 78-84.

10. Свод памятников истории и культуры Казахстана. Южно-Казахстанская область. Алматы: «Қазақ энциклопедиясы», 1994. 367 с.

11. Сенигова Т.Н. Поселение Актобе // ТИИАЭ АН КазССР. 1962. Т. 14. С. 57-82.

12. Сенигова Т.Н., Мерциев М.С., Максимова А.Г. Археологические исследования на северных склонах Каратау // ТИИАЭ АН КазССР. 1962. Т. 14. С. 57-116.

REFERENCES

1. Ageeva, E. I. 1954. In: *Izvestiya AN KazSSR. Ser. istorii, ekonomiki, filosofii i prava (News of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR. Ser. history, economics, philosophy and law)*, 137, 1, 83-86. (in Russian).

2. Ageeva, E. I., Akishev, K. A., Kushaev, G. A. et al. (compl.). 1960. *Arheologicheskaya karta Kazahstana (Archaeological map of Kazakhstan)*. Register. Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh SSR Publ. (in Russian).

3. Brykina, G. A. 1982. *Yugo-Zapadnaya Fergana v pervoy polovine I tysyacheletiya nashey ery (Southwest Fergana in the first half of the 1st millennium AD)*. Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

4. Levina, L. M., Chizhova, L. V. 1995. In: *Nizoviya Syr-Darii v drevnosti: dzhetysarskaya kultura (Lower Syr-Darya in antiquity: Jetyasar culture)*. Moscow: N.N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnology and Anthropology, 185-201 (in Russian).

5. Maksimova, A. G. 1974. In: Akishev, K. A. (ed.). *V glub vekov (Into the depths of the centuries)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ., 95-118 (in Russian).

6. Podushkin, A. N. 2019. In: *Drevnosti Vostochnoy Evropy, Centralnoy Azii i Yuzhnoy Sibiri v kontekste svyazey i vzaimodeystviy v evraziyskom kulturnom prostranstve (novye dannye i koncepcii) (Antiquities of East Europe, South Asia and South Siberia in the context of connections and interactions within the Eurasian cultural space (new data and concepts))*, 1. Saint Petersburg: Institute for the history of material culture RAS, 165-168 (in Russian).

7. Podushkin, A. N. 2000. *Arysskaya kultura Yuzhnogo Kazahstana IV v. do n.e. – VI v. n.e. (Arys culture of South Kazakhstan 4th c. BC. – 6th c. AD)*. Turkestan: Akhmet Yassawi International Kazakh-Turkish University (in Russian).

8. Podushkin, A. N. 2019. In: *Kazakhstan Archeology*, 3 (5), 24-36 (in Russian).

9. Podushkin, A. N. 1974. In: Akishev, K. A. (ed.). *V glub vekov (Into the depths of the centuries)*. Alma-Ata: "Nauka" Publ., 78-84 (in Russian).

10. *Svod pamyatnikov istorii i kultury Kazahstana. Yuzhno-Kazahstanskaya oblast (The collection of monuments of history and culture of Kazakhstan. South Kazakhstan region)*. 1994. Алматы: "Kazakh enciklopediyasy" (in Russian).

11. Senigova, T. N. 1962. In: *Trudy Instituta istorii, arheologii i etnografii Akademii nauk KazSSR (Proceedings of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR)*, 14, 57-82 (in Russian).

12. Senigova, T. N., Mershchiev, M. S., Maksimova, A. G. 1962. In: *Trudy Instituta istorii, arheologii i etnografii Akademii nauk KazSSR (Proceedings of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Academy of Sciences of the Kazakh SSR)*, 14, 57-116 (in Russian).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The author claim no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 11.05.2021.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 05.06.2021.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 08.06.2021.

АНАЛИЗ АРХЕОЗООЛОГИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА ПОСЕЛЕНИЯ ТАРАНГУЛ (предварительные данные)

© 2021 г. Байтлеу Дархан Айтжанұлы¹,
Шагирбаев Мамбет Сапарбекович¹

¹кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник,
Институт археологии им. А.Х. Марғулана, г. Алматы, Казахстан.
E-mail: baitileu@gmail.com

¹автор-корреспондент, научный сотрудник,
Институт археологии им. А.Х. Марғулана, г. Алматы, Казахстан.
E-mail: mambet_87@mail.ru

Аннотация. Остеологический материал является одним из массовых находок на археологических объектах после фрагментов керамики. Данная особенность характерна для большинства поселений эпохи бронзы Казахстана. Вместе с тем, необходимо подчеркнуть, что остеологический материал чаще всего остается вне комплексных исследований, что обуславливает актуальность проведения палеозоологических анализов. Несмотря на то, что различные памятники эпохи бронзы Урало-Мугалжарского региона имеют длительную историю изучения, привлечение остеологического материала из памятников эпохи бронзы названного региона является эпизодическим. В контексте названной проблемы, с целью реконструкции исторических процессов и определения хозяйственно-культурных типов на поселениях Урало-Мугалжарского региона, нами был проведен анализ археозоологической коллекции, обнаруженной в 2020 г. на поселении эпохи бронзы Тарангул (Каргалинский р-н, Актюбинская обл.). Примечательность данного памятника заключается в близкой расположенности к двум известным и достаточно изученным памятникам эпохи бронзы – Шаншарскому археологическому комплексу и выработке на медь (руднику) Чудской. Таким образом, в статье представлены предварительные результаты анализа археозоологической коллекции, обнаруженной на поселении Тарангул. В ходе исследований определен видовой состав животных, проведен фаунистический и сравнительный анализ остеометрических результатов полученных из поселения. В целом, материалы из поселения Тарангул позволяют рассмотреть актуальную тему взаимоотношений древнего населения в пределах конкретного микрорайона и провести историческую реконструкцию палеоэкономики локального микрорайона.

Ключевые слова: археология, Казахстан, степная зона, Орь-Илекская возвышенность, эпоха бронзы, поселение, остеология, археозоология

ТАРАНҒҰЛ ҚОНЫСЫ АРХЕОЗООЛОГИЯЛЫҚ МАТЕРИАЛДАРЫН САРАПТАУ (алдын ала мәліметтер)

Байтілеу Дархан Айтжанұлы¹, Шагирбаев Мамбет Сапарбекович²

¹тарих ғылымдарының кандидаты, жетекші ғылыми қызметкер,
Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты,
Алматы қ., Қазақстан. E-mail: baitileu@gmail.com

²корреспондент-авторы, ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан атындағы
Археология институты, Алматы қ., Қазақстан. E-mail: mambet_87@mail.ru

Аннотация. Остеологиялық материал – керамика фрагменттерінен кейін археологиялық нысандардан көптеп табылатын олжалардың бірі. Бұл ерекшелік Қазақстандағы қола дәуіріндегі қоныс-мекендердің көпшілігіне тән. Сонымен бірге, остеологиялық материал көбінесе жан-жақты зерттеулерден тыс қалып қояды, бұл өз кезегінде палеозоологиялық талдаулардың өзектілігін тудырады. Орал-Мұғалжар өңірінің қола дәуіріндегі әртүрлі ескерткіштерінің ұзақ уақыт зерттелу тарихына қарамастан, аталған өңірдің қола дәуіріндегі остеологиялық материалдардың зерттеуге тартылуы эпизодтық мәнге ие болып келеді. Аталған мәселенің негізінде тарихи үдерістерді қайта түзу және Орал-Мұғалжар өңірінің елді мекендеріндегі мәдени-шаруашылық түрлерін анықтау мақсатында, біз қола дәуірімен мерзімделетін Таранғұл қонысынан (Қарғалы ауданы, Ақтөбе обл.) 2020 жылы табылған археозоологиялық материалдарға сараптама жасадық. Бұл ескерткіштің ерекшелігі қола дәуірінің белгілі және толық зерттелген ескерткіштері – Шаншар археологиялық кешені мен Чудской мыс (кеніші) өндіру орнына жақын орналасуы болып табылады. Мақалада Таранғұл қонысынан табылған археозоологиялық материалдарды талдауының алдын-ала нәтижелері көрсетілген. Зерттеу барысында палеозоологиялық сараптама жасалды. Атап айтқанда, жануарлардың түрлері анықталып, сүйек қалдықтардың негізінде фаунистикалық талдау жүргізілді. Жалпы, Таранғұл қонысынан анықталған остеологиялық материалдар бізге белгілі бір шағын аудандағы ежелгі халықтың арасындағы қатынасты және жергілікті ықшам ауданның палеоэкономикасын тарихи қайта түзуді қарастыруға мүмкіндік береді.

Түйін сөздер: археология, Қазақстан, дала аймағы, Ор-Елек қыраты, қола дәуірі, қоныс, остеология, археозоология, сараптама

ANALYSIS OF ARCHAEOZOOLOGICAL MATERIALS FROM TARANGUL SETTLEMENT (preliminary data)

Baitileu Darkhan¹, Shagirbayev Mambet²

¹Candidate of historical sciences, leading researcher, A.Kh. Margulan Archeology Institute, Almaty, Kazakhstan. E-mail: baitileu@gmail.com

²corresponding author, researcher, A.Kh. Margulan Archeology Institute, Almaty, Kazakhstan. E-mail: mambet_87@mail.ru

Abstract. Osteological material is one of the mass finds at archaeological sites after fragments of ceramics. This feature is characteristic of most settlements of the Bronze Age of Kazakhstan. At the same time, it should be emphasized that osteological material is most often left out of comprehensive studies, which determines the relevance of paleozoological analyses. Despite the fact that various Bronze Age monuments of the Ural-Mugalzhar region have a long history of study, the attraction of osteological material from Bronze Age monuments of the named region is episodic. In the context of this problem, in order to reconstruct historical processes and determine economic and cultural types in the settlements of the Ural-Mugalzhar region, we analyzed the archaeozoological collection discovered in 2020 at the settlement of the Bronze Age Tarangul (Kargaly district, Aktobe region). The noteworthiness of this monument lies in the close proximity to two famous and studied monuments of the Bronze Age - the Shanshar archaeological complex and the mining for copper (mine) of Chudskoy. Thus, the article presents preliminary results of the analysis of the archaeozoological collection discovered at the Tarangul settlement. During the studies, paleozoological analysis was carried out, namely, the species composition of animals was determined, faunal and comparative analysis of osteometric results obtained from the settlement was carried out. In general, materials from the Tarangul settlement allow us to consider the current topic of the relationship of the ancient population within a specific microdistrict and carry out a historical reconstruction of the paleoeconomics of the local microdistrict.

Keywords: archaeology, Kazakhstan, Steppe zone, Or-Ilek Upland, Bronze Age, settlement, osteology, archaeozoology, analysis

Введение

Несмотря на то, что археологические памятники Актюбинского Приуралья и Мугалжар имеют длительную историю изучения [Ткачев, 2007; 2008], специальное исследование остеологического материала из памятников эпохи бронзы названного региона, к сожалению, является эпизодическим. Полагаем, что для построения полновесной историко-культурной реконструкции принципиальное значение имеет изучение не только древних производственных структур, но и хозяйства (в т. ч. животноводства), которое составляло основу системы жизнеобеспечения древнего населения. Это, в свою очередь, диктует необходимость проведения комплексных исследований остеологического материала как существенного показателя истории становления и развития древнего хозяйства. В данном контексте, учитывая актуальность реконструкций историко-культурных процессов с привлечением комплексных исследований на стыке естественнонаучных и гуманитарных наук, нами проведен анализ археозоологической коллекции поселения эпохи поздней бронзы Тарангул.

Поселение Тарангул входит в систему одноименного археологического комплекса (Каргалинский р-н, Актюбинская обл.) (рис. 1). С точки зрения исторической географии памятник расположен на северо-западной периферии Уральско-Мугалжарского горно-металлургического центра эпохи поздней бронзы. Для решения ряда вопросов фундаментального характера сотрудниками Института археологии им. А.Х. Маргулана с 2020 г. начато всестороннее исследование археологического комплекса Тарангул

[Байтлеу, Калиева, 2020]. В ходе проведения исследований на поселении наряду с керамическим материалом, особенно массовым, выступил остеологический материал, анализу которого посвящена настоящая статья.

Методы исследования

Описание костей из поселения Тарангул, проводилось в соответствии с их археологической маркировкой (квадрат, глубина и т.д.). Проведено определение элементов скелета, степени сохранности кости, синостоза эпифизов (приросли/не приросли), состояния зубной системы (смена зубов), видовой принадлежности кости. В ходе анализов определялось наличие на костях погрызов животными, следов термообработки и других модификаций.

В ходе проведения описания археозоологического материала использовано руководство А.И. Акаевского [Акаевский и др., 2005, с. 65–120], при определении состава отделов скелета использована методика П.А. Косинцева [Косинцев и др., 2020, с. 203; Косинцев, Бачура, 2013, с. 363–384; Косинцев и др., 2020, с. 169–179; Косинцев и др., 1989, с. 139]. При описании сохранности костей использовался метод Н.Г. Ерохина и О.П. Бачуры [Ерохин, Бачура, 2011, с. 62–69]. В отдельном описании костей использовалась международная ветеринарная анатомическая номенклатура, утвержденная Всемирной ассоциацией ветеринарных анатомов [Международная..., 2013, с. 33–55]. В определении видовой принадлежности некоторых таранных костей, в сравнительном плане рассматривались костные остат-

Рис. 1. Локализация поселения Тарангул на карте Казахстана.
 Карту подготовил М.А. Антонов

Fig. 1. Localization of the Tarangul settlement on the map of Kazakhstan.
 By M.A. Antonov

ки копытных из семейства полорогих (*Bovidae*), найденных на памятниках эпохи античности чирикрабатской культуры [Шагирбаев, Утубаев, 2019, с. 85–99].

Большая часть костей представлена мелкими фрагментами, в этой связи, невозможно определить отдельные элементы скелета и/или их видовую принадлежность. В подобных случаях определение проводилось до уровня таксонов разного ранга – от рода до класса. Не определимые до рода фрагменты костей млекопитающих, на основании толщины

стенок, были разделены на две группы – «крупные», от животных размером с крупный рогатый скот и более и «мелкие», от животных размером с овцу.

Характеристика материала

Для остеологического анализа были привлечены 2739 костей млекопитающих, 8 костей птиц и 8 костей грызунов, обнаруженных на поселении Тарангул. Из всей массы остеологического материала 1042 (38,4%) костей определено до вида (табл. 1).

Таблица 1 – Таксономический состав костных остатков из культурного слоя поселения Тарангул

Table 1 – Species composition of bone remains from the cultural layer Tarangul settlement

Таксоны	Количество костей (экз.)	Количество костей (%%)	Количество особей (мини- мум)
<i>Домашние животные</i>			
Крупный рогатый скот – <i>Bos taurus</i>	473	45,3	57
Мелкий рогатый скот – <i>Capra et Ovis</i>	363	34,8	50
Овца – <i>Ovis aries</i>	96	9,2	16
Коза – <i>Capra hircus</i>	11	1,0	7
Лошадь – <i>Equus caballus</i>	50	4,7	13
Собака – <i>Canis familiaris</i>	3	0,2	3
<i>Дикие животные</i>			
Кулан – <i>Equus hemionus</i>	7	0,6	3
Кабан – <i>Sus scrofa</i>	5	0,4	4
<i>Equus</i> sp. (Лошадь или кулан)	1	0,1	-
Олень благородный? – <i>Cervus elaphus</i>	1	0,1	1
Косуля? – <i>Capreolus pygargus</i>	1	0,1	1
Архар – <i>Ovis ammon</i>	1	0,1	1
Сайга – <i>Saiga tatarica</i>	1	0,1	1
Заяц – <i>Lepus tolai</i>	6	0,5	5
Лисица – <i>Vulpes vulpes</i>	4	0,4	2
Собака или волк – <i>Canis</i> sp.	3	0,2	-
Всего	1042	100,0	164
Грызуны – <i>Rodentia</i> sp.		8	
Млекопитающие (крупные неопределенные)		580	
Млекопитающие (мелкие неопределенные)		1117	
Птица – <i>Aves</i> indet.		8	

Тафономический анализ показал, что по глубине горизонтов раскопа костные остатки животных распределены неравномерно. Самым скудным на костные остатки является верхний горизонт (0–20 см). Интенсивность находок костей увеличивается во втором (20–40 см) и четвертом (60–80 см) культурных слоях поселения. Количество костей из третьего (40–60 см) и пятого (80–100 см) культурных слоев по количеству равномерны (рис. 2). Соотношение остатков копытных и костей животных из группы «ближе

не определимые» по глубине залегания культурных отложений выглядит примерно одинаково.

Костный материал из поселений чаще всего характеризуется фрагментарной сохранностью, в редких случаях обнаруживаются целые кости. Обычно в палеозоологических коллекциях, собранных на поселениях, имеется высокий процент неопределимых костей, который представлен многочисленными мелкими костными фрагментами [Ахинжанов и др., 1992; Гайдученко, Ломан, 2015]. В данном

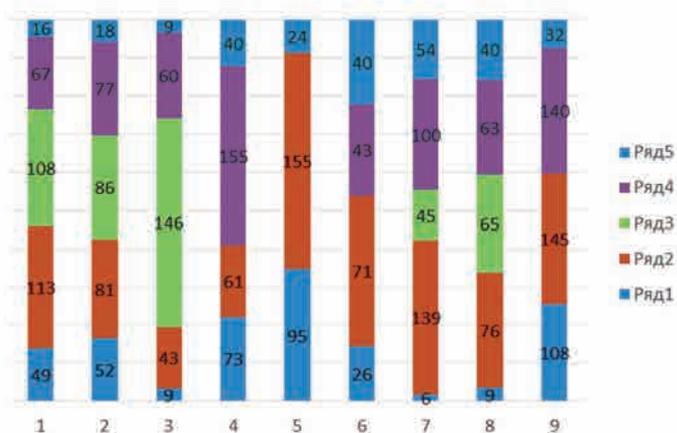

Рис. 2. Распределение костных остатков по квадратам и горизонтам (экз.): 1–9 – номера квадратов; Ряд 1–5 – горизонты раскопа (от 0 до 100 см)

Fig. 2. Distribution of bone residues by squares and horizons (ex.): 1–9 – numbers of squares; Row 1–5 – excavation horizons (from 0 to 100 cm)

случае на фрагментацию костей могла повлиять специфика разделывания туш животных древним человеком. Подобный случай сильной фрагмен-

тации костей не стал исключением и для остеологической коллекции поселения Тарангул (табл. 2).

Таблица 2 – Сохранность костей домашних копытных

Table 2 – Preservation of bones of domestic ungulates

Сохранность костей	Крупный рогатый скот		Лошадь		МРС	
	Экз.	%	Экз.	%	Экз.	%
Целые	68	14	7	14	87	19
Фрагменты	405	86	43	86	372	81
Всего	473	100	50	100	459	100

Таблица 3 – Соотношение остатков домашних копытных по горизонтам, %%

Table 3 – The ratio of the remains of domestic ungulates along the horizons, %%

Таксон	Горизонты											
	1		2		3		4		5		1–5	
	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%	Абс.	%
Крупный рогатый скот	40	48,1	82	38,3	110	48,8	92	45,7	149	55,1	473	47,6
Мелкий рогатый скот	43	51,9	116	54,2	104	46,2	92	45,7	115	42,5	470	47,3
Лошадь	0	0	16	7,5	11	5,0	17	8,6	6	2,4	50	5,0
Всего костей, экз.	83	100	214	100	225	100	201	100	270	100	993	100

Исходя из результатов анализа костных остатков из поселения Тарангул, а именно анализа соотношения остатков домашних копытных по горизонтам можно предположить, что в рационе питания древнего человека использовались особи домашних копытных, преимущественно крупный и мелкий рогатый скот (табл. 3). Среди костей мелкого рогатого скота явно преобладают кости овцы. Согласно результатам анализа, можно наблюдать, что лошадь в рационе питания, в сравнении с крупным и мелким рогатым скотом использовалась редко.

Отметим, что среди отделов скелета преобладают фрагменты черепа животных. Фрагменты костей от оставшихся частей тел млекопитающих по количеству практически равномерны (табл. 4). Вместе с тем, многочисленность костей нижних отделов конечностей указывает на то, что домашние животные, вероятно, были забиты на территории поселения Тарангул. Сезон забоя скота на данном этапе исследования еще не определен, в силу ряда объективных причин.

В целом, обнаруженный состав элементов скелета домашних животных на поселении Тарангул указывает на то, что найденные кости являются типичными «кухонными» остатками.

Исследование возрастного состава домашних млекопитающих показало, что большинство костных остатков, обнаруженных на поселении Тарангул, принадлежит взрослым особям животных (старше 3 лет), особенно это заметно по фрагментам трубчатых костей. У большинства фрагментов костей конечностей животных фиксируются приросшие эпифизы. Все это может указывать на то, что на поселении Тарангул животноводство не имело ярко выраженного «мясного» направления.

Вместе с тем, редкое обнаружение или полное отсутствие в культурном слое поселения костей молодых особей домашних млекопитающих косвенно указывает на применение жителями поселения Тарангул отгонной формы скотоводства, характерной для населения периода позднего бронзового века Урало-Мугалжарского региона.

Согласно результатам анализов, можно предположить, что охота на диких животных была крайне редким явлением для жителей поселения Тарангул. Кости диких животных в составе остеологического материала малочисленны и составляют лишь 4% в сравнении с 96% костей домашних копытных. Среди диких копытных в составе остеологической коллекции

Таблица 4 – Соотношение отделов скелета домашних копытных

Table 4 – Ratio of sections of the skeleton (specimens) of domestic ungulates

Отделы скелета	Лошадь		Крупный рогатый скот		МРС Овца-Коза	
	Экз.	%	Экз.	%	Экз.	%
Голова	8	16	131	27,6	142	30,9
Изолированные зубы	0	0	22	4,6	15	3,2
Туловище	20	40	127	26,8	71	15,4
Верхний отдел конечностей	11	22	77	16,2	127	27,6
Нижний отдел конечностей	11	22	116	24,5	104	22,6
Всего:	50	100	473	100	459	100

поселения Тарангул были выявлены кости кулана, сайги, архара, кабана, косули и оленя.

Среди костных остатков диких хищников обнаружены фрагменты костей волка и лисицы, но вместе с тем мы допускаем, что кости названных животных могли попасть на поселение случайно. Находки костей зайца и птицы, обнаруженных на поселении Тарангул, возможно связаны с деятельностью человека, но на данном этапе исследования доказать эту гипотезу не представляется возможным.

В целом, результаты анализа показывают, что дикие животные занимали незначительную часть в рационе древнего населения, а особи диких животных представлены как «мясными», так и «пушными» видами.

Отмечая domesticiрованных хищников, необходимо подчеркнуть, что на поселении Тарангул костей, принадлежащих собаке, на данном этапе исследования обнаружено незначительное количество. Тем не менее, мы предполагаем, что собаки постоянно обитали на территории поселения, на это указывает наличие костей (11 экз.), погрызенных собакой (табл. 5).

При проведении анализов костных остатков из поселения Тарангул зафиксирован единичный случай остеофагии (погрыз кости копытным животным). Подобные случаи могут указывать на то, что часть домашних копытных определенное время могла содержаться на территории поселения [Рассадников, 2017, с. 163–168]. В данном случае можно предположить, что домашние копытные располагались на поселении Тарангул лишь на передержке, с целью дальнейшего убоя для жизнедеятельности человека, а основные пастбища для выпаса

скота располагались на более благоприятных участках в некотором отдалении от поселения.

Таблица 5 – Состав и количество модифицированных костей

Table 5 – Composition and number of modified bones

Качественный состав костей	Количество костей (экз.)
Погрызенные кости	11
Обработанные кости	2
Обгорелые (кальцинированные) кости	3
Патология костей	4
Погрызен копытным животным (остеофагия)	1
Всего:	21

Заклучение

Таким образом, несмотря на предварительный характер результатов анализа археозоологической коллекции поселения Тарангул, можно сделать отдельные выводы как методологического, так и теоретического характера.

Как было отмечено ранее, остеологические исследования на археологических памятниках Актюбинского Приуралья и Северных Мугалжар имеют эпизодический характер, это, в свою очередь, является причиной усугубления проведения не только исследований с применением естественнонаучных методов, но и сложности инициирования традиционных сравнительно-типологических процедур. Для конкретных выводов об общих и особенных признаках промысловой охоты, а также половозрастном составе стада, сезонов забоя скота, ха-

рактуре хозяйственно-культурной системы и в целом животноводства как одного из основных факторов жизнеобеспечения населения в позднем бронзовом веке в названном регионе, необходимы комплексные данные из известных археологических памятников региона.

Если рассматривать, полученные в ходе анализа, сведения в контексте изучения хозяйственно-культурных типов, то нужно отметить, что материалы из поселения Тарангул могут восполнить апробированные выводы, основанные на изучении памятников Шаншарского археологического микрорайона [Ткачев и др., 2013], а также рудника Чудской, которые расположены относительно близко к археологическому комплексу Тарангул. Выявленная на Шаншаре монолитная в культурно-хронологическом отношении группа памятников позднего бронзового века, образующих компактный археологи-

ческий микрорайон, к сожалению, исследована не полностью. Отсутствие поселений в Шаншарском археологическом микрорайоне не позволяет провести полноценную реконструкцию социально-экономических условий. В данном контексте актуальность всестороннего исследования материалов из поселения Тарангул несомненна. Полученные результаты из поселения Тарангул могут послужить хорошим заделом для дальнейших реконструкций сложной системы социокультурных и хозяйственных взаимоотношений внутри локального микрорайона.

В заключении отметим, что изучение археозоологических материалов поселения Тарангул пока не завершены полностью и будут продолжаться по мере проведения археологических работ на памятнике, а предварительные выводы представленные в настоящей статье будут корректироваться и дополняться.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Акаевский А.И., Юдичев Ю.Ф., Селезнев С.Б.* Анатомия домашних животных / под ред. С.Б. Селезнева. М.: ООО «Аквариум-Принт», 2005. 5-е изд., перераб. и доп. 640 с.
2. *Ахинжанов С.М., Макарова Л.А., Нурумов Т.Н.* К истории скотоводства и охоты в Казахстане (по остеологическому материалу из археологических памятников энеолита и бронзы). Алма-Ата: Гылым, 1992. 218 с.
3. *Байтлеу Д.А., Калиева Ж.С.* Результаты исследований археологического комплекса эпохи бронзы Тарангул на севере Орь-Илекской возвышенности в 2020 году // Кадырбаевские чтения–2020: м-лы VI Междунар. науч. конф. (г. Актобе, 27–28 ноября 2020 г.) / отв. ред. А.Б. Уразова. Актобе: Актюбинский областной историко-краеведческий музей, 2020. С. 7-22.
4. *Гайдученко Л.Л., Ломан В.Г.* Фаунистический комплекс поселения Донгал в Центральном Казахстане // Археология Западной Сибири и Алтая: опыт междисциплинарных исследований. Сб. ст., посвящ. 70-летию профессора Ю.Ф. Кирюшина / под ред. А. А. Тишкина. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2015. С. 200-204.
5. *Ерохин Н.Г., Бачура О.П.* Новый подход к компьютерной формализации раздробленности костных остатков млекопитающих в археозоологических исследованиях // Методика междисциплинарных археологических исследований. Омск: Наука, 2011. С. 62-69.

6. Косинцев П.А., Бачура О.П. Костные остатки животных из поселения Устье // Древнее Устье: укрепленное поселение бронзового века в южном Зауралье. Коллективная монография / отв. ред. Н.Б. Виноградов, науч. ред. А.В. Епимахов. Челябинск: «Абрис», 2013. С. 363-387.

7. Косинцев П.А., Варфоломеев В.В., Кисагулов А.В. Новые материалы по животноводству населения Казахского мелкосопочника в конце эпохи бронзы // Маргулановские чтения – 2020: м-лы междунар. науч.-практ. конф. «Великая Степь в свете археологических и междисциплинарных исследований» (г. Алматы, 17–18 сентября 2020 г.). Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2020. Т. 1. С. 196-179.

8. Косинцев П.А., Гимранов Д.О., Ломан В.Г. Костные остатки животных из поселения финального бронзового века Донгал (Центральный Казахстан). Новые исследования // История и культура Великой Степи: м-лы междунар. науч.-практ. конф. (г. Алматы, 26–27 августа 2020 г.) / отв. ред. М.К. Абусейтова. Алматы. «Шығыс пен Батыс», 2020. С. 200-205.

9. Косинцев П.А., Стефанов В.И., Труфанов А.Я. Репрезентативный объем остеологической выборки и устойчивость характеристик типа хозяйства и состава стада // Актуальные проблемы методики западносибирской археологии: тез. докл. Новосибирск: Институт истории, филологии и философии СО АН СССР, 1989. С. 138-141.

10. Международная ветеринарная анатомическая номенклатура на латинском и русском языках. 5-я редакция: Справочник / Перевод и русская терминология проф. Н.В. Зеленецкого. СПб.: изд-во «Лань», 2013. 400 с.

11. Рассадников А.Ю. Остеофагия домашних копытных на поселениях бронзового века Южного Зауралья (по археозоологическим и этнозоологическим материалам) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017. № 2 (37). С. 163-168.

12. Ткачев В.В. История исследования начальной фазы культурогенеза на западной периферии алакульского ареала // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2008. № 2 (9). С. 248-257.

13. Ткачев В.В. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актобе: Актыбинский областной центр истории, этнографии и археологии, 2007. 384 с.

14. Ткачев В.В., Байтлеу Д.А., Носкевич В.В., Юминов А.М., Бебнев А.С., Вдовин А.Г., Анкушев М.Н., Жалмагамбетов Ж.М. Междисциплинарные исследования древнего рудника Шаншар на севере Мугалжарского горно-металлургического центра эпохи поздней бронзы // Труды филиала Института археологии им. А.Х. Маргулана в г. Астана. 2013. Т. 2. С. 264-288.

15. Шагирбаев М.С., Утубаев Ж.П. Жануар асыктарының археозоологиялық зерттелуі (Бәбіш мола қаласының материалдары бойынша) // Қазақстан археологиясы. 2019. № 4 (6). 79-116-бб.

REFERENCES

1. Akaevskiy, A. I., Yudichev, Yu. F., Seleznev, S. B. 2005. Seleznev, S. B. (ed.). *Anatomiya domashnikh zhivotnykh (Pet Anatomy)*. Moscow: “Akvapriym-Print” (in Russian).

2. Akhinzhanov, S. M., Makarova, L. A., Nurumov, T. N. 1992. *K istorii skotovodstva i okhoty v Kazakhstane (po osteologicheskomu materialu iz arkheologicheskikh pamyatnikov eneolita i bronzy) (On the history of cattle breeding and hunting in Kazakhstan (based on osteological material from archaeological sites of the Eneolithic and Bronze Age))*. Alma-Ata: “Gylym” Publ. (in Russian).

3. Baitileu, D. A., Kaliyeva, Zh. S. 2020. In: Urazova, A. B. (ed.). *Kadyrbayevskiyechteniya–2020 (Kadyrbayev readings–2020)*. Aktoobe: Aktoobe Regional Museum of Local History, 7-22 (in Russian).

4. Gayduchenko, L. L., Loman, V. G. 2015. In: Tishkin, A. A. (ed.). *Arheologiya Zapadnoy Sibiri i Altaya: opyt mezhdisciplinarnykh issledovaniy (Archeology of Western Siberia and Altay: experience of interdisciplinary research)*. Barnaul: Altay State University, 200-204 (in Russian).
5. Erokhin, N. G., Bachura, O. P. 2011. In: *Metodika mezhdisciplinarnykh arheologicheskikh issledovaniy (Methodology of interdisciplinary archaeological research)*. Omsk: "Nauka" Publ., 62-69 (in Russian).
6. Kosintsev, P. A., Bachura, O. P. 2013. In: Vinogradov, N. B., Epimakhov, A. V. (eds.). *Drevnee Ustie: ukreplennoe poselenie bronzovogo veka v yuzhnom Zaural'ye. Kollektivnaya monografiya (Ancient Ustie a fortified settlement of the Bronze Age in the southern Trans-Urals. Collective monograph)*. Chelyabinsk: "Abris", 363-387 (in Russian).
7. Kosintsev, P. A., Varfolomeev, V. V., Kisagulov, A. V. 2020. In: *Margulan readings-2020*. Almaty: A.Kh. Margulan Archeology Institute, 1, 196-179 (in Russian).
8. Kosintsev, P. A., Gimranov, D. O., Loman, V. G. 2020. In: Abuseitova, M. K. (ed.). *Istoriya i kultura Velikoy Stepi (History and culture of the Great Steppe)*. Almaty: "Shygys pen Batys" Publ., 200-205 (in Russian).
9. Kosintsev, P. A., Stefanov, V. I., Trufanov, A. Ya. 1989. *Aktualnye problemy metodiki zapadnosibirskoy arheologii (Actual problems of the methodology of West Siberian archeology)*. Novosibirsk: Institute of History, Philology and Philosophy of the SB Academy of Sciences of the USSR, 138-141 (in Russian).
10. Mezhdunarodnaya veterinarnaya anatomicheskaya nomenklatura na latinskom i russkom yazykah. 2013 (*International Veterinary Anatomical Nomenclature in Latin and Russian*). 5 ed.: Translation and Russian terminology by Prof. Zelenevskiy, N. V. Saint Petersburg: "Lan" Publ. (in Russian and Latin).
11. Rassadnikov, A. Y. 2017. In: *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 2 (37), 163-168 (in Russian).
12. Tkachev, V. V. 2008. In: *Voprosy istorii i arkheologii Zapadnogo Kazakhstana*, 2 (9), 248-257 (in Russian).
13. Tkachev, V. V. 2007. *Stepi Yuzhnogo Priuraliya i Zapadnogo Kazakhstana na rubezhe epokh sredney i pozdney bronzy (Steppes of the Southern Urals and Western Kazakhstan at the turn of the Middle and Late Bronze Age)*. Aktobe: Aktobe Regional Center of History, Ethnography and Archeology (in Russian).
14. Tkachev, V. V., Baitleu, D. A., Noskevich, V. V., Yuminov, A. M., Bebnov, A. S., Vdovin, A. G., Ankushev, M. N., Zhalmagambetov, Zh. M. 2013. In: *Trudy filiala Instituta arkheologii im. A.Kh. Margulana v g. Astana*, 2, 264-288 (in Russian).
15. Shagirbayev, M. S., Utubayev, J. R. 2019. In: *Kazakhstan Archeology*, 4 (6), 79-116 (in Kazakh).

Мүдделер қақтығысы туралы ақпаратты ашу. Автор мүдделер қақтығысының жоқтығын мәлімдейді.
/ Раскрытие информации о конфликте интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
/ Disclosure of conflict of interest information. The author claims no conflict of interest.

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 14.06.2021.
Рецензенттер мақұлдаған / Одобрено рецензентами / Approved by reviewers: 18.06.2021.
Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 21.06.2021.

ПРОФЕССОР МАДИЯР ЕЛЕУОВ 75 жаста**© 2021 ж. Ақымбек Ералы Шардарбекулы¹**

¹доктор PhD, жетекші ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы қ., Алматы. E-mail: eraly_a@mail.ru

Аннотация. Мақалада Мадияр Елеуовтың археолог және ұстаз ретіндегі кәсіби қызметі қарастырылады. 1970 жылы Қазақ мемлекеттік университетіне түскеннен бастап орта ғасырлар археология саласы бойынша ескерткіштерді зерттеумен айналысып келеді. Университет қабырғасында ұстаздық етіп жүріп, осындағы археологиялық экспедициясының барлау тобына жетекшілік етіп, нәтижесінде Шу-Талас өңірлері, Қаратаудың баурайы, Сырдарияның орта және төменгі ағыстарында орналасқан, бұрын белгісіз болып келген қола дәуірі, темір ғасыры мен орта ғасырлардың көптеген жерлеу және қоныстық ескерткіштерін ашып, ғылыми айналымға енгізді. ҚазҰУ, ЕҰУ және ХҚТУ-да оқытушы, доцент, профессор, кафедра меңгерушісі, ғылыми-зерттеу орталығының директоры бола жүріп, экспедициялардың жетекшісі ретінде орта ғасырларда астаналық қалалар болған Ақтөбе, Меркі, Тараз, Төрткүлтөбе, Күлтөбе, Қарашық, Сауран, Қышқала және т.б. ескерткіштерге кешенді зерттеулер, Ұлы Жібек жолының бағыты мен тармақтарын анықтауда көптеген жұмыстар жүргізді. М. Елеуұлы Қазақстанның орта ғасыр археологиясының дамуына айтарлықтай үлес қосқан білікті маман болса, шәкірттерге дәріс беруде ұлағатты ұстаз. Ғылыми еңбектері негізінен Қазақстанның ортағасырлық қалалық мәдениеті мен Ұлы Жібек жолы, тарих және мәдениет ескерткіштерін қорғау мәселелеріне арналған.

Түйін сөздер: археология, М. Елеуов, университет, студент, ұстаз, ғылым, экспедиция, барлау, қазба, орта ғасырлар, қалалар мен елді мекендер

ПРОФЕССОРУ МАДИЯРУ ЕЛЕУОВУ 75 лет**Ақымбек Ералы Шардарбекулы¹**

¹доктор PhD, ведущий научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан. E-mail: eraly_a@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается профессиональная деятельность Мадияра Елеуова, как археолога и педагога. С момента поступления в 1970 г. в Казахский государственный университет он занимается изучением памятников средневековой археологии. В период преподавания в университете он руководил разведочной группой археологов данного учебного заведения. В результате исследований он обнаружил и ввел в научный оборот сведения о множестве ранее неизвестных памятников эпохи бронзы, раннего железа и средневековья, расположенных в Шу-Таласском районе, на склонах Каратау, Среднем и Нижнем течении Сырдарьи. Будучи преподавателем в КазНУ, ЕНУ и ИКТУ, доцентом, профессором, заведующей кафедрой, директором научно-исследовательского центра он руководил экспедициями и провел комплексное изучение средневековых городов-столиц: Актөбе, Мерке, Тараз, Төрткүлтөбе, Күлтөбе, Карачик, Сауран, Қышқала и др.; провел огромную работу по определению основного направления и ответвлений Великого шелкового пути. М. Елеуов – квалифицированный специалист, внесший значительный вклад в развитие средневековой археологии в Казахстане, также отличный наставник в обучении учеников (последователей). В основном его научные труды посвящены проблемам средневековой городской культуры Казахстана и Великого Шелкового пути, проблемам охраны памятников истории и культуры.

Ключевые слова: археология, М. Елеуов, университет, студент, преподаватель, наука, экспедиция, разведка, раскопки, средневековье, городища и поселения

PROFESSOR MADIYAR YELEUOV is 75 years old

Akymbek Yeraly¹

¹PhD, Leading Researcher, A.Kh. Margulan Archeology Institute, Almaty, Kazakhstan. E-mail: eraly_a@mail.ru

Abstract. The article examines the professional life of Madiyar Yeleuov, the years of his pedagogical activity, as well as his activities as a scientist. Since entering the Kazakh State University in 1970, he has been studying sites and monuments of the medieval archaeology. While teaching at the university, he led the exploration group of the archaeological expedition of the university. As a result of research, he discovered and introduced into scientific circulation information about many previously unknown burial grounds and settlements of the Bronze Age, early Iron Age and Middle Ages located in the Shu-Talas region, on the slopes of Karatau, Middle and Lower Reaches of the Syr Darya River. Being a professor in the Kazakh National University, Eurasian National University, Kazakh-Turkic University, the associate professor, head of department, the director of research center, he directed expeditions and carried out complex studying of the medieval capitals such as Aktobe, Merke, Taraz, Tortkultobe, Kultobe, Karachik, Sauran, Kyskhala and other sites, carried out a huge work to determine the main direction and branches of the Great Silk Road. M. Yeleuov is a qualified specialist who has made a significant contribution into the development of medieval archaeology in Kazakhstan, as well as an excellent mentor in teaching students (followers). His scientific works are mainly devoted to the problems of the medieval urban culture of Kazakhstan and the Great Silk Road, problems of the protection of historical and cultural sites and monuments.

Keywords: archaeology, M. Yeleuov, university, student, teacher, science, expedition, exploration, excavation, Middle Ages, towns and settlements

Отанының өткен тарихына қызығушылығы, зерттеуге деген ерік-жігері жоғары, ақылына парасаты сай білімпаз шәкірт қана «археолог» бола алады деп жиі айтатын және осындай жолды жүріп өткен, бар ғұмырын археологияға арнап келе жатқан профессор Мадияр Елеуұлы бүгінде 75 жасқа толып отыр.

Мадияр Елеуұлы Қызылорда облысы, Шиелі ауданындағы Еңбекші ауылында 1946 жылы 3 мамырда дүниеге келеді. 1961 ж. ауылындағы 7 жылдық мектепті, 1965 ж. Шиелідегі № 147 орта мектепті бітіреді.

Жастайынан ата-анасынан қазақтың халық ертегілерін, қызыққа толы аңыз-әңгімелерін тыңдап, пілте шамның жарығымен батырлар жыры мен тарихи дастандарды оқып өскен жас Мадияр Елеуовте, өзі жиі айтып жүретін, 4-сыныптан бастап тарихшы болсам деген арман болады.

Мектепті бітіргеннен кейін, өзі туып өскен ауылда қызмет жолын бастайды. Араға бір жыл салып, 1966–1969 жылдары әскери қызметке алынып, КСРО әскери-теңіз флотында борышын өтейді. 1970 ж. өзі армандаған С.М. Киров атындағы Қазақ мемлекеттік университетінің (қазіргі әл-Фараби атынд. ҚазҰУ) тарих факультетіне оқуға түседі.

Оқудың бірінші жылын аяқтағаннан кейін, тарих факультетінде «Археология және этнография» кафедрасы ашылады. Кафедраның меңгерушілігіне Ленинград мемлекеттік университетінің түлегі Ә.М. Оразбаев тағайындалады. Кәсіби археолог – Ә.М. Оразбаев өзі оқыған жерінен және басқа да қалалардан, сол кезде КСРО-ға танымал білікті маман-археолог, профессорларды: М.П. Грязнов, С.С. Черников, Ю.А. Заднепровский

және т.б. университетке дәріс оқуға шақыртады. Сонымен қатар, Отандық белгілі археологтар мен этнографтар К.А. Ақышев, Х.А. Арғынбаев, Т.Н. Сенигова, Х.А. Алпысбаев, антрополог О. Смағұлов студенттермен бірнеше кездесулер өткізіп, өздері зерттеу жүргізіп жүрген мәселелер мен Қазақстан тарихына қатысты қызықты мәліметтер бойынша дәрістер өткізеді. Осы оқылған дәрістер болашақ археолог және этнограф мамандарға әсер етпей қоймады. Бұл дәрістер М. Елеуовтің «тарихшы» боламын деген арманын жетелеп, болашақ мамандық бағытын «археологияға» бұруына алып келді.

1973 ж. Археология және этнография кафедрасының меңгерушісі болып тағайындалған тарих ғылымдарының докторы, профессор У.Х. Шәлекенов кафедраның ары қарай қалыптасып, археология және этнология мамандығы бойынша білімді шәкірттер дайындауға атсалысады. У.Х. Шәлекенов бірқатар мамандарды студенттерге сабақ беру үшін шақыртады. Осы жылдарда кафедраға ежелгі дәуір археологиясының белді маманы А.С. Загородний және Ташкент университетінің түлегі Н.О. Алдабергенов келеді.

М. Елеуов алғашқы зерттеу жұмыстарын 1973 ж. рухани астанамыз Түркістан қаласындағы Түркістан археологиялық экспедициясының құрамында ортағасырлық Түркістан қаласы орнында жүргізіліп жатқан қазбадан бастайды. Сол кездегі экспедиция жетекшісі белгілі археолог, тарих ғылымдарының кандидаты Таисия Николаевна Сенигованың басшылығымен Қожа Ахмет Ясауи кесенесі мен Түркістанда қазба жұмыстары жүргізіледі. Жас мамандық экспедиция жетекшісі

Сур. 1. Профессор Мадияр Елеуов, 2021 ж. Фото М. Елеуовтың отбасылық архивінен

Fig. 1. Professor Madiyar Yeleuov, 2021. Photo from M. Yeleuov's family archive

ежелгі Күлтөбе қаласындағы қазбаға қойып, өзі ақыл-кеңесін беріп тұрады. Одан кейін 1972 ж. басталған «Есім ханның кесенесі» деп аталатын орындағы қазбаны жалғастыруды тапсырады. Нәтижесінде жоспары бойынша төртбұрышты, қабырғалары қыш кесектен қаланған кесененің қалдығы ашылады. Осы қазба жұмыстары М. Елеуовтің алғашқы қазба жұмыстарының бірі болып, қазба жүргізудің әдіс-тәсілдерін жетік меңгерудің арқасында, жас маман-студенттен білікті-студентке дейінгі сатыны бір далалық маусымда жүріп өтеді.

Профессор У.Х. Шәлекеновтың тікелей атсалысуымен 1974 ж. Қазақ университеті тарих факультетінің студенттері археологиялық-этнографиялық практика өтетін база-

сы Жамбыл облысы Шу ауданында орналасқан ортағасырлық Ақтөбе қаласы аумағында салынады. Ақтөбе ескерткішінен ашылған осы база болашақ маман – М. Елеуовтің де ғылым жолына, яғни археологияда түбегейлі қалуына себеп болды.

1975 ж. университетті үздік дипломға бітірген М. Елеуұлы Қазақ КСР Жоғары және орта арнаулы білім министрлігінің жолдамасымен Қызылорда облыстық мәдениет басқармасына жұмысқа жіберіліп, облыстық тарихи-өлкетану музейіне аға ғылыми қызметкер болып қабылданады. Музейде бір жыл бойы жақсы қызмет етіп, өзінің іскерлігімен көзге түскенімен, жастайынан археолог боламын деген арманы оны өзінің оқыған ордасы, ұшқан ұясы ҚазМУ-ге қайта оралуына алып келді.

1976–1996 жылдар аралығында ҚазМУ-дің Археология және этнография кафедрасында лаборант, аға инженер, ассистент, аға оқытушы, доцент қызметінде болған М. Елеуұлы өзін үлгілі ұстаз, білікті маман ретінде көрсете білді. Ол 1989 ж. университет бойынша алғашқы болып Тарих факультетінде «Қазақ тілі» қоғамын ұйымдастырады. «Қазақ тілі» қоғамының алдында тұрған негізгі міндет – мемлекеттік тілдің мәртебесін көтеру болған еді. Сол жылы тарих факультетінің «Қазақ тілі» қоғамы университетке Шығыстың ұлы ойшылы, «Әлемнің екінші ұстазы», философ әл-Фарабидің атын беру жөнінде ұсыныс жасайды. Арада көп жыл салмай университетке әл-Фарабидің есімі беріледі.

М. Елеуұлы Археология және этнография кафедрасында сабақ бере жүріп, студенттердің ғылыми-зерттеу тобының ғылыми жетекшісі болды. Осы топтың құрамында болған сту-

денттер далалық маусымда Университет археологиялық экспедициясы барлау тобының (жетекшісі М. Елеуов) жұмыстарына белсене араласады. Барлау тобы Жамбыл, Түркістан және Қызылорда облыстарында көптеген ортағасырлық қалалар мен елді мекендерді ашып, тізімге алып, ондаған ескерткіштерде қазба жұмыстарын жүргізеді. Далалық зерттеу жұмыстарының зерттеу әдістерімен жете танысқан, тәжірибе жинаған осы топтың құрамында болған студенттердің бірқатары бүгінде еліміздің белгілі университеттерінде, ғылыми-зерттеу институттары мен орталықтарында қызмет етіп жатыр.

Университет археологиялық экспедиция құрамында далалық зерттеу жұмыстарының басында жүрген М. Елеуұлы Шу, Талас өңірлерінде, Қаратауда, Сырдария өзенінің орта ағысында барлау жұмыстарын жүргізеді. Зерттеулердің барысында Жамбыл облысының Қордай, Шу, Мерке, Т. Рысқұлов (Бұрынғы Луговой), Байзақ, Талас, Сарысу, Түркістан облысының Созақ, Түркістан және Қызылорда облысының Жаңақорған, Шиелі аудандарында ғылымға белгісіз болып келген, есепке алынбаған көптеген ескерткіштерді есепке алады. Ғылыми-зерттеу тақырыбын таңдауға түрткі болған Шу өңірінде орналасқан ортағасырлық Ақтөбе қаласын зерттеуге бірнеше жылын арнайды. Экспедиция жетекшісі У.Х. Шәлекенов және әріптесі әрі ұстазы Н.О. Алдабергеновпен бірге қаланың тарихи-топографиялық құрылымын зерттеп, қала орталығы болған цитадельдегі құрылыстарды ашуда қазба жұмыстарын жүргізсе, қаланың өмір сүрген жасын анықтау бойынша цитадель мен шахристанда стратиграфиялық қазба жұмыстарын

жүргізіп, қаланы VI–XIII ғ. басы аралығына жатқызады. Цитадельдегі құрылыс орындарын, атап айтсақ тұрғын бөлме, шаруашылық бөлме, монша және еденіне қыш кірпіш төселген алаң орындарын ашудағы М. Елеуұлының үлесі үлкен.

1982–1983 жылдарда М. Елеуұлы басқарған барлау тобы Шу мен Талас өзендерінің жоғарғы ағысында Қырғыз КСР жерінде орналасқан ұзын қорғанды Бурана, Ақсу, Садырқорған қалаларында қазба жұмыстарын жүргізеді. Сонымен қатар, бірқатар қалалардың тарихи-топографиясын зерттейді.

1983 жылы М. Елеуұлы М.В. Ломоносов атындағы Мәскеу мемлекеттік университетінің археология кафедрасы мен Археология институтының Ленинград бөлімінде білімін жетілдіру курсына болып, КСРО археологиясының атақты ғалымдары Д.А. Авду-

син, Л.Р. Кызласов, Г.А. Федоров-Давыдов, В.Л. Янин, В.Л. Воронина, Ю.А. Заднепровскийдің дәрістерін тыңдайды.

1996–1999 жылдарда әл-Фараби атындағы ҚазМҰУ-дың археология және этнология кафедрасының докторанты бола жүріп, 1996 жылы Қ.А. Ясауи атындағы Халықаралық қазақ-түрік университетінің жанынан Археология және этнография институтын ашуға белсене араласады. 1996–1997 жылдарда осы институттың директоры З.Қ. Исабековтің ғылыми жұмыстар жөніндегі орынбасары қызметін атқарады. Осы жылдары М. Елеуұлының ұсынысы бойынша «Археология жаңалықтары» журналы шыға бастайды. Институттың археологиялық экспедициясы құрылып, Қ.А. Ясауи кесенесінде, ежелгі Күлтөбе қаласында стратиграфиялық қазба жұмыстары жүргізіледі.

Сур. 2. М. Елеуов ортағасырлық Меркі қаласындағы қазбада, 2015 ж.
Фото М. Елеуовтың отбасылық архивінен

Fig. 2. M. Yeleuov during the excavations of the medieval city of Merke, 2015.
Photo from M. Yeleuov's family archive

1974–1999 жылдар аралығында Шу-Талас өңірлері мен Қаратаудың солтүстік беткейінде жүргізген археологиялық зерттеу жұмыстарынан қордаланған материалдар негізінде М. Елеуұлы Ш.Ш. Уәлиханов атындағы Тарих, археология және этнология институтының жанындағы ғылыми кеңесте 07.00.06 – Археология мамандығы бойынша «Шу өңірінің ортағасырлық қалалық мәдениеті (VI–XIII ғ. басы) тақырыбында 1991 ж. кандидаттық, «Шу-Талас өңірлерінің ортағасырлық қалалары мен елді мекендері (VI–XIII ғ. басы)» тақырыбында 1999 ж. докторлық диссертациясын қорғайды.

1999 ж. докторантураны аяқтаған соң М. Елеуұлы Л.Н. Гумилев атындағы Еуразия ұлттық университетінің Тарих факультетінен ашылған «Археология және этнология» кафедрасының меңгеруші бо-

лып тағайындалады. 2000 ж. тарих факультетінің студенттері археология-этнографиялық практикаларын Нұра өзенінің жағасындағы Бытығай (Ботағай) елді мекенінде өткізеді. Кафедраның жанынан «Сарыарқа археологиялық экспедициясын» ұйымдастырып, Ақмола облысының Атбасар, Жарқайың, Қима, Жақсы, Қорғалжын аудандарында, ал экспедицияның барлау тобы Жамбыл облысының Байзақ, Шу, Мойынқұм аудандарында археологиялық зерттеу жұмыстарын жүргізеді.

2001 жылы Қ.А. Ясауи атындағы Халықаралық қазақ-түрік университетінің «Археология, этнология және музей ісі» кафедрасына меңгеруші болып ауысады.

2002–2008 жылдарда Қ.А. Ясауи университетінің жанындағы Археология ғылыми-зерттеу орталығының директоры қызметін

Сур. 3. М. Елеуовтың Хантаудағы Қазақ хандығының ескерткіштерін іздестіру кезі, 2015 ж. Фото М. Елеуовтың отбасылық архивінен

Fig. 3. Survey of sites of the Kazakh Khanate period in Khantau Mountains by M. Yeleuov. 2015. Photo from M. Yeleuov's family archive

атқарып, Тұран археологиялық экспедициясын ұйымдастырып, Қаратау мен Сырдарияның орта ағысында кең көлемде зерттеу жұмыстарын жүргізеді. М. Елеуовтың жетекшілігімен жүргізілген археологиялық барлау жұмыстарының барысында бұрын есепке алынбаған, осы уақытқа дейін ғылымға белгісіз болып келген 2000-нан астам археологиялық ескерткіштер ашып, зерттелді. Қызылорда облысының Шиелі, Жаңақорған, Түркістан облысының Түркістан, Бәйдібек, Түлкібас, Созақ, Жамбыл облысының Жуалы, Жамбыл, Талас, Сарысу аудандарының Қаратау мен Сырдың орта ағысында орналасқан ортағасырлық қалалары мен елді мекендерінің саны анықталып, олардың тарихи-топографиялық құрылымдары қайта зерттелді. Ұлы Жібек жолының Шу, Талас өңірлері мен Қаратау арқылы Шашқа өткен тармағы, онымен байланысты ежелгі ортағасырлық Шу жолы, Хан жолы, Телікөл жолы, Ұлы жол (Көсегенің көк жолы) жолы, Сырдария өзенін жағалап жүрген жолдар және Қаратаудан асатын 20-ға жуық жолдардың бағыттары анықталды. Осы жылдар аралығында тарихи-мәдени ескерткіштердің жинағын даярлау, оларды жарыққа шығаруда бірқатар жұмыстар атқарды.

2008 жылдан бері әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетінің Археология, этнология және музеология кафедрасының профессоры болып қызмет етіп келеді.

2008 жылдан бастап М. Елеуов бүгінгі күнде дейін ҚР БҒМ және ҚР МСМ-тің қаржыландыруымен жүргізілген көптеген ғылыми-зерттеу жобаларының жетекшісі болып келеді. Ғылыми-зерттеу жобалары бойынша Шу-Талас өңірлері, Қаратаудың баурайы мен Сырдарияның орта және төменгі ағысындағы ортағасырлық қалалары мен елді мекендеріне археологиялық барлау және қазба жұмыстарын жүргізіп, ортағасырлық ескерткіштердің пайда болуы, дамуы, құлдырауы, өмір сүрген уақыты, материалдық және рухани мәдениеті, қала салу құрылысы, архитектурасы, қорғанысы, суландыруы, шаруашылығы мен қолөнері және тағыда басқа мәселелері туралы мәліметтер алып, жарыққа шығарды.

Профессор М. Елеуов 600-ден астам ғылыми мақалалардың, бірнеше монографиялық еңбектердің, жоғары оқу орындарының студенттеріне арналған оқулықтар мен оқу құралдарының авторы.

Мадияр Елеуұлы Қазақстан археология ғылымының дамуына айтарлықтай үлес қосып, орта ғасырлар археологиясы, оның ішінде қалалық мәдениет пен Ұлы Жібек жолы және оның тармақтарын зерттеуде үлкен еңбектер атқарған білікті маман, кәсіпқой археолог болса, университеттер қабырғасында үздіксіз дәріс оқып келе жатқан ұлағатты ұстаз, Қазақстанның еңбек сіңірген қайраткері.

АРХЕОЛОГ ҒАНИ ҚАЛИХАНҰЛЫ ОМАРОВ 60 жаста

© 2021 ж. Бесетаев Бауыржан Берканұлы¹,
Нұржанов Арнабай Әбішұлы²

¹ корреспондент авторы, археология және этнология магистрі, Археология, этнология және музеология кафедрасының аға оқытушысы, әл-Фараби атындағы ҚазҰУ, Алматы қ., Қазақстан. E-mail: besetaev86@mail.ru

² тарих ғылымдарының кандидаты, бас ғылыми қызметкер, Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институты, Алматы, Қазақстан. E-mail: arnabai@mail.ru

Аннотация. Мақалада Ғани Қалиханұлы Омаровтың өмір жолы, ұстаз, ғалым болып қалыптасу кезеңдері туралы баяндалған. 1989 жылдан бастап Тарбағатай теріскейі, Шыңғыстау мен Алтайдың қола, ерте темір, түркі дәуірі ескерткіштерін зерттеумен айналысқан. Археолог ұстаздық пен ғылымдағы жолын әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университетімен байланыстырған. Ғалымның басшылық жасаған археологиялық экспедициялары нәтижесінде Оңтүстік-Батыс Алтай өңіріндегі бұрын белгісіз болған қола, темір, түркі кезеңдерінің көптеген ескерткіштері ашылып, соңғы жылдары тыңнан табылған жәдігерлер негізінде бірер ойлар қорытындыланып, тұжырымдалды. Ғани Омаров отандық археология ғылымының дамуына, археолог мамандарды даярлауға сүбелі үлес қосып жүрген ұлағатты ұстаз, елімізге, алыс-жақын шетелдерге белгілі кәсіби археолог.

Түйін сөздер: археология, Ғ.К. Омаров, экспедиция, университет, ұстаз, ғалым

АРХЕОЛОГУ ҒАНИ КАЛИХАНОВИЧУ ОМАРОВУ 60 лет

Бесетаев Бауыржан Берканович¹,
Нұржанов Арнабай Абишевич²

¹ автор-корреспондент, магистр археологии и этнологии, старший преподаватель кафедры Археологии, этнологии и музеологии, КазНУ им. аль-Фараби, г. Алматы, Казахстан. E-mail: besetaev86@mail.ru

² кандидат исторических наук, главный научный сотрудник, Институт археологии им. А.Х. Маргулана, г. Алматы, Казахстан. E-mail: arnabai@mail.ru

Аннотация. В статье характеризуется жизненный путь Гани Калихановича Омарова, отмечены основные вехи его становления как учителя, ученого. Юбилей с 1989 г. занимается изучением памятников эпохи бронзы, раннего железа, тюркского времени Тарбагатай, Чингистау и Алтая. Педагогический и научный путь Г.К. Омарова связан с Казахским национальным университетом им. аль-Фараби. В результате работ археологических экспедиций под руководством ученого были открыты многие ранее неизвестные памятники бронзового, железного, тюркского периодов в Юго-Западном Алтае, а также обобщены и сформулированы мысли на основе находок последних лет. Гани Омаров – наставник, известный не только в Казахстане, но и ближнем и дальнем зарубежье. Ученый внес весомый вклад в развитие отечественной археологической науки, в подготовку молодых специалистов-археологов.

Ключевые слова: археология, Г. К. Омаров, экспедиция, университет, учитель, ученый

60th ANNIVERSARY of ARCHAEOLOGIST GANI OMAROV

Besetaev Bauyrzhan¹, Nurzhanov Arnabay²

¹corresponding author, Master of Archaeology and Ethnology, Senior Lecturer, Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan. E-mail: besetaev86@mail.ru
²Candidate of Historical Sciences, Chief Researcher, A.Kh. Margulan Archeology Institute, Almaty, Kazakhstan. E-mail: arnabai@mail.ru

Abstract. The article describes the life path of Omarov Gani, about the main stages of becoming a teacher and a scientist. Since 1989, he has been studying the monuments of the Bronze Age, Early Iron, and the Turkic period of Tarbagatai, Chingistau, and Altai. The archaeologist engaged his pedagogical and scientific path with the Al-Farabi Kazakh National University. As a result of archaeological expeditions led by the scientist, many previously unknown monuments of the Bronze, Iron, and Turkic periods were discovered in the Southwestern Altai, as well as thoughts were generalized and formulated based on the findings of recent years. Gani Omarov is a mentor, known not only in Kazakhstan, but also in the near and far abroad. The scientist made a significant contribution to the development of Russian archaeological science, to the training of archaeologists.

Keywords: archaeology, G. Omarov, expedition, university, teacher, scientist

Гани Қалиханұлы 1961 жылы 3 маусымда Шығыс Қазақстан облысы Марқакөл ауданы Горное (Ақбұлақ) ауылында дүниеге келген. 1978 жылы орта мектепті үздік бітіргеннен кейін еңбек жолын 8-жылдық мектепте қазақ тілі мен әдебиеті пәнінің мұғалімі қызметінен бастады. 1979 ж. Алматы құрылыс институтына оқуға түсіп, аталмыш оқу орнын 1984 ж. «Құрылыс инженері» мамандығы бойынша бітіреді. 1984 ж. күзінен ҚазМУ-дің Тарих факультетіне сырттай оқуға қабылданады. Осы жылы әскер қатарына шақыртылып, 1986 ж. әскери борышын өтеп келеді. 1989 ж. ақпан айында Археология және этнография кафедрасына алғашқы мамандығы бойынша аға инженер болып жұмысқа орналасады. 1993 ж. дейін аға инженер, кіші ғылыми қызметкер болып жұмыс істеді.

1993–1995 жж. әл-Фараби атындағы Қазақ Ұлттық университетінің Археология және этнология кафедрасында ассистент қызметін

Сур. 1. Гани Омаров. Фото Г. Омаровтың жеке мұрағатынан
Fig. 1. Gani K. Omarov. Photo from the personal archive of G. Omarov

атқарды. 1995 жылы аталған оқу орнының аспирантура бөліміне түседі. 1989 ж. бастап Тарбағатай теріскейі, Шыңғыстау мен Алтайдың қола, ерте темір, түркі дәуірі ескерткіштерін зерттеумен айналысып, Ә.М. Оразбаев бастаған экспедицияларға қатысып, өзінің археология ғылымындағы жолын шындай түсті. 1997–2002 жылдары З. Самашев басқарған Қазақ–Француз біріккен археологиялық экспедициясының құрамында Берел қорымындағы сақ дәуірінің мәңгілік тоң басқан қорғандарында, 1999 ж. Қазақ–Ресей біріккен археологиялық экспедициясының зерттеулері бойынша Шығыс Қазақстан облысы, Марқакөл ауданы жерінде кешенді зерттеулерге қатысты [Самашев и др., 1997; Омаров, Бесетаев, 2009].

2002–2011 жж. Археология және этнология кафедрасының аға оқытушысы қызметін атқарды.

2003 ж. Ә.Т. Төлеубаев басқарған Шілікті алқабындағы археологиялық экспедиция, 2004 ж. З. Самашевтың жетекшілігімен зерттелген Батыс Қазақстандағы кешенді археологиялық зерттеулерге қатынасып қазба және барлау жұмыстарына ат салысты [Омаров, 2008а, 2008б].

2008 жылдан 2011 жылға дейін Үйгентас экспедициясына, Ойжайлау сақ, түркі дәуірі ескерткіштерінде, ортағасырлық қалаларында археологиялық зерттеу жұмыстарын және археологиялық барлау жүргізді [Омаров, Жұматаев, 2008; Омаров, 2009; 2011].

Ғани Қалиханұлы ұзақ жылдар бойы ұстаздық қызметте жүріп, жыл сайын далалық экспедицияларға қатысып, ұстаздық білім беру қатар ғылыми ізденістерді қатар алып жүрді.

Жас студенттерді археологиялық зерттеулердің қазба-сызбасымен ғана емес, далалық өмірдің тыныс-тіршілігімен таныстырып, шәкірттерінің өсіп жетілуіне бағыт-бағдар беріп отырды.

2010 ж. Ғани Қаниханұлы «Алтай-Тарбағатай аралығындағы ерте темір дәуірінің археологиялық ескерткіштері(кезеңделуі, мерзімделуі және мәдени атрибуциясы)» атты тақырыпта кандидаттық диссертациясын сәтті қорғайды [Омаров, 2010].

2012 ж. бері әл-Фараби атындағы ҚазҰУ Археология және этнология кафедрасының доценті, 2016–2020 жж. аралығында кафедра меңгерушісі қызметін атқарды [Омаров, 2016; Омаров, 2016; Омаров, Сағындықова, 2016].

2012 жылдан Қазақстан Республикасы Білім және ғылым министрлігі Ғылым комитеті мемлекеттік мекемесі жариялаған 2012–2014 жж. арналған ғылыми жобалар аясында Ғани Қалиханұлы Омаровтың басшылығымен «Шығыс Қазақстан облысы Күршім ауданының археологиялық ескерткіштері», ал 2015 ж. «Оңтүстік-Батыс Алтайдың ежелгі және ортағасыр көшпелілері: пәнаралық зерттеу» және «ШҚО Үржар ауданының археологиялық ескерткіштері», ал 2018–2020 жж. аралығында «Көне заманнан ортағасырларға дейінгі Қазақ Алтайы тұрғындарының сакральді кеңістігі және жерлеу-ғұрыптық рәсімдері» тақырыбында ғылыми-зерттеу жұмыстарын атқарды [Омаров, Бесетаев, 2020; Омаров и др., 2020; Төлеубаев и др., 2020].

Бүгінгі таңда Ғани Қалиханұлы Омаровтың жетекшілігімен Қазақстан

Сур. 2. Жатақханадағы студенттермен кездесу сәттерінен. Солдан оңға қарай: *Ғ. Омаров, Ә. Оразбаев, Ә. Төлеубаев, Д. Ескекбаев.*
 Фото Ғ. Омаровтың жеке мұрағатынан алынды

Fig. 2. Meeting with students in the hostel. From left to right: *G. Omarov, A. Orazbayev, A. Toleubayev, D. Eskekbayev.* Photo from the personal archive of G. Omarov

Республикасы Білім және ғылым министрлігі Ғылым комитеті мемлекеттік мекемесі жариялаған 2021–2023 жж. арналған ШҚО, «Аягөз ауданының археологиялық ескерткіштері: пәнаралық зерттеу» және ҚР Мәдениет және спорт министрілігінің «Шелек-Талғар көсөзені аралығындағы ерте көшпелілер қорғандарының конструктивті ерекшеліктері» атты 2020–2022 жж. арналған ғылыми жобалар аясында зерттеу жұмыстары жүргізілуде.

Осы аталған білім беру мен ғылымдағы жетістіктері үшін 2014 ж. Қазақстан Республикасы Білім және Ғылым министрілігінің «2014 жылдың жоғары оқу орнының үздік оқытушысы» атағының иегері, 2016 жылы ҚазҰУ-не 80 жыл, 2019 жылы Республикасы Білім және Ғылым министрілігінің

«Ы. Алтынсарин» төс белгілерімен марапатталған.

Ғалымның басшылық жасаған археологиялық экспедициялары нәтижесінде Оңтүстік-Батыс Алтай өңіріндегі бұрын белгісіз болған қола, темір, түркі кезеңдерінің көптеген ескерткіштері ашылып, соңғы жылдары тыңнан табылған жәдігерлер негізінде ой бірер ойлар қорытындыланды. VIII–X ғасырлармен мерзімделетін кимақ дәуіріне жататын жерлеу-ғұрыптық ескерткіштері зерттеліп, ғылыми тұрғыдан талданды. Бүгінгі таңда бұл жәдігерлер Нұр-Сұлтан қаласындағы Ұлттық музейінде экспозициялануда.

Негізгі ғылыми-педагогикалық, қоғамдық жұмыстарымен қатар, әл-Фараби атындағы Қазақ Ұлттық университеті студенттерінің 20 жылдан астам ортағасырлық Ақтөбе қаласындағы ғылыми-тәжірибелік

жұмыстарына, археологиялық экспедиция зерттеулері кезінде жылмажыл, С. Аманжолов атындағы Шығыс Қазақстан Мемлекеттік университетінің, Шәкәрім атындағы Семей мемлекеттік университетінің, М.О. Әуезов атындағы Семей университетінің, Абай атындағы Қазақ ұлттық педагогикалық университетінің және І. Жансүгіров атындағы Жетісу Мемлекеттік университетінің тарих факультеті магистранттары мен студенттерінің археологиялық және этнографиялық тәжірибесіне басшылық жасауда.

Ғ.Қ. Омаров жалпы саны 200-ден астам ғылыми, ғылыми-көпшілік мақалалар мен монографиялық зерттеулердің, оқу, оқу-әдістемелік құралдардың, оның ішінде жеке және авторлық ұжыммен бірге 7 монография мен 8 әдістемелік оқу құралының авторы, 65 республикалық және халықаралық конференция материалдары жинағында жарияланған. Оның ішінде бірнеше мақала шетелдің рецензияланатын Scopus, Web of Science базасындағы ғылыми журналдарда жарияланды. «Тарих» мамандығы бойынша 30-дан астам типтік бағдарламалар авторларының бірі.

Ғ.Қ. Омаров Халықаралық және республикалық ғылыми конференцияларда Қазақстан археологиясы және оның іргелі мәселелері жөнінде Румынияның Бухарест, Түркияның Анкара, Біріккен Араб Әмірлігінің Дубай, Қытай Халық Республикасының Хух-Хото, Азербайжан Республикасының Баку, Ресейдің Барнаул, Чемал және Омбы қалаларында ғылыми баяндамалар жасады. Қазақ-француз-итальян, Қазақ-Ресей халықаралық археологиялық экспедицияларының мүшесі. Алтай және Үржар археологиялық экспедицияларының басшысы. Кейінгі жылдары халықаралық жобалар аясында түрік, жапон және ресейлік ғалымдармен бірігіп әртүрлі археологиялық зерттеулер жүргізді.

Ғани Омаров отандық археология ғылымының дамуына, археолог мамандарды даярлауға сүбелі үлес қосып жүрген ұлағатты ұстаз, елімізге, алыс-жақын шетелдерге белгілі кәсіби археолог.

ӘДЕБИЕТ

1. *Омаров Ғ.* Шілікті даласындағы алтын қорған // Алаш. 2008а. № 5 (20). 58-68 бб.
2. *Омаров Ғ.* С.С.Черниковтың Шығыс Қазақстан ерте темір дәуірін зерттеуге қосқан үлесі // ҚазМУ хабаршысы. Тарих сер. 2008б. № 4 (51). 138-141 бб.
3. *Омаров Ғ.* Алтай-Тарбағатай сақ тайпалары ескерткіштерінің кезеңделуі мен мерзімделуі хақында // ҰҒА хабарш. Қоғамдық ғыл. сер. 2009. № 1. 34-38 бб.
4. *Омаров Ғ.Қ.* Алтай-Тарбағатай аралығындағы ерте темір дәуірінің археологиялық ескерткіштері (кезеңделуі, мерзімделуі және мәдени атрибуциясы): автореф. дис. ... канд. ист. наук.: 07.00.06. Алматы: Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, 2010. 30 б.

5. *Омаров Ф.Қ.* Алтай-Тарбағатай аралығы ерте темір дәуірі археологиясының кейбір түйінді мәселелері // Қазақ тарихы. 2011. № 2 (107). 14-17 бб.
6. *Омаров Ф.* Шығыс Қазақстанның майемер мәдениеті // «Үлкен Алтай әлемі» халықаралық ғылыми журнал. 2016. 2 (4.1). 711-719 бб.
7. *Омаров Ф., Бесетаев Б.* Берел қорымының зерттелу тарихынан // Әл-Фараби атындағы ҚазҰУ-дың 75 жылдығына арналған «Қазақстандағы этностардың дәстүрлі мәдениетіне қатысты музей жинақтары: зерттеу мәселелері мен сақтау перспективалары» атты республ. ғыл.-практ. сем. м-ры (Алматы, 28-29 қараша 2008 ж.). Алматы: «Қазақ университеті». 2009. 84-89 бб.
8. *Омаров Г.К., Бесетаев Б.Б.* О результатах разведочных работ в Восточном Казахстане в 2019 г. // Маргулановские чтения-2020. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2020. Т. 2. С. 446-458.
9. *Омаров Г.К., Бесетаев Б.Б., Сағындықова С.Т.* Археологические изыскания Алтайской археологической экспедиции в 2019 году // Вестник КазНУ им. аль-Фараби. Сер.: Историч. науки. 2020. № 1 (96). – С. 144-154.
10. *Омаров Ф., Жұматаев Р.* Алтай мен Тарбағатай көшпелілер мәдениеттеріндегі кейбір ортақтастықтар мен ерекшеліктер // ҚазМУ хабаршысы. Тарих сер. 2008. № 4 (51). 142-145 бб.
11. *Омаров Г.К., Сағындықова С.Т.* Колесничные комплексы Северного и Центрального Казахстана // Абай ат. Қазақ ұлттық пед. ун-ті. Хабаршы «Тарих және саяси-әлеум. ғыл.» сер. 2016. № 3 (50). С. 248-253.
12. *Самашев З., Ольховский В., Омаров Г.* К изучению торевтики кочевников Евразии I тыс. до н.э. (Оленья бляшка из Семиречья) // Евразийское сообщество. 1997. № 3 (19). С.98-107.
13. *Толубаев А.Т., Омаров Г.К., Жұматаев Р.С., Шакенов С.Т., Бесетаев Б.Б., Ергабылов А.Е.* Результаты археологических исследований 2019 г. на могильнике Елеке сазы 2 // Маргулановские чтения-2020. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2020. Т. 2. С. 180-205.
14. *Omarov G.* New archaeological sites of Kurchum // Al-Farabi Kazakh National University KazNU Bulletin History series. 2016. № 2 (81). P. 261-265.

REFERENCES

1. Omarov, G. 2008a. In: *Alash*, 5 (20), 58-68 (in Kazakh).
2. Omarov, G. 2008b. In: *Al-Farabi Kazakh National University KazNU Bulletin History series*, 4 (51), 138-141 (in Kazakh).
3. Omarov, G. 2009. In: *Bulletin of the National Academy of Sciences. Social Sciences Series*, 1, 34-38 (in Kazakh).
4. Omarov, G. 2010. *Altay-Tarbagatay aralygyndagy erte temir dauirinin arheologiyalyk eskertkisherteri (kezendelui, merzimdelui zhane madeni atributciyasy) (Archaeological sites of the Early Iron Age of Altay-Tarbagatay (periodization, chronology and cultural attribution))*: thesis of the Cand. Hist. sciences. Almaty: Ch. Valihanov History and Ethnology Institute (in Kazakh).
5. Omarov, G. 2011. In: *Kazakh tarihy*, 2 (107), 14-17 (in Kazakh).
6. Omarov, G. 2016. In: *The world of the Great Altai*, 2 (4.1), 711-719 (in Kazakh).
7. Omarov, G., Besetayev, B. 2009. In: *Kazakstandagy etnostardyn dasturli madenietine katyсты muzey zhinaktary (Museum collections on the traditional culture of ethnic groups of Kazakhstan)*. Almaty: “Kazakh University” Publ., 84-89 (in Kazakh).
8. Omarov, G., Besetayev, B. 2020. In: *Margulan readings-2020*. Almaty: A.Kh. Margulan Archeology Institute, 2, 446-458 (in Russian).

9. Omarov, G., Besetayev, B., Sagyndykova, S. 2020. In: *Al-Farabi Kazakh National University KazNU Bulletin History series*, 1 (96), 144-154 (in Russian).
10. Omarov, G., Zhumatayev, R. 2008. In: *Al-Farabi Kazakh National University KazNU Bulletin History series*, 4 (51), 142-145 (in Kazakh).
11. Omarov, G., Sagyndykova, S. 2016. In: *Bulletine Abay University*, 3 (50), 248-253 (in Russian).
12. Samashev, Z., Olhovskiy, V., Omarov, G. 1997. In: *Evraziyskoe soobshchestvo*, 3 (19), 98-107 (in Russian).
13. Toleubayev, A., Omarov, G., Zhumatayev, R., Shakenov, S., Besetayev, B., Ergabylov, A. In: *Margulan readings-2020*. Almaty: A.Kh. Margulan Archeology Institute, 2, 180–205 (in Russian).
14. Omarov, G. 2016. In: *Al-Farabi Kazakh National University KazNU Bulletin History series*, 2 (81), 261-265 (in English).

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article.
Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 03.06.2021.

ҚЫСҚАРТУЛАР ТІЗІМІ
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ – LIST OF ABBREVIATIONS

АЗТМ –	Алма-Атинский завод тяжелого машиностроения. Алма-Ата
АО –	Археологические открытия. Москва
Бюл. МОИП –	Бюллетень Московского общества испытателей природы. Москва
ВИРГ –	Филиал Всесоюзного института разведочной геофизики. Алма-Ата
ГИК заповедник-музей «Иссык» –	Государственный историко-культурный заповедник-музей «Иссык». Есик
ИАС –	История и археология Семиречья. Алматы
ИГГ СО РАН –	Институт геологии и минералогии им. В.С. Соболева Сибирского отделения РАН. Новосибирск
ИИМК РАН –	Институт истории материальной культуры. Ленинград, Санкт-Петербург
КСИИМК –	Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Москва
МИЦАИ –	Международный институт центральноазиатских исследований. Самарканд
МКТУ им. Х.А. Ясави –	Международный казахско-турецкий университет им. Х.А. Ясави. Туркестан
ОҚКАЭ –	Оңтүстік Қазақстан кешенді археологиялық экспедициясы
ПТКЛА –	Протоколы Туркестанского кружка любителей археологии. Ташкент
ТИИАЭ АН КазССР –	Труды Института истории, археологии и этнографии им. Ч.Ч. Валиханова Академии наук КазССР. Алма-Ата
ЧелГУ –	Челябинский государственный университет. Челябинск
ЮКАЭ –	Южно-Казахстанская археологическая экспедиция

**АВТОРЛАРҒА АРНАЛҒАН ЕРЕЖЕЛЕР –
ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ – SUBMISSIONS**

Авторлар үшін мақалаларды беруге, оларды қарау тәртібіне, рецензиялауға, материалдарды рәсімдеу бойынша нұсқаулықтар мен ұсынымдарға, автор мен баспагердің өзара қарым-қатынасын реттейтін сұрақтарға қатысты барлық мәліметтер журналдың сайтында көрсетілген: archeokz.com

Ресімделуі көрсетілген талаптарға сәйкес келмейтін қолжазбаларды редакциялық алқа қарастырмайды!

Осы Ережелер журналда және журналдың сайтында жарияланған сәттен бастап күшіне енеді.

Все сведения для авторов, касающиеся подачи статей, порядка их рассмотрения, рецензирования, инструкций и рекомендаций по оформлению материалов, вопросов регулирующих взаимоотношения автора и издателя представлены на сайте журнала по адресу: archeokz.com

Рукописи, оформление которых не соответствует указанным требованиям, редакционной коллегией не рассматриваются!

Настоящие правила вступают в действие с момента опубликования в журнале и на сайте журнала.

All information for authors regarding the submission of articles, the procedure for their consideration, review, instructions and recommendations for the design of materials, issues governing the relationship between the author and publisher are presented on the journal's website at: archeokz.com

Manuscripts whose design does not meet the specified requirements are not considered by the editorial board!

These rules come into force from the moment of publication in the journal and on the website of the journal.

Мұқабаның рәсімделуінде керамикадағы мөр бедерінің бейнесі қолданылды. Табылған зат Б.Ә. Байтанаевтың басшылығымен ортағасырлық Сайрамда жүргізілген қазба жұмыстарынан алынған. Суретті Ж. Жанабаев, С. Садықов салды.

В оформлении обложки использовано изображение оттиска штампа на керамике. Находка происходит из раскопок, проводившихся под руководством Б.А. Байтанаева на средневековом Сайраме. Рисунок выполнен Д. Джанабаевым, С. Садықовым.

In the design of the cover, the image of the imprint of the stamp on ceramics is used. The find comes from excavations conducted under the direction of B.A. Baitanayev on medieval Sayram. The drawing was made by J. Janabayev, S. Sadykov.

Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтының эмблемасын М.А. Антонов дайындады
Эмблема Института археологии им. А.Х. Маргулана разработана М.А. Антоновым
Emblem of the A.Kh. Margulan Archeology Institute developed by M.A. Antonov.

Журнал 2018 жылдың 26 сәуірінен бастап шығады. ҚР Байланыс және ақпарат министрлігінің Ақпараттар мен архивтер комитетінің мерзімді баспасөз басылымын және (немесе) ақпараттық агенттіккі есепке қою туралы 2011 жылғы 14 қарашадағы № 12108-Ж куәлігі берілген

Журнал основан 26 апреля 2018 г. Свидетельство о постановке на учет периодического печатного издания и (или) информационного агентства № 12108-Ж от 14 ноября 2011 г. выдано Комитетом информации и архивов Министерства связи и информации РК

The journal was founded on April 26, 2018. Certificate of registration of periodical print publication and (or) information agency № 12108-Ж dated November 14, 2011 was issued by the Committee of Information and Archives of the Ministry of Communications and Information of the Republic of Kazakhstan

Түпнұсқа макет Ә.Х. Марғұлан атындағы Археология институтында дайындалады.
050010 Алматы қаласы, Достық даңғылы, 44
Баспаға 30.06.2021 жылы қол қойылды. Пішім 70×108 1/16
Шартты б.т. 13,33. Times New Roman Гарнитурасы. Таралымы 200 дана.

Оригинал-макет подготовлен в Институте археологии им. А.Х. Маргулана
050010 г. Алматы, пр. Достык, 44
Подписано в печать 30.06.2021. Формат 70×108 1/16
Усл. п. л. 13,33. Гарнитура Times New Roman. Тираж 200 экз.

Original layout prepared at the A.Kh. Margulan Archeology Institute
050010 Almaty, Dostyk Ave., 44
Signed to print 30.06.2021. Format 70 × 108 1/16
Printed sheet 13,33. Times New Roman headset. Circulation 200 copies.

"Хикари" баспаханасында басылған
Отпечатано в типографии «Хикари»
Printed in the printing house "Hikari" hikari.kz24.online